

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

1/2008
(№ 62)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 4 **А. В. Логинов.** Влияние социальной политики государства на политическую стабильность региона
- 13 **А. А. Башкарев.** Виртуальное политическое пространство в сети Интернет
- 19 **В. П. Миничкина.** Мониторинг мероприятий административной реформы в регионе
- 30 **А. В. Шиловский.** Дипломатия регионов: опыт и перспективы
- 41 **Е. Н. Татаурова.** Муниципальное управление: проблема взаимодействия с населением

Проблемы федерализма

- 48 **Р. К. Сатвалова.** Практика реализации суверенитета в федеративном государстве
- 57 **И. В. Бахлов.** Политико-правовая конструкция советской федерации

Экономика региона

- 68 **Н. А. Алексеева.** Некоторые аспекты мезоэкономической теории региона
- 73 **В. Ф. Чеботарев, И. В. Белов.** Кластерная политика как основа стратегического инновационного развития региона
- 77 **С. Л. Боровая, Е. С. Губанова.** Методика оценки дифференциации социально-экономического развития региона
- 85 **Р. Г. Смолкин.** Развитие бюджетного механизма государственного регулирования экономического развития регионов
- 91 **К. В. Мальцев.** Проблемы государственного регулирования земельного рынка
- 99 **А. А. Кидямкин.** Особенности развития кабельной промышленности и их влияние на состояние бизнес-планирования отрасли
- 107 **О. В. Асмус, Т. Ю. Асмус.** Проблемы сбалансированного развития АПК депрессивных территорий

- 111 **С. П. Бурланков, А. Н. Щукин, С. М. Имяреков.** Региональные особенности создания интегрированных формирований в АПК России и зарубежных стран
- 120 **С. Ф. Кузнецов.** Оценка уровня обеспеченности оборотным капиталом предприятий аграрного сектора региона
- 126 **В. И. Пантелеев, В. К. Кистенев, С. А. Демченко.** Формирование лимитов потребления электрической энергии муниципальными учреждениями

Региональные проблемы науки и образования

- 131 **А. П. Егоршин, Е. Ю. Горбунова.** Диагностика и стратегическое планирование вуза
- 137 **Н. В. Ивашкина.** Экономические и социально-личностные факторы доступности университетского образования в регионе
- 146 **В. Т. Волов.** Развитие телекоммуникационных образовательных технологий в контексте борьбы с криминализацией общества
- 153 **С. В. Дергачев.** Управление профессиональной подготовкой кадров муниципальной службы в регионе
- 162 **А. Ю. Архипенко.** Непрерывное профессиональное образование в структуре современного промышленного предприятия региона

Социология региона

- 168 **Н. Н. Михайлова.** Гендерная социализация в вузах региона
- 172 **С. Н. Алямкин.** Специфика социальной ответственности бизнеса в регионе
- 181 **А. М. Прилуцкий.** Влияние экуменических организаций на религиозную ситуацию в Северо-Западном регионе
- 191 **Ж. В. Кузнецова.** Агрессивность как проявление интолерантности у детей 6—10 лет в условиях межэтнического взаимодействия
- 197 **К. О. Чепеленко.** Опыт визуально-социологической рефлексии театрального зрителя

Социальное развитие региона

- 204 **Е. С. Романовская.** Внедрение конкурсных механизмов расходования бюджетных средств в социальной сфере региона
- 213 **М. С. Ахметова.** Социальное положение пожилых людей в регионе

Информационное пространство региона

- 217 **Ш. Г. Сеидов.** Формирование единого информационного пространства региона
- 221 **В. А. Нечаев, Т. Е. Изосимова.** Информационные системы и ресурсы как факторы социально-экономического развития региона

Народы России: возрождение и развитие

- 232 **В. Н. Романов.** К вопросу о российской полиэтнической политарности

Региональная история и историография

- 238 **Е. С. Бахмутов.** Секта бегунов — радикальный толк раскола

Провинциальная культура

- 246 **О. А. Дорофеева.** Тенденции взаимопроникновения славянских и финно-угорских мифологических представлений
- 253 **А. Л. Филатова.** Развитие провинциальных музеев России в постперестроечный период

Конференции, встречи, дискуссии

- 262 Рецензии

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
Т. И. ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
М. Н. ПОНАМАРЕВ
В. А. ЮРЧЕНКОВ

А. В. ЛОГИНОВ

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ
СТАБИЛЬНОСТЬ РЕГИОНА**

Разработка концепции социальной политики как одного из направлений активности государственных институтов — процесс, охвативший целую историческую эпоху. Только в XX в. стало общепризнанным, что государство не только должно играть ограниченную политическую роль, но и быть социально и экономически ответственным институтом, главная задача которого — обеспечение социально-политической стабильности.

Для стабильного государства характерны разделяемое чувство принадлежности к нации; преемственность форм правления; постепенная и упорядоченная смена правящих элит; наличие системы сдержек и противовесов баланса властных структур; функционирование многопартийности, в рамках которой эффективно действует оппозиция; наличие многочисленного среднего класса. Эти факторы политической стабильности взаимосвязаны, так как нестабильность одного из них может привести к нестабильности других. Например, сепаратизм регионального меньшинства может привести к ослаблению поддержки политического режима, а расслоение общества по доходам ведет к излишней политизации интересов социальных групп. В этом отношении социальная политика призвана выступать эффективным механизмом политической стабилизации.

С точки зрения С. Н. Смирнова, «важно разграничивать широкий и узкий подход к понятию „социальная политика“. Социальная политика в широком смысле слова охватывает решения и мероприятия, затрагивающие все стороны жизни членов общества, включая разработку и использование

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

минимального потребительского бюджета (прожиточного минимума), механизма социальной защиты населения от инфляции, обеспечение последнего товарами, жильем и услугами социальной инфраструктуры, рабочими местами, приемлемыми денежными доходами, благоприятными экологическими условиями и т. п. Социальная политика в узком смысле слова — это система государственных мер по поддержанию тех общественных групп и слоев населения, которые в силу тех или иных причин оказываются в более трудном положении, чем другие, страдают от специфических обстоятельств и не могут своими силами улучшить собственное положение»¹. Таким образом, в социальной политике государства можно выделить два основных аспекта, по которым осуществляется регулирование социальных процессов. К ним относятся, во-первых, политика в сфере общественного благосостояния и, во-вторых, политика по поддержке социально незащищенных групп населения и развития некоммерческой части социально-культурной сферы.

Важное значение имеет диалектическая взаимосвязь между экономической и социальной политикой. Экономическая политика имеет своим конечным итогом регулирование деятельности людей *по созданию* материальных и духовных благ как важнейшего условия роста народного благосостояния. Социальная политика связана с воздействием на отношения между людьми *по использованию* ими материальных и духовных благ, всестороннего совершенствования всех членов общества, исходя из принципов социальной справедливости.

Многообразие общественных потребностей, зачастую их противоречивый характер требуют от социальной политики достижения такого состояния общества, когда противоречивый характер потребностей в максимальной степени гармонизирован, а сама социальная система ориентирована на наивысший динамизм развития. При этом социальная политика, если она не ориентирована популистски, всегда исходит из имеющегося материального потенциала экономической системы и поэтому всегда имеет подчиненный по отношению к экономике характер. В этом отношении важен баланс этих сфер, в противном случае возможны кризисные ситуации.

Согласно традиционной точке зрения, одним из важнейших факторов, определяющих политическую стабильность, является уровень экономического развития. Однако не все

ученые готовы признать прямо пропорциональную зависимость между этими параметрами. Так, М. Олсон выдвинул и обосновал концепцию, согласно которой в странах, переживающих период модернизации, экономический рост нередко становится дестабилизирующим фактором. Дело в том, что индустриальное развитие нарушает естественные социальные связи людей, тем самым ослабляя их групповую солидарность. Поэтому модернизация может вызвать «всплески» неудовлетворенности со стороны как вытесняемых на обочину экономических отношений «новых бедных», так и «новых богатых», оказывающихся перед соблазном изменить существующий политический порядок в свою пользу. Экономическое развитие, таким образом, вполне может привести к большей дифференциации и поляризации общества². Вероятно, правильным было бы компромиссное заключение о том, что дестабилизационные тенденции могут быть обусловлены и экономическим прогрессом, и экономическим кризисом³.

Обратная ситуация также может привести к дестабилизации. Так, например, чрезмерное развитие «системы страхования для всех» способно подорвать самую успешную экономику. Тогда интересы социальной справедливости и согласия становятся превыше возможностей экономической системы. Длительное сохранение таких приоритетов в социальной политике ведет к истощению экономики и подрывает стимулы экономического развития.

Таким образом, в моделях экономической и социальной политики всегда должен находить выражение тот или иной вариант компромисса между основополагающими принципами — экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Накопленный опыт привел общество и государство к пониманию того, что не только социально несправедливы, но и непродуктивны любые уровни неравенства, выходящие за границы социальной нормы. Одна из важных политических проблем в том, что если политика формируется без учета этих принципов, то для поддержания стабильности государство в таких условиях должно расходовать более значительную часть ресурсного потенциала на «охранные» мероприятия. Под такими понимаются практические действия по защите установленных «правил игры», т. е. правил, генерирующих неравенство⁴.

Одна из главных функций социальной политики — обеспечение процесса модернизации общества. Механизм этого процесса достаточно объективно описывается концепцией «симметричного и диссимметричного» развития. В этой парадигме симметричный фактор рассматривается как равноценный равновесию, выравниванию социального положения, диссимметричный — как эквивалентный нарушению стабильности. Общество не может длительное время находиться в сфере доминирующего влияния одного из этих факторов, так как действует закон постоянного противостояния и взаимодействия «симметричных и диссимметричных» механизмов. Эта концепция сформулирована в 70-е гг. XX в. французской политической школой⁵.

Если же иметь в виду более продуктивный, менее социально конфликтный процесс изменений, то достаточно основательно выглядит концепция равновесной динамики. Речь идет о том, что через систему политических институтов осуществляется постоянное поддержание социального равновесия на всех этапах трансформации. Исходными условиями такой стратегии являются постепенность, взвешенность, минимизация социальной конфликтности и политика социальной интеграции.

Однако если рассматривать процесс социальных трансформаций через понимание симметрии как фактора стабильности, равноценного понятию равенства, а диссимметрии — как фактора риска, равноценного понятию свободы, то в таком виде она выглядит более основательно. В известном смысле можно согласиться с тем, что развитие общества сопровождается постоянным конфликтом механизмов равенства и свободы. Взаимосвязь между ними такова, что расширение пространства одного из них невозможно без сужения пространства другого. Равенство поддерживает стабильность, а свобода изменяет общество. Отсюда, когда свободы становится много, то это нарушает политическую стабильность. Последняя может противостоять свободе только в ситуации, когда она уже прочно утвердилась, т. е. имеется консенсус в отношении политических ценностей, институционализировалась партийная система, стабилизировалась экономика, обеспечена высокая степень независимости общества от случайных обстоятельств, в частности, законодательно обеспечена защита от сепаратизма, экстремизма и революционного преобразования

режима. Но в этом случае задача укрепления стабильности может противостоять целям обновления системы. Поэтому на стадии стабилизации всегда бывает сложно найти компромисс между стабильностью и свободой.

В целях системного рассмотрения предмета исследования необходимо остановиться на родовых понятиях политической «устойчивости» и «стабильности», оппозицией которым соответственно выступают категории «неустойчивости» и «нестабильности». Эти понятия проникли в самые разные концепции политической динамики, но наиболее подробно они разработаны в рамках структурно-функционального подхода, идей синергетики и теории катастроф.

В соответствии с теорией катастроф устойчивость динамической системы обусловлена действием двух полярных тенденций, одна из которых связана с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств (системообразующих, или так называемых «отрицательных»), тогда как вторая — наоборот, обеспечивает «положительную» возможность адаптации политических структур к «новым» условиям, изменениям внешней среды. При этом динамическая устойчивость политического порядка на той или иной фазе политического процесса носит относительный характер по отношению к непрерывной изменчивости социальной среды, текучести социального поля. Динамическая устойчивость политического процесса служит для различных государств неким идеальным типом или эталонной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы. В связи с этим большую популярность среди теорий социально-политических изменений получила концепция так называемого «устойчивого развития» (Sustainable development), ближе всех к реализации которой продвинулись развитые страны Европы (Великобритания, Германия, Франция и др.), Северной Америки (США, Канада), Япония, Австралия и др.

Более узким понятием является категория «политической стабильности». Многие зарубежные и отечественные политологи различают «устойчивость» и «стабильность» в политике⁶. Стабильность соотносят с ситуативными и оперативными параметрами политической динамики, а устойчивость — со стратегическим и историческим измерениями. Стабильность в стране и регионе может быть достигнута

путем тактического и временного соглашения между основными политическими силами (путем заключения пактов), но до стратегической устойчивости политической жизни может быть еще очень далеко⁷.

Итак, политическая стабильность выражает такое состояние политической динамики, при котором достигнуто временное равновесие (или баланс) сил основных политических акторов, после которого возможна и последующая дестабилизация, нарушение баланса. Процессы установления временной стабильности при отсутствии стратегической устойчивости весьма характерны для многих политических режимов стран Азии и Африки.

Дихотомией устойчивости и стабильности являются неустойчивость и нестабильность. Крайней формой неустойчивости политической динамики выступает системный кризис всех сфер общественной жизни, длительный и нарастающий характер которого ведет иногда к революциям и распаду старой политической системы. Классическими примерами подобных катаклизмов являются революция 1789 г. во Франции, события 1917 г. в России. Следует отметить, что стремительные перемены в экономической, социальной, культурной областях и резкая смена правящей элиты негативно воздействуют на политическую стабильность. Можно утверждать, что политические системы становятся нестабильными из-за глубокого раскола общества (экономического, этнического, регионального и идеологического), преодолеть который политические институты своими силами не в состоянии. Хотя в этой ситуации какие-то институты могут смягчить, а другие усилить нестабильность, в целом институты государства неспособны придать стабильность обществу нестабильному в своей основе⁸.

По мнению американских политологов Э. Даффа и Д. Маккаманта, анализ проблемы политической стабильности и нестабильности требует использования данных, во-первых, об отношении населения к политическому процессу, во-вторых, о внутренних резервах самой политической системы. Они называют критериями политической стабильности превалирование социальной помощи над социальной мобилизацией; высокие темпы экономического развития; равномерное распределение доходов, обусловленное в том числе и способностью властей собирать налоги; наличие

резервов политических возможностей; распространение институционализированных политических партий с широким членством, обеспечивающих вовлечение граждан в политическую жизнь. Для нестабильных режимов характерны в свою очередь перевес социальной мобилизации над социальной помощью, низкий уровень развития экономики, неравномерное распределение материальных благ, слабые политические возможности элиты, преобладание «узких» и персонифицированных партий⁹.

В условиях федеративного государства ключевое значение приобретает политическая и социальная стабильность в каждом отдельно взятом регионе.

В сложной региональной социальной системе, представляющей собой комплекс объективно-субъективных взаимодействий, описываемых стохастическими (вероятностными) моделями, стабильность — это, во-первых, не status quo, а динамика всех качественно жизненных процессов, в том числе политических. Процессы эти практически невозможно остановить, хотя российские регионы, типологизируемые по социально-экономическим и политико-идеологическим критериям, представляют собой весьма пеструю и мозаичную картину. Эффективность влияния региональной власти на эти процессы зависит от понимания их сущности, разработки и реализации собственных политик. Во-вторых, динамика жизненно важных процессов не должна быть искажаема экстремальностью развития как внутренних, так и внешних факторов региональной жизни. Здесь важны отношения с федеральным центром (разделение полномочий, извлечение выгод из «донорства» и др.), а также влияние власти на группировки, не принимающие участия в политическом управлении. В-третьих, предсказуемость наиболее существенных, принципиальных параметров и состояний политической и других систем, направлений и тенденций их эволюции и развития. В-четвертых, возможность рационально и эффективно реагировать на перемены, которые привносит жизнь, особенно на потенциально наиболее угрожающие или нежелательные из них. В этой связи необходимо развитие региональных исследовательских центров и институтов. В-пятых, инновационный потенциал региональных политико-административных элит. К его составляющим можно отнести: концептуальность, создание новых технологий при решении

сложнейших задач, умение рисковать и нетрадиционность в подходах, постоянный поиск источников финансирования региональных программ, выдвижение новых способных кадров, решение проблемы открытости власти.

Социально-политическая стабильность региона проявляется в способности государственной власти при помощи имеющихся в ее распоряжении материальных ресурсов, политической системы контролировать и регулировать внутреннюю социально-политическую ситуацию, определять курс по отношению к федеральному центру и другим субъектам федерации в критических условиях.

Действенность контроля зависит от успешности реализации собственных политик и влияния государственной власти на группировки, не принимающие участия в управлении регионом. Другим компонентом эффективности степени контроля можно считать способность власти маневрировать или, другими словами, гибкость границ контроля, способность к уступкам. Социально-политическая стабильность региона может быть обеспечена различными сочетаниями использования властью всех условий эффективного контроля. От степени стабильности зависит свобода действий региональной власти внутри субъекта федерации, на межрегиональном уровне и во взаимодействии с федеральным центром¹⁰.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности предположить, что для эффективной реализации проектов развития необходимо, по меньшей мере, достаточно высокий уровень социально-политической стабильности в каждом отдельно взятом регионе Российской Федерации. Должна быть реализована идея гражданского, социального и национального согласия. Российские реформаторы лишь тогда получают поддержку своих граждан, когда цели и методы проводимых реформ укоренятся в менталитете общества. Это возможно только при условии, что они не противоречат фундаментальным традициям российской цивилизации, отличной и от западноевропейской с ее культом этики индивидуализма, и от азиатской — с доминированием в ней этики кастовости. Исторически основой трудовой этики российского общества было и остается сочетание государственного патернализма и свободы личности, частных, групповых и общественных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов С. Н. Региональные аспекты социальной политики. М., 1999. С. 15.

² Цит. по: Макарычев А. С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полит. исслед. 1998. № 1. С. 36.

³ См.: Там же.

⁴ Люблинский В. В. Социальная политика в условиях трансформации общества в странах Запада (вторая половина XX — начала XXI века). М., 2005. С. 69.

⁵ См.: Мартышин О. В. Политическая философия французских мыслителей XX в. М., 1998. С. 136.

⁶ См.: Политический словарь / Под ред. В. Халипова. М., 1995. С. 146.

⁷ См.: Бабошин К. И. Социально-политическая стабильность в современной России. Саратов, 2005. С. 16.

⁸ См.: Регионоведение: социально-политический аспект. Н. Новгород, 2000. С. 67.

⁹ Duff E., McCamant J. F. Measuring Social and Political Requirements for System Stability in Latin America // The American Political Science Review. 1968. № 4. Vol. LXII.

¹⁰ См.: Регионоведение... С. 17.

Поступила 24.09.07.

А. А. БАШКАРЕВ ВИРТУАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Интернет-технологии открывают новые возможности для совершенствования коммуникаций между людьми в глобальных масштабах, существенно развивая индивидуальную осведомленность. Одной из важных черт политического облика Интернета стало формирование с его помощью технологий виртуального пространства в политической сфере. Это предполагает появление принципиально новых способов единения людей. Облик XX в. во многом определился развитием таких систем электронных коммуникаций, как радио и телевидение. Интернет, объединяющий миллионы людей во всех частях света и стремительно увеличивающий число своих абонентов, обеспечивая возможность двустороннего интерактивного общения, является революционным методом коммуникации¹.

Самая революционная черта политического облика Интернета — формирование с его помощью в политической сфере технологий виртуального пространства. Одновременно такой тип мыслимой политической реальности предполагает образование соответствующих способов единения людей — виртуальных общин, свидетельствующих об объединении людей по интересам. Интернет становится не просто новым средством информации и общения, но и объектом политики и бизнеса, поскольку сегодня всемирная сеть имеет огромную аудиторию.

Принципиально важно отсутствие цензуры на передаваемые посредством Интернета сообщения, ведь именно в глобальной сети создан мировой рынок новостей, формируемый без контроля со стороны органов государственной власти. Сеть формировалась как абсолютно самостоятельный и самодостаточный механизм, не терпящий внешнего контроля. Впрочем, стихийно Интернет развивался только в начале. Постепенно ситуация изменилась, и государствен-

БАШКАРЕВ Андрей Альбертович, аспирант кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ные органы в ряде стран стали пытаться контролировать Интернет-коммуникации. И хотя абсолютный контроль над сетью, так же как и ее закрытие, практически невозможен, все же Китай, КНДР и еще почти два десятка стран ввели у себя систему косвенного государственного контроля за Интернет-коммуникациями.

В силу отсутствия контроля над сетевым пространством впервые появилась возможность вынесения на политический рынок разнообразной, в том числе абсолютно эксклюзивной информации, которая может быть заведомо ложной, умышленно размещенной в Интернете в тех или иных целях. В США, например, (в отличие от Европы) приняты этические кодексы поведения пользователей в сети, следование которым носит добровольный характер. Там же в рамках Национальной информационной инфраструктуры создан и Комитет по неприкосновенности частной жизни, рассматривающий вопросы неприкосновенности информации частного характера и корректного использования сведений. Однако и эти меры оказались недостаточными, и сегодня в этой стране часто обсуждается вопрос о недопустимости свободного от государственного регулирования Интернета. Думается, во многом на это повлияли события 11 сентября 2001 г., продемонстрировавшие трагические последствия дефицита информации об электронной переписке террористов. Сегодня возможности мирового Интернет-сообщества более активно используются для отслеживания контактов преступных международных сообществ².

Несмотря на то, что Интернет крайне опасен в плане манипулирования потребителями сетевой информации, следует признать его несомненные достоинства. Он способствует интенсификации информационного трафика, а также максимальному удовлетворению индивидуальных, избирательных информационных запросов. В качестве примера можно привести не только пользующиеся популярностью у пользователей поисковые сайты, но и, в частности, специализированные ресурсы, посвященные политическому анализу. Поисковые системы дают человеку возможность в каждом конкретном случае получать именно те сведения, которые ему необходимы в данный момент. Интернет способен оказывать гражданину экспертную помощь при анализе политической ситуации. Даже профессионалы (по-

литические технологи и аналитики) постоянно используют консультационные интернет-методики в своей работе. Наиболее показателен в этом отношении в России пример Фонда эффективной политики во главе с Г. О. Павловским. Интернет стал для них инструментом как оперативной диагностики, так и построения научных долгосрочных моделей развития социально-политических институтов, отношений и даже политических биографий отдельных персон.

Понятно, что политические структуры не могли не отреагировать на такие изменения в информационных потребностях граждан. Поэтому у различных партий и органов власти, а также отдельных государственных деятелей появились собственные электронные представительства в сети. Такие авторские сайты стали непременным атрибутом их присутствия на современном политическом рынке.

Конечно, на такой тип презентации интересов существенное влияние оказывает техническая оснащенность граждан, наличие у них соответствующих средств для включения в сеть. Например, только в Нью-Йорке телефонов больше, чем во многих африканских странах. Однако и в благополучных странах существует проблема доступности Интернета для разных слоев населения. Один из ее аспектов — медленное освоение его возможностей массовым сознанием. Но самая серьезная сторона данной проблемы — преодоление цифрового неравенства, разрыва (*digital divide*). Для ее решения требуются не только значительные технические средства, но и развитие программного обеспечения, банков данных, усиления совместимости различных сетевых пространств и т. д.

Увеличение информационных ресурсов населения способствует более массовому участию граждан в принятии решений. Расширение знаний о политических процессах и получение возможности сообщать свое мнение непосредственно центрам и институтам власти способствовали организации Интернет-плебисцитов, массовых опросов граждан по актуальным вопросам политического развития. Однако развитие интерактивных Интернет-форм политического дискурса не сводится только к повышению политических возможностей рядовых граждан. Власти также получают больше информации о социальных интересах, запросах, мнениях населения.

Распространение Интернета служит одним из показателей технологического разрыва между странами. Уже летом 1998 г. число его пользователей в разных странах мира приближалось к 122 млн человек³. Встает вопрос о типологическом определении Интернета как средства массовой коммуникации или средства массовой информации. Европейские исследователи определяют Интернет как «глобальную коммуникационную систему, доступную практически во всех странах мира, за исключением редких государств Африки и Азии»⁴.

Совместное возрастание политического потенциала рядовых граждан и правящего класса заставляет многих ученых говорить о назревающей «революции участия». По убеждению Л. Гроссмана, в результате этого технического переворота «люди станут четвертой ветвью власти»⁵. Таким образом, появление и развитие Интернета подтверждает идеи Д. Белла, Э. Тоффлера⁶, З. Бжезинского, Р. Даля, и особенно М. Маклюэна⁷, раньше других высказавших мысль, что развитие техники и электронных средств коммуникации со временем станет наиболее действенным фактором, под влиянием которого будут формироваться как экономическое, так и политическое пространство общества, развиваться предпосылки дальнейшего развития демократии. В русле этих идей А. Этциони сформулировал концепцию «теледемократии», манифестировавшую становление новых исторических форм организации власти⁸.

В современном мире уже есть опыт применения технологий такой электронной демократии. В ряде западных государств опробованы технологии электронного голосования. Еще в начале 90-х гг. XX в. в США во время выборов была учреждена «электронная ратуша», с помощью которой избиратели получили возможность замещать своих представителей при выборе решений. Там же в 1994 г. впервые принята правительственная директива, обязывающая правительство открывать через Интернет информацию о своей деятельности.

Конечно, перспектива Интернет-демократии способствует более полному участию граждан в политическом процессе. Но такой тип принятия решений несет в себе и некие угрозы, причем не только привычному порядку формирования власти, но и самому механизму политического управления. Ведь многие проблемы, требующие компетентной оценки, а порой и принятия жестких, непопулярных решений, вряд ли

получат одобрение на таком форуме. Кроме того, интерактивные формы взаимоотношений государства и гражданского общества могут нарушить баланс в правящем классе и права меньшинств или привести к принятию политических решений, не отвечающих долгосрочным интересам общества.

Таким образом, влияние Интернета изменило стилистику политической конкуренции. Это привело, с одной стороны, к возможности повышения транспарентности политики, чему способствует открытие информации о деятельности властных структур, механизмах формирования политической повестки дня, с другой — к росту информированности массового политического субъекта. Сочетание этих формирующихся на наших глазах тенденций ведет к росту капитала общественного доверия. В результате повышается легитимность, укрепляется положение властных структур и, как следствие, происходит стабилизация государства и общества.

Существенный вклад Интернет-технологии внесли в развитие системы государственного управления, укрепление тенденции постепенной трансформации вертикально-централизованной структуры макрорегулирования общества с полицентрическими формами его организации. Сегодня благодаря Интернету значительно снизились потребности в человеческих, материальных и организационных ресурсах для эффективного управления. С его неперенным участием осуществляются и преобразования по перестройке системы государственного управления с точки зрения интересов рядового гражданина (потребителя информационных услуг государства). Интернет стал мощным механизмом децентрализации и деконцентрации власти, управления и де бюрократизации структур государства.

С помощью, а нередко и под непосредственным влиянием сетевых технологий, формируются транснациональные связи и институты глобального мира, складываются его нормы и традиции. Стало совершенно очевидным, что глобализация в современном мире — гораздо более многосторонний процесс, не сводимый к чисто экономическим составляющим. Как уже отмечалось, информационный обмен в планетарной сети Интернет в целом ряде случаев сам по себе ценен и значим. В итоге начали создаваться своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные и в политической сфере.

Интернет помогает отдельным странам и политическим организациям «встроиться» в новые мировые взаимоотношения. Он не только распространяет информацию и формирует трансграничные потоки, но и обеспечивает главную ценность — высокую скорость доступа к необходимым сведениям, которые легче других связующих страны компонентов проникают через политические и социальные барьеры. В результате складываются сетевые структуры, связывающие между собой политические и социально-экономические структуры и локалитеты. Причем, будучи едва ли не самым мощным средством сбора, обработки, хранения и передачи информации, Интернет продолжает свою эволюцию, выступая ядром формирования новых технических средств связи, представляющих собой синтез телематических и сетевых элементов, что в свою очередь становится предпосылкой новых социальных и политических изменений в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001. С. 64—65.

² См.: *Политические коммуникации: Сб. / Под ред. А. И. Соловьева.* М., 2004. С. 268—271.

³ См.: *Варманова Е. Л.* Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество в СМИ Финляндии в европейской перспективе. М., 1999. С. 76.

⁴ См.: *Truetzschler W.* The Internet: A New Mass Medium? // *Media Policy. Convergence, Concentration and Commerce / Ed. By Denis McQuall and Karen Siune.* London, 1998. P. 75.

⁵ *Grossman L.* The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N. Y., 1995. P. 16.

⁶ См.: *Toffler A.* A Third Wave., Toronto, 1981.

⁷ См.: *McLuhan M.* Effects of the Improvements of Communication Media // *Journal of Electric History.* Vol. 20., 1960.

⁸ *Etzioni A.* The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y., 1993.

Поступила 17.12.07.

В. П. МИНИЧКИНА

МОНИТОРИНГ МЕРОПРИЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В РЕГИОНЕ

Реформирование системы государственного управления является одним из важных условий ускорения социально-экономического развития страны. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2003 г. основным препятствием на пути экономических реформ названа недостаточная эффективность деятельности государственного аппарата, несоответствие количества его полномочий качеству власти.

Республиканская целевая программа «Проведение административной реформы в Республике Мордовия в 2006—2008 годах», утвержденная распоряжением Правительства РМ от 7 июля 2006 г. № 694-р, предусматривает реализацию мероприятий по 7 основным направлениям, которые нашли отражение в Подробном плане мероприятий по проведению административной реформы в Республике Мордовия в 2007 г. и Плана мероприятий по проведению административной реформы в Республике Мордовия в 2007—2008 гг., утвержденных распоряжением Правительства РМ от 27 апреля 2007 г. № 402-Р и изложенных в новой редакции 28 ноября 2007 г. № 1144-Р.

Практика составления докладов о результатах и основных направлениях деятельности региональных органов исполнительной власти в 2004—2005 гг. выявила ряд серьезных проблем, препятствующих формированию системы управления, ориентированной на результат. Не созданы система сбора и обработки информации, необходимой для формирования достаточного набора целевых значений показателей результативности, а также система мониторинга их достижения.

МИНИЧКИНА Валентина Павловна, заместитель директора по научной работе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат экономических наук.

У государственных служащих нет необходимых знаний и навыков такой работы, а также мотивации к ее проведению.

В связи с этим вышло Постановление Правительства РМ от 28 сентября 2007 г. № 444 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке Сводного доклада о результатах и основных направлениях деятельности Правительства Республики Мордовия и докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования и проектного управления в равной мере важно для успешного проведения административной реформы и решения других задач, связанных с реализацией полномочий органов исполнительной власти.

Отсутствие стандартов качества и доступности государственных услуг в РФ не позволяют упорядочить и конкретизировать обязательства органов исполнительной власти перед обществом, то есть обязательства РФ и субъектов РФ, обусловленные законами, иными нормативными правовыми актами, договорами или соглашениями, перед физическими или юридическими лицами, а также внедрить процедуры контроля и оценки деятельности органов исполнительной власти. Целями мероприятий этого направления стали разработка и внедрение стандартов государственных услуг, административных регламентов, а также совершенствование имеющихся и создание новых эффективных механизмов досудебного обжалования действий и решений органов исполнительной власти и их должностных лиц.

В связи с этим вышли Постановление Правительства РМ от 14 ноября 2007 г. № 518 «Об Административном регламенте предоставления государственной услуги по рассмотрению обращений граждан исполнительными органами государственной власти Республики Мордовия и задачах исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия по обеспечению личного приема граждан» и Постановление Правительства РМ от 19 ноября 2007 г. № 519 «Об Административном регламенте предоставления государственной услуги по рассмотрению обращений граждан Правительством Республики Мордовия и задачах по обеспечению личного приема граждан».

Кроме этого подготовлен и утвержден пакет ведомственных нормативных документов: 37 административных регла-

ментов министерств и ведомств республики и 9 регламентов городского округа Саранск. В частности, Министерством труда и социальной защиты населения Республики Мордовия разработаны, апробированы и внедрены 8 административных регламентов предоставления государственных услуг в сфере социальной защиты населения.

В рамках направления «Стандартизация и регламентация» необходимо также решить задачи по подготовке нормативно-правовой и методической базы для внедрения стандартов государственных услуг, созданию и ведению их реестров (перечней), отработке механизмов дистанционного предоставления государственных услуг на основе современных информационно-коммуникационных технологий, созданию системы обратной связи с потребителями государственных услуг для использования полученной информации при выработке решений и коррекции целевых значений показателей результативности деятельности органов исполнительной власти.

Перечень государственных услуг, которые предоставляются органами исполнительной власти субъектов РФ и в отношении которых требуется первоочередная разработка, внедрение стандартов и административных регламентов, рассматривался Комиссией по проведению административной реформы в Мордовии. В результате работы Комиссии вышел Закон РМ от 26 июня 2006 г. № 39-З «О республиканских стандартах качества предоставления бюджетных услуг». В законе даны определения предоставления бюджетных услуг; стандарта качества предоставления бюджетных услуг, изложен подробный перечень требований, которые должен содержать стандарт бюджетной услуги. В Постановлении Правительства РМ от 30 июня 2006 г. № 290 «Об утверждении республиканских стандартов качества предоставления бюджетных услуг» закреплены стандарты качества предоставления бюджетных услуг в области здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социальных услуг.

Полномочия Правительства РМ в области установления стандартов бюджетных услуг и порядка оценки качества их предоставления даны в Постановлении Правительства РМ от 30 июня 2006 г. № 282 «Об утверждении Порядка проведения оценки соответствия качества фактически предоставляемых бюджетных услуг республиканским стандартам качества предоставления бюджетных услуг». Под объектом

оценки понимается соответствие качества предоставляемых услуг, технологии, условий их предоставления требованиям республиканских стандартов качества предоставления бюджетных услуг.

Постановлением закреплены правила проведения контрольных мероприятий проверяющим органом, порядок обжалования результатов проверки, обязанности руководителя исполнительного органа государственной власти республики, его заместителей и других должностных лиц, рассматривающих обращения граждан, а также меры ответственности при выявлении нарушений стандартов качества.

Методические рекомендации, закрепленные в Постановлении Правительства РМ от 28 сентября 2007 г. № 443 «Об утверждении Методических рекомендаций по ведению Реестра государственных услуг Республики Мордовия», направлены на повышение эффективности и качества деятельности исполнительных органов государственной власти РМ по обеспечению реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц, обеспечению доступности и прозрачности сведений об услугах, предоставляемых исполнительными органами государственной власти республики, устанавливают порядок формирования и ведения Реестра государственных услуг Республики Мордовия.

В Постановлении Правительства РМ от 30 июня 2006 г. № 276 «О мерах по созданию системы учета потребности в предоставляемых бюджетных услугах» утверждается Перечень бюджетных услуг, в соответствии с которым производится учет потребности в предоставлении бюджетных услуг, а также Порядок проведения ежегодной оценки потребности в предоставлении бюджетных услуг в натуральном и стоимостном выражении, а также учета результатов оценки при формировании расходной части республиканского бюджета Мордовии. В Перечне представлен подробный список видов услуг в соответствии с нормативно-правовыми актами, определяющими правила их предоставления потенциальным потребителям по 6 направлениям: услуги в области образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры, физической культуры и спорта и др. Нельзя не отметить Постановление Правительства РМ от 26 мая 2006 г. № 212 «О Республиканском перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого

возраста и инвалидам государственными учреждениями социального обслуживания населения, и Тарифах на платные социальные услуги».

В 2007 г. Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия осуществлена оценка эффективности предоставления государственных услуг исполнительными органами государственной власти Мордовии.

Разработка технологической базы электронных административных регламентов, реализуемых посредством применения информационно-коммуникационных технологий на всех этапах выполнения соответствующих действий, ведется в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 гг.)». Электронные административные регламенты позволяют обеспечить взаимодействие различных ведомственных информационных систем в рамках реализации общих административных процедур. Эта работа предстоит на следующих этапах реализации административной реформы.

В рамках административной реформы должна быть продолжена подготовка нормативно-правовой и методической базы для разработки и внедрения административных регламентов, проведены ведомственные и региональные эксперименты, разработаны пилотные проекты, обеспечены экспертная, консультационная и образовательная поддержка разработки и внедрения административных регламентов и сопровождение практики их применения.

Предстоит создание *оптимальной структуры и оптимизация функций исполнительных органов государственной власти*. Наличие у органов исполнительной власти значительного числа избыточных функций и неэффективные механизмы их реализации стали препятствием интенсивному развитию предпринимательства, подрывают доверие бизнеса к государственной власти. Решение этой проблемы предполагает ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования за счет оптимизации функций органов исполнительной власти.

Целями реализации административной реформы по этому направлению являются оптимизация функций органов исполнительной власти, включая контроль и надзор, внедрение особых механизмов противодействия коррупции в органах исполнительной власти.

Указ Главы РМ от 21 ноября 2005 г. № 187-УГ «О структуре исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия» утверждает структуру исполнительных органов государственной власти республики: Правительство РМ, министерства, государственные комитеты, республиканские комиссии, республиканские службы, республиканские инспекции, иные исполнительные органы государственной власти республики.

Цель реализации административной реформы *по антикоррупционной политике* — оптимизация функций органов исполнительной власти, особых механизмов противодействия коррупции. Следует отметить, что в ряде органов исполнительной власти возникают дополнительные условия для коррупции. В группу органов исполнительной власти с повышенным коррупционным риском входят те, для которых характерно наличие полномочий, связанных с распределением значительных финансовых средств, высокая степень свободы действий, вызванная спецификой их работы, высокая интенсивность контактов с гражданами и организациями. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, создать антикоррупционные механизмы в сферах деятельности государственных органов с повышенным риском коррупции, внедрить экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность, создать методические основы оценки коррупциогенности государственных функций; разработать пакет антикоррупционных нормативных правовых актов, а также разработать ведомственные и региональные антикоррупционные программы.

Закон РМ от 8 июня 2007 г. № 54-З «О противодействии коррупции в Республике Мордовия» принят Государственным Собранием 5 июня 2007 года. Законом определены задачи антикоррупционной политики и обоснована необходимость разработки антикоррупционной программы, проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, антикоррупционного мониторинга, организации антикоррупционного образования и пропаганды.

Органы государственной власти могут создавать совещательные и экспертные органы из числа представителей органов государственной власти, общественных объединений, научных, образовательных учреждений и иных организаций и лиц, специализирующихся на изучении проблем корруп-

ции. В 2007 г. Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия разработана методология мониторинга восприятия коррупции и взяточничества населением Мордовии и проведено пилотажное исследование «Восприятие коррупции населением». В 2008 г. будет продолжен комплекс антикоррупционных мероприятий.

Важным направлением административной реформы стало *повышение эффективности взаимодействия государства и общества*. Одна из ключевых проблем функционирования системы исполнительной власти в Республике Мордовия — информационная закрытость органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, отсутствие обратной связи с гражданами и организациями. Процесс получения информации сложен, значимая для общества информация предоставляется государственными органами зачастую несвоевременно либо вовсе недоступна. Реализация конституционного права граждан на получение информации чрезвычайно затруднена. Целями мероприятий по этому направлению стали повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества, а также повышение открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

В 2007 г. Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия разработана методология мониторинга и рейтингования исполнительных органов власти Республики Мордовия по критерию открытости, проведен мониторинг и составлен рейтинг исполнительных органов власти по критерию открытости в 2007 году.

Целью мероприятий по *модернизации системы информационного обеспечения исполнительных органов государственной и муниципальной власти* является реформирование системы информационного обеспечения деятельности органов исполнительной власти на основе внедрения международных стандартов и создание систем мониторинга по основным направлениям реализации административной реформы. В рамках этого направления ведется разработка методических основ и систем мониторинга процессов управления по результатам качества предоставления государственных услуг, результативности ведомственных и региональных антикоррупционных программ, проведения закупок для государственных нужд, информационной от-

крытости органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, развития гражданского общества и участия его представителей в процессе подготовки и принятия государственными органами решений с последующим мониторингом. Мероприятия осуществляются в рамках Республиканской комплексной целевой программы «Формирование информационного общества в Республике Мордовия до 2010 г.», утвержденной Постановлением Правительства РМ от 14 марта 2005 г. № 76.

Повышение эффективности государственной службы во многом зависит от понимания и поддержки гражданами и бизнесом целей и задач административной реформы, заинтересованности гражданского общества в результатах реформы, с одной стороны, и наличия объективной информации о ходе ее реализации — с другой. Необходимый фактор успешного проведения реформы — заинтересованность в ней государственных служащих, призванных обеспечить ее реализацию.

Указ Главы РМ от 14 декабря 2006 г. № 230-УГ «Об утверждении Положения о кадровом резерве на государственной гражданской службе Республики Мордовия» (далее — Положение) утверждает прилагаемое к нему Положение. Обязанности по организации методического обеспечения работы с кадровым резервом государственной гражданской службы республики возлагаются на управление государственной службы Администрации Главы РМ.

Указом Главы РМ от 25 февраля 2005 г. № 22-УГ «О денежном содержании лиц, замещающих государственные должности Республики Мордовия и государственных гражданских служащих Республики Мордовия» утверждены прилагаемые к нему соответствующие Положения.

Законом РМ от 20 февраля 2006 г. № 4-З «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Мордовия» внесены изменения в Закон РМ от 26 января 1996 г. № 10-З «О государственной службе Республики Мордовия» и в Закон РМ от 8 июня 1999 г. № 30-З «О муниципальной службе в Республике Мордовия» в части пенсионного обеспечения государственных гражданских и муниципальных служащих.

Постановление Правительства РМ от 30 июня 2006 г. № 274 «О мерах по оптимизации бюджетной сети и обес-

печению перевода государственных учреждений республики в форму негосударственных организаций» содержит Перечень основных социальных услуг, предоставление которых в Мордовии может осуществляться негосударственными организациями, и Порядок проведения эксперимента по переводу государственных учреждений республики, предоставляющих социальные услуги, в форму негосударственных организаций. В число основных социальных услуг, предоставление которых в Мордовии может осуществляться негосударственными организациями, входят услуги по организации занятий граждан физкультурой и спортом путем проведения занятий в клубах, учебных группах, командах; услуги по организации спортивно-массовых мероприятий (соревнования, спартакиады, учебно-тренировочные сборы), в том числе общероссийского и республиканского уровней; услуги по изучению, поддержке традиционной народной культуры.

Постановлением Правительства РМ от 30 июня 2006 г. № 279 «О вопросах результативности работы и повышения самостоятельности бюджетных учреждений Республики Мордовия» утверждаются Перечень основных требований к результатам работы бюджетных учреждений республики. Он представляет собой типовую таблицу, точно оценивающую деятельность учреждений; Перечень индикаторов качества бюджетных услуг, предоставляемых бюджетными учреждениями Мордовии; Методику оценки выполнения бюджетными учреждениями республики требуемых результатов и учета их достижения при финансировании бюджетных учреждений Мордовии.

Таким образом, реализация первого этапа административной реформы позволила создать необходимые предпосылки для дальнейшей комплексной модернизации системы государственного управления и местного самоуправления. Разрабатываются проекты типовых административных регламентов, ведутся пилотные проекты по созданию реестров и стандартов государственных услуг. Проведенные в Мордовии мероприятия по осуществлению реформы государственной службы и административной реформы создали базу для дальнейшего ее развертывания в полном объеме, подготовлены нормативные акты, направленные на обеспечение доступа к информации государственных органов и органов местного

самоуправления, осуществляется реформирование системы закупок для государственных и муниципальных нужд.

Однако по ряду приоритетных направлений административной реформы работы не начаты или приостановлены. Прежде всего это касается механизмов реализации полномочий органов исполнительной власти. В частности, не разработаны и не реализованы механизмы осуществления контроля и надзора, противодействия коррупции, взаимодействия между государством и структурами гражданского общества, досудебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц.

В этом отношении в 2008 г. предстоит осуществить организацию эффективного разделения полномочий и координацию деятельности между исполнительными органами государственной власти республики и органами местного самоуправления муниципальных образований Мордовии, в первую очередь при оказании государственных услуг населению и бизнесу; организацию эффективной координации деятельности между исполнительными органами государственной власти республики и территориальными органами федеральных органов исполнительной власти при оказании государственных услуг населению и бизнесу; дальнейшее внедрение в исполнительных органах государственной власти Мордовии и в органах местного самоуправления муниципальных образований принципов и процедур управления по конечным результатам; создание всеобъемлющей системы мониторинга и оценки качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг; оптимизацию функционирования исполнительных органов государственной власти республики и органов местного самоуправления муниципальных образований на основе внедрения административных и должностных регламентов, стандартов оказания государственных и муниципальных услуг; расширение и совершенствование использования программно-целевых методов управления в практике деятельности исполнительных органов государственной власти Мордовии и органов местного самоуправления муниципальных образований республики; создание всеобъемлющей системы антикоррупционных мероприятий, нацеленных на сокращение социально-экономических причин коррупции; повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти, местного

самоуправления и гражданского общества, прозрачности их деятельности; развитие системы повышения квалификации государственных гражданских служащих; внедрение средств оперативного информационного взаимодействия населения и бизнеса, с одной стороны, и исполнительных органов государственной власти республики и органов местного самоуправления муниципальных образований — с другой; дальнейшее внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность исполнительных органов государственной власти Мордовии и местного самоуправления муниципальных образований республики; комплексные и целенаправленные преобразования нормативной правовой базы Мордовии в целях реализации административной реформы и законодательного обеспечения ее мероприятий.

Поступила 15.01.08.

А. В. ШИЛОВСКИЙ

ДИПЛОМАТИЯ РЕГИОНОВ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В середине 90-х гг. XX в. российские регионы еще только формировали свое ведение международной деятельности, где-то робко, как в большинстве субъектов, начиная с визитов руководителей и установления побратимских связей между городами, где-то чересчур смело, «забирая столько суверенитета, сколько хотелось». Сегодня мы имеем нормативно-правовую базу, определяющую единый порядок осуществления международных связей российскими регионами, развитую структуру таких связей, опыт международного сотрудничества регионов. Но, пожалуй, самое важное — это право поместить «дипломатию регионов», «дипломатию на местах» в ряд полновесных инструментов осуществления внешней политики государства.

Регионы включились в новый для себя вид деятельности далеко не в равных условиях. Различные геополитические факторы, экономические, инфраструктурные, культурные, кадровые и иные предпосылки определяли интерес иностранных партнеров к региону. В этом плане Мурманскую область вряд ли можно было считать «обделенной». Уникальное географическое положение, уровень промышленного развития, ресурсно-энергетический потенциал, наличие транспортной инфраструктуры, ядерных объектов (в том числе находящихся в ведении Минобороны), этнокультурная составляющая региона, наконец, адекватное стремление самой области развивать контакты с соседями — все это обусловило внимание к Мурманску со стороны иностранных партнеров и позволило области стать активным участником международного взаимодействия на Севере Европы.

ШИЛОВСКИЙ Александр Васильевич, аспирант кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета.

Те формы сотрудничества, которые Мурманской области удалось наладить в середине-конце 90-х гг. и успешно развивать, сегодня уже можно отнести к разряду «классических». Это, в первую очередь, двусторонние контакты Мурманской области с северными губерниями Норвегии, Швеции, Финляндии, находящие конкретное выражение в регулярных планах сотрудничества, деятельность в рамках структуры Баренцева Евро/Арктического региона, взаимодействие с финскими и норвежскими партнерами по линии, соответственно, Баренцева и Мурманского коридоров, обширная проектная деятельность при финансовой поддержке структурных фондов ЕС и других организаций.

Однако не меньший интерес представляют и сравнительно новые «инструменты» международного и приграничного сотрудничества области, за последние 2—3 года существенно разнообразившие структуру внешних региональных связей. Одним из таких нововведений можно рассматривать практику подписания меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве между областным правительством и иностранными и хозяйствующими субъектами. Конкретный пример — соглашения с норвежскими компаниями «Статойл» и «Гидро», в рамках которых реализованы проекты, в том числе по обеспечению экологической безопасности Кольского залива, созданы региональные бизнес структуры, объединяющие российские компании, ориентированные на работу в сфере нефтегазодобычи.

За последние годы существенно возросла международная активность муниципальных образований Мурманской области. Органы местного самоуправления доказывают важность и эффективность своего участия в развитии приграничного сотрудничества региона. В настоящий момент активную позицию в международной жизни области занимают как отдельные муниципалитеты (Печенгский, Ловозерский районы), так и их объединения (Совет муниципальных образований Мурманской области, Союз городов юга Кольского полуострова). Ряд муниципальных образований области участвует в работе международных ассоциаций муниципалитетов, например, Совет северных приграничных муниципалитетов. Результатом такого рода активности являются собственные соглашения о развитии дружественных связей между муниципальными образованиями области и коммунами соседних

государств, планы сотрудничества, практическая деятельность по проектам (в основном, в сфере развития туризма, образования, здравоохранения, муниципального управления, защиты окружающей среды).

Наконец, к списку недавних нововведений можно отнести и приглашение глав регионов к участию в работе двусторонних Межправительственных комиссий (в случае с Мурманском первостепенное значение имеют Межправительственная российско-норвежская комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству, Российско-финляндская межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству, а также Российско-шведский наблюдательный комитет по торговле и экономическому сотрудничеству). Наряду с Консультативным советом при МИД России, а также Советом глав субъектов РФ, участие в таких комиссиях губернатора (или его заместителей) в статусе сопредседателя позволяет, пока гипотетически, влиять на процесс формирования общегосударственной политики в сфере приграничного сотрудничества, заявлять об интересах региона и, возможно, лоббировать их на федеральном уровне.

Однако, как бы удивительно это не звучало, беспрецедентный подъем международной активности Мурманской области, связанный с объективным ростом интереса иностранных партнеров к региону, на федеральном уровне сопровождается отсутствием последовательной и четко выраженной позиции центра относительно приоритетов и нужд приграничного взаимодействия регионов. Эта ситуация пока радикально не меняется на протяжении десятка лет. В положении, когда область (очевидно, как и соседние регионы) буквально «распирает» от возможностей, на федеральном уровне ощущается явная нерешительность в действиях. Так, координацией приграничного сотрудничества регионов на общегосударственном уровне «по чуть-чуть» занимаются сразу три министерства — Министерство экономического развития и сотрудничества, Министерство регионального развития и Министерство иностранных дел. Однако должным образом, как показывает практика, — ни одно из них. Создается двоякое впечатление от избытка внимания и желания оказать посильную помощь, исходящих от федеральных структур, и в то же время, отсутствия единой

линии центра, представленной одним органом государственной власти, обеспечивающим развитие приграничного сотрудничества регионов и, соответственно, отвечающим за результаты этой работы. Сложившийся «триумvirат» федеральных министерств поэтому временами напоминает ситуацию «безвластия».

Кроме того, на российской политической арене объективно отсутствует сила, способная и заинтересованная в отстаивании интересов приграничного сотрудничества. Проблема здесь скорее не в отсутствии политических или экономических институтов, способных выполнять эту роль, а в недооценке российским политическим истеблишментом потенциала приграничного сотрудничества и дивидендов, которые оно способно приносить. Поэтому в ситуации, когда «большой бизнес» вряд ли в ближайшей перспективе станет радеть за нужды приграничного сотрудничества передовых российских регионов, а работа профильных государственных структур в этом направлении проходит слишком неспешно, возможно, единственной на сегодня силой, способной эффективно «продвигать» вопросы приграничного сотрудничества, остаются главы регионов. Безусловно, в вопросе эффективности таких устремлений важен фактор слаженности действий, когда с одной или похожими инициативами согласованно выступают несколько губернаторов (непосредственно соседи или соседи по федеральным округам). Такая тактика в сочетании с грамотным использованием потенциала аппарата полпредов Президента в федеральных округах вполне способна обеспечить принятие нужных регионам решений на федеральном уровне.

Наконец, еще одно серьезное упущение — отсутствие федерального закона «О приграничном сотрудничестве», который бы предусматривал обеспечение его реализации из средств федерального бюджета. Попытки утвердить документ тянутся с 2004 года.

В условиях отсутствия финансовой поддержки международного регионального сотрудничества, регионам приходится действовать самостоятельно. Мурманская область нашла выход в частичном использовании средств Региональных целевых программ, направленных на реализацию проектов в самых различных областях социально-экономического развития региона.

По усмотрению заказчика целевой программы, исполнительного органа государственной власти региона, средства программы могут в определенных масштабах обеспечивать участие области в тех или иных совместных проектах схожей тематики. Например, такие региональные целевые программы, как «Развитие образования Мурманской области» на 2006—2010 годы (общий объем финансирования в 2007 г. — 88,7 млн руб.), «Охрана и гигиена окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Мурманской области» на 2006—2008 годы (29,8 млн руб.), «Повышение безопасности дорожного движения и снижение дорожно-транспортного травматизма в Мурманской области» на 2005—2008 годы (объем финансирования в 2006 г. 1,2 млн руб.)¹, в определенной степени «покрывают» участие области, соответственно, в российско-шведско-финском проекте по развитию образовательных услуг, российско-норвежском проекте по обеспечению экологической безопасности Кольского залива, российско-норвежском проекте по реконструкции дорог от пограничного пропускного пункта.

Особого внимания заслуживает региональная целевая программа «Развитие инвестиционной деятельности в Мурманской области» на 2007—2010 годы². Программа принята с учетом начала реализации Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) и призвана обеспечить софинансирование российского участия проектных заявок в международных финансовых программах (в размере до 10 % от общего финансового объема проекта). Помимо прочего, в задачи программы входит освоение разнообразных источников финансирования, включая средства международных финансовых институтов, таких, как программы СБЕАР, или средства, выделяемые на приграничное сотрудничество Финляндией и Норвегией.

Несмотря на то, что финансирование из средств профильных целевых программ представляет собой небольшие суммы, использование таких ресурсов в проектах приграничного сотрудничества стало действенным инструментом обеспечения российского участия.

То, что область будет представлять собой на международной арене через несколько лет, зависит, безусловно, от ряда факторов, как то: государственная политика (или ее отсутствие) в сфере развития приграничного сотрудниче-

ства или, например, темпы осуществления национального проекта по освоению Штокмановского месторождения. Но все же первостепенная роль в определении своего будущего в руках самого региона. И от того, как Мурманская область, как и любой другой российский регион, сможет позиционировать себя и свою «миссию» в деле развития международных связей на севере Европы, будет зависеть в будущем формат ее взаимоотношений как с иностранными партнерами, так и с федеральным центром.

Процесс выстраивания своего имиджа и уникальной роли всегда подразумевает проведение свой/чужой линии, включение определенных понятий и исключение других (в рамки идентичности), что является основным аспектом любой политической общности³. Именно «конструирующая внешняя реальность» (*constructive outside*) вызывает неизбежный антагонизм, разделяет «своих» от «чужих» и приводит к фиксации в действительности нестабильной идентичности в рамках какой-либо структуры⁴.

В случае с Мурманской областью свой образ ей придется искать, отталкиваясь, прежде всего, от опыта других субъектов СЗФО. Во внутривнутригосударственной идентичности примером, «в противоположность» которому Мурманск способен создать свою идентичность, может стать участие Республики Карелия, Псковской и Калининградской областей в такой форме приграничного сотрудничества, как строительство еврорегионов. Общей чертой образа этих субъектов РФ, хотя и с региональными особенностями, будет роль так называемых «мостов» («проводников») во взаимоотношениях России с Европейским Союзом. Помимо решения проблем локального уровня такая форма приграничного сотрудничества, используемая Псковом, Калининградом и Карелией, несет и общую задачу — они «являются своеобразными инструментами для интеграции той или иной страны [в данном случае — России] в европейские структуры»⁵.

Из этого следует, что для Мурманской области аналогичная роль «моста» между Россией и ЕС вряд ли окажется выигрышной. Напротив, «оригинальный» имидж региона должен будет опираться не только на близость Европы, но и его особую стратегическую важность в рамках самой Европы. Так, если спроектировать схему «концентричного порядка ЕС», используемую финским ученым П. Аалто⁶ на

север Европы, можно обнаружить взаимодействие в регионе акторов самого разного по принципу приближенности к ЕС уровня. Норвегия и Россия, не являющиеся членами ЕС, Швеция, частично остающаяся за рамками некоторых проходящих внутри Союза процессов, и Финляндия объединены между собой в первую очередь «принадлежностью» к Северной Европе.

Примером «уникальности» образа области могла бы также стать так называемая концепция «Баренцовой России» и Мурманска в качестве ее центра. Этот термин, как и сама идея, был использован норвежскими исследователями Северного института экономического и политического анализа⁷. Стремясь предсказать возможные сценарии развития российских территорий, входящих в Баренцев регион, авторы исследования выдвигают идею о том, что Мурманская область к концу следующего десятилетия «перетянет» в свою орбиту, экономически и политически, другие регионы российского Севера (в частности, Архангельскую область и Ненецкий Автономный округ).

Такая идея «Баренцовой России» нам представляется довольно выигрышной, в первую очередь, для Мурманска. Во-первых, отправной точкой здесь может (и должен) стать уже отработанный механизм сотрудничества в рамках Баренц ЕвроАрктического региона (БЕАР). С российской стороны Мурманская область — один из активнейших его участников. К тому же символически именно этот регион олицетворяет выход к Баренцеву морю, являясь и «стражем», и «северными воротами» России.

Выгодным окажется и тот факт, что в состав участников БЕАР с западной стороны входят не только страны-члены ЕС. Отсюда следует, что БЕАР — это не просто институт, созданный на границе России и ЕС для облегчения сотрудничества этих двух акторов, а в первую очередь — международная организация сотрудничества на Севере Европы, выполняющая свои функции, задачи, обладающая своими чертами.

Кроме того, концепция Баренцовой России удачно вписывается в «уже начавшийся процесс укрупнения регионов, протекающий в рамках „новой пространственной политики“ федеральной власти»⁸. Пример успешного образования Пермского края из двух субъектов федерации, как пример

макрорегиона, пробудил похожие стремления и у других регионов РФ — проект включения в Красноярский край Таймыра и Эвенкии, инициатива слияния Краснодарского края и Адыгеи. Поэтому, оставляя за рамками статьи дискуссию о полезности такой пространственной политики для развития страны в целом, отметим, что гипотетически образование еще одного суперрегиона⁹ — «Баренцовой России» — вполне возможно.

Не последнюю роль в формировании образа Мурманской области будет играть и недавняя активизация в сфере разведывательных работ и добычи нефти и газа на шельфе Баренцева моря. Это вызывает повышенный интерес не только иностранных партнеров, но и федерального центра к Мурманской области, влечет за собой повышение статуса региона как производителя и экспортера энергоресурсов, его стратегической значимости в масштабе страны и мировой экономики.

В целом популярность региона среди ближайших соседей (Финляндии и Норвегии) — благо, работающее на пользу Мурманску. Необходимо отметить, что формат и интенсивность сотрудничества Мурманской области с Финляндией и Норвегией весьма отличаются. Так, практическая отдача двустороннего взаимодействия с Финляндией за последние 2—3 года ощутимо снизилась, что можно объяснить пересмотром финансовой политики в отношении приграничного сотрудничества внутри Финляндии (идет тенденция к сокращению собственных бюджетных средств, выделяемых на сотрудничество в сопредельных регионах¹⁰) и общим состоянием неопределенности в отношениях между Россией и ЕС. Парадокс последней проблемы заключается в том, что рано или поздно решение по урегулированию создавшихся разногласий на высшем уровне будет достигнуто на взаимовыгодных условиях, с максимальной пользой для обеих сторон. Пока регионам (непосредственным субъектам сотрудничества) остается только ждать.

Сотрудничество с норвежскими партнерами в настоящее время на подъеме. «Северное направление» и планы развития сотрудничества с Россией в районе именно северных территорий в политике Норвегии являются приоритетными. Амбициозная «Страна викингов» в вопросе контроля над биологическими и углеводородными ресурсами на севере

Европы, который норвежцы считают исконно своим, видит только одного конкурента — Россию. И по тем же причинам Россия начинается для Норвегии не с Москвы, а с Мурманска. Доказательства тому — недавно принятая Правительством Норвегии Стратегия развития северных регионов, определяющая использование возможностей Крайнего Севера как важнейший приоритет страны на ближайшие годы, настойчивое стремление основать так называемую «Поморскую зону» на территории приграничных муниципалитетов Мурманской области и губернии Финнмарк, желание обеспечить свое присутствие на мурманском рынке добычи и транспортировки углеводородов, интерес норвежских организаций к режимным объектам на территории области, наконец, официальные визиты первых лиц государства в Россию, начинающиеся с посещения Мурманска. Такое внимание не может не льстить и при грамотном использовании окажется полезным в стремлениях области создать имидж важного звена взаимодействия на севере Европы.

Еще одной отличительной чертой идентичности региона, его образа в системе международного сотрудничества РФ, может стать совмещение Мурманском образов «центра» и «границы». Понятие «центр=граница» подразумевает сочетание «центра» и «периферии» («границы»)¹¹. Будучи одним из видов самоопределения регионов, такое сочетание в варианте Мурманской области могло бы означать, с одной стороны, границу России и Европы, или географическую границу страны, и одновременно символизировать центр североевропейской России (Баренцовой России) и более того, центра всей Северной Европы (крупнее города за Полярным кругом на севере Европы нет, однако нужна определенная политическая смелость для заявлений такого уровня).

Наконец, международная деятельность Мурманской области может стать инструментом и атрибутом ее новой идентичности, как внутри федерации, так и на международной арене¹². Активное участие и вовлеченность региона в различные формы пограничного сотрудничества выгодно отличает ее от большинства субъектов РФ, а значит дает повод рассматривать Мурманск в качестве особого участника международной деятельности государства в целом. Как отмечают эксперты, «многие региональные элиты избрали внешнеполитические вопросы как одну из сфер соперниче-

ства с Москвой и давления на нее для того, чтобы выторговать себе дополнительные привилегии»¹³. Отличительной же чертой Мурманска, напротив, является линия четкого соответствия региональной политики целям, принципам и методам внешнеполитического курса федерального центра, стремление представлять и защищать дипломатические интересы России на Севере Европы. Региональная культура международной деятельности области не противоречит, а находится в некоем симбиозе с федеральным пониманием национального интереса¹⁴.

Безусловно, говорить об абсолютной свободе выбора регионами, и Мурманском в частности, своего образа и ориентированности относительно более значимых участников процесса международного сотрудничества — России в целом, стран Северной Европы, ЕС, БЕАР и т. д. не приходится. Надо понимать, что использование «ресурса маргинальности»¹⁵, т. е. уникальности своего периферийного (периферийно-центрального) положения, заключено в рамки федеративного устройства российского государства.

Примеры участия Мурманской области в приграничном сотрудничестве, а также перспективы развития ее международных контактов и самопозиционирования в масштабах севера Европы, безусловно, показательны, но это лишь часть того, что российские регионы могут продемонстрировать в нынешних условиях. Многое зависит от инициативы, идущей от регионов, их амбициозности, но также и от готовности федерального центра принимать это во внимание.

Тем не менее, отвечая на вопрос о том, какой «багаж» накоплен регионами за 10—12 лет международных контактов, можно с уверенностью говорить: это знание, большой опыт, стремление развивать связи с иностранными партнерами, желание находить совместно с федеральным центром решения возникающих проблем, а также нести ответственность за реализацию общегосударственных внешнеполитических задач. Приграничное сотрудничество регионов — эта фундамент, на котором должны, на наш взгляд, и будут основываться отношения государств. Традиционные дипломатические институты (посольства, межпарламентские связи) способны лишь констатировать изменения в отношениях между государствами, определять их, способствовать и развивать международные контакты. От скорейшего осознания

этого факта зависит, насколько продуктивно страна будет двигаться по пути развития регионального приграничного сотрудничества и достижения внешнеполитической значимости величия и международного уважения России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечень региональных целевых программ, финансируемых из областного бюджета в 2007 г. (Приложение № 24 к Закону Мурманской области от 28 декабря 2006 г. № 828-01-ЗМО).

² Утверждена Постановлением Правительства Мурманской области от 28.09.2006 г. № 375 — ПП/9.

³ См.: Viatcheslav Morozov, *Inside/Outside: Europe and the Boundaries of Russian Political Community*, St-Peterburg State University, 2004.

⁴ См.: Ernesto Laclau, Chantal Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*. London, 1985; Ernesto Laclau, *New Reflections on the Revolution of Our Time* London, 1990.

⁵ Перстнева Н. Трансграничное сотрудничество, или украинский опыт еврорегионов // Международный общественно-политический еженедельник «Зеркало недели». № 28 (301). 15—21 июля 2000 г. // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/301/27823>].

⁶ См.: Pami Aalto, *Semi-Outsiders or Close Outsiders? Russia and Its Kaliningrad Region in European Integration*, University of Tampere, 2004.

⁷ См.: Bjorn Brunstad, Eivind Magnus, Philip Swanson, Geir Honneland, Indra Overland, *Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region Towards 2015*, Eburon Delft 2004.

⁸ Каганский В. Укрупнение регионов? Русский журнал // Электрон. ресурс [режим доступа: www.russ.ru/culture/20050305_kag.htm].

⁹ Там же.

¹⁰ Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.formin.finland.fi>]. Ministry for Foreign Affairs Press release 281/2005.

¹¹ Каганский В. «Пространственное самоопределение регионов» // Электрон. ресурс [режим доступа: www.russ.ru/culture/20050103_kag.html].

¹² Марин А. В поисках Европейской идентичности на севере России: парадипломатическая деятельность Республики Карелия», *Российские регионы в мировом пространстве: между глобализмом и протекционизмом* / Под ред. А. Макарычева. Н. Новгород, 2002. С. 88.

¹³ Российские регионы как международные акторы: Аналит. доклад под ред. А. С. Макарычева, НГЛУ, 2000.

¹⁴ В поисках Европейской идентичности на севере России. С. 84.

¹⁵ Noel Parker, *Marginal Maneuvers: Danish and British Postures in Europe*; *Danish Foreign Policy Yearbook*, 2000. С. 31.

Поступила 08.06.07.

Е. Н. ТАТАУРОВА

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

Актуальность взаимодействия муниципального управления с населением определяется сущностью и назначением местного самоуправления. Под последним понимается признаваемая и гарантированная Конституцией РФ самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций¹. Из этого следует, что тесное взаимодействие местной власти с населением управляемой территории не просто желательно, но является законодательным императивом. Однако наше исследование показало², что этого взаимодействия недостаточно.

Следует отметить, что сами муниципальные служащие недостаточно четко представляют и осознают суть и назначение муниципальной службы, ее место в управлении государством: 46 % респондентов считают (в соответствии с законом) муниципальную службу формой самоорганизации населения; 38 % муниципальных чиновников полагают, что это представительство государственных органов на местах, 16 % затруднились с определением сущности муниципальной службы и муниципального управления. Не случайно, что лишь 10 % муниципальных служащих согласны с тезисом о том, что население их муниципального образования озабочено проблемой возможности принятия участия в местном самоуправлении.

Причиной этому, с точки зрения муниципальных служащих, является недооценка населением значения местного самоуправления.

ТАТАУРОВА Елена Николаевна, преподаватель кафедры теории и практики государственного и муниципального управления Института повышения квалификации Волго-Вятской академии государственной службы (г. Н. Новгород).

Показательна структура стереотипов муниципальных служащих и их менталитета в отношении управляемого ими сообщества. Оказывается, важнейшим фактором пассивности населения в отношении местного самоуправления и принятия участия в решении вопросов местного значения стало его социальное иждивенчество (52 %), безразличие к общественным делам (48%), индивидуализм (46 %), отсутствие у населения достаточных знаний, некомпетентность в вопросах местного значения (45 %). Местная власть для населения большей частью представляется формально-бюрократической структурой, куда без особой надобности обращаться не стоит. Это косвенно признают и сами муниципальные служащие, говоря о недоверии населения к местным властям и возможностях его влияния на принятие решений. Так, на вопрос о том, какие факторы затрудняют деятельность органов местного самоуправления, среди прочих получены следующие оценки (табл. 1).

Таблица 1

В какой мере затрудняют работу Вашего органа местного самоуправления следующие обстоятельства, %?

Обстоятельство	Затрудняют работу	И да, и нет	Не оказывают влияния	Не ответили
Недостаточно активное участие населения в решении вопросов местного значения	22	51	26	1
Недоверие населения к органам местного самоуправления	27	50	23	0
Отчужденность органов местного самоуправления от населения	18	48	33	1

Все это, похоже, не затрудняет чиновников местного самоуправления. В целом, как показали результаты исследования, дистанцирование органов местного самоуправления от населения не очень, по мнению муниципальных служащих, затрудняет их работу.

Сегодня у муниципальных образований имеется не просто множество проблем, их целое проблемное поле. Однако

их решение местная власть в первую очередь связывает с внешними факторами, а не с использованием внутренних ресурсов, в том числе и людских (табл. 2).

Таблица 2

Оценка роли различных факторов влияния на улучшение социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях, %

Фактор	Связывают	И да, и нет	Не связывают	Не ответили
Совершенствование Федерального законодательства	59	33	8	0
Реализация приоритетных национальных проектов	50	40	10	0
Совершенствование регионального законодательства	47	44	9	0
Изменение законодательства с целью увеличения налоговых доходов в местный бюджет	47	33	19	1
Межбюджетные трансферты из регионального бюджета	44	43	12	1
Собственные ресурсы муниципального образования	43	39	17	1
Увеличение неналоговой доходной части местного бюджета	41	44	14	1
Развитие межрегиональных связей внутри России	38	46	16	0
Субвенции регионального фонда компенсаций	33	50	17	0
Мобилизация внебюджетных средств	32	47	21	0
Внешнеэкономические связи	30	47	22	1
Иностранные инвестиции	30	40	30	0
Развитие экономических связей со странами СНГ	27	45	28	0
Усиление внимания к мнению населения при принятии управленческих решений	26	47	26	1
Активизация участия населения в решении вопросов местного значения	18	46	35	1
Межмуниципальная операция внутри субъектов РФ	12	54	33	1

Более половины муниципальных служащих свои ожидания в деле улучшения социально-экономической ситуации на управляемых ими территориях связывают с совершенствованием федерального и регионального законодательства с патерналистским отношением к их проблемам со стороны федеральных и региональных властей. С одной стороны, это представляется закономерным, ибо муниципальные образования — органичная часть государства, и их деятельность подчинена соответствующим законам. С другой — весьма явно просматривается отстраненность местных властей от проблем населения. С точки зрения муниципальных чиновников, лишь 10 % населения обеспокоено их отстраненностью от решения задач местного значения и лишь 11 % населения в полной мере осознают значение местного самоуправления. Поэтому только 18 % муниципальных служащих напрямую связывают улучшение социально-экономической ситуации в их муниципальном образовании с активизацией населения в решении вопросов местного значения, 46 % допускают такую мысль, а 35 % не видят здесь никаких резервов.

Возникает закономерный вопрос — насколько сама муниципальная служба нуждается в активном участии населения в принятии решений местного значения. В таблице 3 отражено мнение респондентов о структуре субъектов влияния на решение местных вопросов в их муниципальных образованиях.

Следует отметить большое внимание, оказываемое представителями органов местного самоуправления проблемам своего внутреннего положения и состояния. Так, например, 78 % муниципальных служащих считают актуальной проблему их социальной защиты, 66 % — обеспечение законности в решении кадровых вопросов, 61 % — разработку единой государственной кадровой политики в сфере муниципальной службы. Почти столько же (58 %) считают не менее актуальной проблему разработки регламентированных законом прав и полномочий управленческих (кадровых служб) в области управления кадровыми процессами в органах муниципальной службы, а 55 % актуальным считают законодательное определение ответственности управленческих (кадровых служб) в области управления кадровыми процессами в органах муниципальной службы. 41 % опрошенных муниципальных служащих считают актуальной разработку

системы подконтрольности деятельности муниципальных служащих обществу³.

Таблица 3

Структура субъектов влияния на решение вопросов местного значения в муниципальных образованиях, %

Субъекты влияния	Степень влияния				Затруднились ответить	Не отвели
	Значительное	Среднее	Незначительное	Отсутствует		
Глава муниципального образования	78	12	4	1	4	1
Руководство субъекта РФ	52	18	9	3	16	2
Местная администрация	51	30	8	3	7	1
Представительный орган субъекта РФ	34	30	15	4	16	1
Население	5	17	42	26	9	1
Руководители предприятий, коммерческие структуры	5	27	32	17	19	0
Территориальное общественное самоуправление	2	12	30	28	28	0
Общественные объединения	1	10	36	32	19	2

Естественно, что приоритеты, направленные в основном на обеспечение безопасности своей профессиональной жизнедеятельности, значительное дистанцирование от управленческого потенциала общественности не способствуют формированию высокого социального и профессионального имиджа муниципальной власти. Сами муниципальные служащие довольно высоко оценивают качество и эффективность своей профессиональной деятельности. Однако этой оптимистической картине противоречит их же мнение в оценке их престижа населением. Только четверть муниципальных служащих считает, что занимают престижное положение в обществе и 42 % полагают, что их профессиональная деятельность престижна.

В теории управления самоуправление характеризуют как систему, где субъект и объект управления совпадают⁴. В этом контексте сущность муниципального управления объясняется, с одной стороны, тем, что оно позволяет снять с более высоких уровней государственной власти груз местных

проблем и принимать более конкретные решения на местах. С другой — это возможность большего участия населения в управлении государством, потенциал демократического развития. Кроме того, государство объективно заинтересовано в развитии и укреплении местного самоуправления, в том числе в отношении сохранения территориальной целостности, смягчения социального напряжения и национальных конфликтов, формирования экономики, адаптированной к местным особенностям и пр.⁵

Таким образом, данные проведенного исследования свидетельствуют, что современная муниципальная служба недостаточно реализует одну из важнейших своих функций — связь с населением управляемых территорий в решении вопросов местного значения. Это приводит к отрыву субъекта управления от его объекта, что противоречит сущности и назначению местного самоуправления. Наблюдается смещение целей управления на средства, когда приверженность правилам, поначалу понимаемое как средство, трансформируется в самоцель, вследствие чего «инструментальная ценность становится целевой ценностью»⁶; формирование бюрократической структуры сверхконформной личности (боязливость, скрытность и технократизм); возможность саботажа официальных целей организации, когда «корпоративный дух» заставляет защищать свои интересы вместо оказания помощи клиентуре; сопротивление изменениям, когда любые попытки внести изменения в сложившуюся рутину воспринимаются определенной частью профессионального сообщества как посягательство на их свободу, инициативу и мастерство; деперсонализация отношений как между исполнителями, так и между исполнителями и руководством.

Невысокий имидж и престиж муниципальной службы свидетельствуют о наличии дисфункций в системе. Однако, хотя они и неизбежны, все же не являются первичной причиной негативных явлений.

Государственная власть «...не может быть стабильной, если не подпитывается постоянно жизненными соками мощной корневой системы местного самоуправления»⁷. Более того, «корневая система» сама питается и развивается в среде социальной и экономической активности населения, но сегодня эта «питательная среда» атрофируется в силу ее слабой, и в большинстве случаев формальной востребованности.

Причина здесь кроется, на наш взгляд, в недостаточной коммуникативной активности и местных органов власти и пассивности населения. Решение этой проблемы возможно посредством повышения профессионализма кадров местной власти, трансформации органов муниципальной службы в «обучающиеся организации», а население территорий — в «обучающееся сообщество». Это означает, что актуализируются не просто просвещение и информатизация, а управление знаниями муниципальных служащих как профессионалов и населения как социокультурного сообщества управляемой территории.

Препятствием реализации этой парадигмы стала, на наш взгляд, реализация традиционной «прямой» схемы управления, где объект управления не является партнером субъекта управления. Необходимо формирование новой парадигмы управления, а именно — широкое социокультурное взаимодействие субъекта и объекта управления, что невозможно, как показывают результаты исследования, без перестройки управления самой муниципальной службой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

² Исследование проведено в апреле-июне 2007 г. в 16 муниципальных образованиях г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Исследованием охвачены городские округа, муниципальные районы, городские поселения, внутригородские муниципальные образования; опрошено 530 муниципальных служащих.

³ Исследование проведено в 2006 г. при непосредственном участии автора; опрошено 513 муниципальных служащих г. Нижнего Новгорода и области.

⁴ См.: Общая теория управления. Курс лекций / Авт. коллектив Г. В. Атаманчук и др. М., 1994.

⁵ Савронская О. Правовые основы местного самоуправления // Социол. исслед. 1997. № 1. С. 111—119.

⁶ См.: Merton R. Bureaucratic Structure and Personality // Merton R. Social Theory and Social Structure, rev.ed. Glencoe (Ill), 1957. P. 204.

⁷ Фомина Г. Г. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления // Полис. 1998. № 4. С. 163.

Поступила 24.12.07.

Р. К. САТВАЛОВА

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Проблемы развития федерализма тесно связаны с вопросом о суверенитете. Современное федеративное государство — единое, но и многосоставное образование. Идея федерализма актуальна на протяжении столетий, поскольку воплощает в себе попытку добиться баланса между многообразием и единством, общим и особенным. Исследователи насчитывают порядка 20 федеративных государств¹, занимавших 52 % поверхности земли, жители которых составляют почти 40 % мирового населения².

Проблема суверенитета — одна из наиболее обсуждаемых в сфере гуманитарного знания. Свою точку зрения высказывают политологи, философы, историки, экономисты, юристы. Имеется достаточно много определений категории «суверенитет» и подходов к его исследованию. Так, С. Краснер доказывает, что суверенитет — это не главный принцип международного устройства, а некий «когнитивный скрипт», имеющий всего лишь роль инструмента в руках глав государств³. Из этого следует, что государства желают не только сохранять нормы суверенитета, но и нарушать их, если это отвечает государственным интересам. Этот «инструменталистский» подход оппонирует позиции конструктивистов, убежденных, что государства стремятся в целом следовать общим нормам соблюдения суверенитета⁴. Очевидно, что споры между «инструменталистами» и «конструктивистами» — это отражение дебатов, проходивших еще между сторонниками Ж. Бодена (основателя теории суверенитета) и сторонниками Т. Гоббса. По мнению Ж. Бодена, суверенитет — есть абсолютная и постоянная власть, которую римляне называли величием

САТВАЛОВА Римма Каримовна, аспирант кафедры политологии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (г. Уфа).

(достоинством), — высшая власть повелевать⁵. В. Сурков предлагает понимать суверенитет как политический синоним конкурентоспособности. По его мнению, суверенитет — это ни в коем случае «не крепость для государства», напротив — это «открытость и выход в мир»⁶.

Несмотря на различные интерпретации понятия суверенитета как свойства или признака государства, в основных чертах все они сводятся к следующему: суверенитет — это свойство государства, выражающееся в верховенстве и независимости государственной власти, не признающей над собой высшей или конкурирующей на территории данного государства другой власти; суверенитет един, ибо на одной и той же территории не могут сосуществовать две или несколько независимых властей; суверенитет неделим, ибо никакая структура государства не может быть отмечена какой-либо долей суверенитета; суверенитет не отчуждается, ибо отчуждение суверенитета означает исчезновение самого государства.

Различают внешний и внутренний суверенитет. Внешний суверенитет означает, что государство контролирует территорию внутри своих границ и никакое другое государство не может контролировать эту территорию или войти на нее. Внутренний суверенитет означает, что государство должно контролировать все формы внутренней жизни страны. Внутренний суверенитет связан с возможностью государства распоряжаться своей территорией и ресурсами, а также с изданием законов и принуждением подданных к их исполнению. Внешний — с возможностью проводить независимую политику, устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, объявлять им войну и заключать мир.

Понятие суверенитета позволяет отличать государственные формирования от негосударственных, или протогосударственных. Там, где обнаруживается властный центр, способный к принятию окончательных решений, суверенитет очевиден, а государство носит унитарный характер, например, Франция. В конфедерациях, напротив, такой центр отсутствует, либо решения принимаются от случая к случаю, либо идет борьба группировок, которые могут только временно удерживать позицию окончательного решения. Типичные примеры конфедераций, носящих протогосударственный характер, — Ахейский союз (Древняя Греция), Конфедерация Новой Англии (1643 г.),

Американская Конфедерация (1781 г.), Северо-Германский союз (1867 г.), Швейцарская Конфедерация (до 1867 г.).

Иногда в качестве примера конфедеративных объединений приводят различные межгосударственные объединения — НАТО, ЕС, СНГ, Организация африканского единства и др. Однако подобное отнесение вряд ли может считаться обоснованным, поскольку центр принятия решений в данном случае не может указывать одному из своих учредителей, что ему делать на своей суверенной территории. Такое рода объединения необходимо считать межгосударственными союзами, действующими в соответствии с заключенными соглашениями. В том случае, когда комплекс вопросов, затрагиваемых этими соглашениями, превышает некий критический уровень, формирующий центр принятия решений, можно говорить о протогосударственной структуре. Такое положение дел сложилось в Европейском Союзе.

Важным аспектом понятия «суверенитет» является разделение независимых и зависимых государств, вассальных, колониальных образований. Несуверенные государственные образования лишены суверенитета, хотя и могут по ряду вопросов имитировать, насколько это позволено метрополией, поведение суверенного государства. Поэтому они в полной мере не могут считаться государствами.

Суверенитет делят на позитивный и негативный, что связывается обычно с идеями негативной и позитивной свободы. Свобода принадлежит индивиду, суверенитет — государству. При негативной свободе индивида человек не подвергается влиянию со стороны других. Это «свобода от»: от вмешательства со стороны других, от их давления. При этом человек для обладания негативной свободой должен осознавать себя свободным и быть на определенном уровне самоидентификации. Позитивная свобода — это «свобода в»: способность быть хозяином самому себе в своих действиях, выборе, реализации своих целей. Позитивная свобода предполагает, что часть индивидов, которые могут быть свободными, не обладает ресурсами для ее реализации (образование, способности, деньги) и, соответственно, не в состоянии прочувствовать преимущества позитивной свободы. В качестве негативного суверенитета стали признавать свободу от внешнего вмешательства, а под позитивным суверенитетом — свободу удовлетворять нужды населения. При этом, как и в случае с

негативной свободой, негативный суверенитет предполагает, что субъект осознает себя именно как субъект. Если этого осознания нет, нет четкой самоидентификации. В этом случае можно говорить о незрелости субъекта для восприятия даже негативного суверенитета.

В современной российской юридической науке проблеме суверенитета уделено значительное внимание⁷. Дискутируется вопрос: может ли суверенитет Российской Федерации быть разделен между федерацией и ее субъектами, и могут ли быть признаны республики в составе Федерации суверенными? Актуальность вопроса обусловлена тем, что проблема суверенитета в федеративном государстве — важнейший аспект практической политики, так как от концептуального его решения зависит характер властных отношений федерации и ее субъектов, а также характер и способы разделения власти по вертикали.

Будучи единым, суверенитет внутренне делится между федеральными и региональными органами государственной власти. В этом плане особый интерес представляет теория разделенного суверенитета. Разделенный суверенитет определяет все существенные свойства федерализма. Федерация образуется на договорных началах. Иными словами, в ее основе лежит соглашение между центром и территориями о разделе суверенитета, сфер политического ведения. Так, например, до образования федерации в Швейцарии ее кантоны были самостоятельны.

Возможен также вариант формирования федеративного государства, при котором до подписания соглашения федерированные территории собственной государственности не имели. Однако сам факт участия в распределении власти между союзным государством и его частями подразумевает признание их политической правосубъектности. Например, до создания Австрийской федерации ее земли не были государствами. Но если их участие в образовании союза оказалось необходимым, то и право земли на политический выбор очевидно. Преобразование единого государства в федерацию означает признание народа субъектом федерации или восстановление когда-то утраченного им суверенного состояния.

Федеративное соглашение может существовать в виде отдельного акта. Например, Учредительный акт о создании Мексиканских Соединенных Штатов. Соглашения об учреждении

федераций нередко включены в основной закон (Конституцию), который принимается с участием субъектов федерации (штатов, земель, султанатов, кантонов, провинций и т. д.). Территория субъекта федерации составляет пространство, на которое распространяется не только его власть, но и федеральных органов. Эта территория является также и территорией союзного государства, на который распространяется общедофедеральный суверенитет.

Некоторые союзные государства властвуют не только на пространстве, занимаемом субъектами федерации, но имеют территории, где их суверенитет не ограничен правами членов союза. Это подтверждает политическую самостоятельность федерации. До недавнего времени Бразилия состояла не только из штатов, но включала в свой состав федеральные территории. В Пакистане, помимо четырех провинций, имеются также зоны племен под управлением федерального правительства. Впоследствии федеральные территории могут преобразоваться, стать субъектами федерации. Так, в 60-х гг. XX в. Аляска стала североамериканским штатом.

Коль скоро в федерациях на одной территории сосуществуют два типа государственности, отношения между ними должны быть упорядочены, а полномочия государственных органов союза и его участников — разграничены. Если права административно-территориальной единицы основаны на законе, изданном центральной властью, то компетенция члена союзного государства определена актом об учреждении федерации и основным законом, принятым членом союза.

Раздел суверенитета проводится путем распределения компетенции между законодательными органами федерации и ее субъектов. Кроме того, разграничивается компетенция между главами государств, администрациями и судебными органами обоих уровней. Применяют различные принципы разграничения компетенции.

Во многих федерациях весь объем государственных полномочий делится на две основные части. Одну из них определяют как сферу исключительной компетенции, другую — остаточной. К исключительной компетенции относятся полномочия, которыми пользуется лишь тот, за кем они закреплены. Ее обладатель обычно не может выходить за пределы исключительных полномочий, если иное прямо не оговорено законом.

Характеристика федерации в качестве политически единого государства является либо результатом ошибки, либо попыткой страны приобрести федеративную внешность, при сохранении унитарной структуры управления, и здесь мы напрямую сталкиваемся с проблемой несоответствия формы и содержания. Иногда, сознавая привлекательность конституции, далекие от демократии режимы провозглашают конституционный строй. Подобным же образом титул федерации, снабженный несвойственными ему признаками, используется в таких псевдофедерациях, как Нигерия.

Примечателен тот факт, что в России основу официальной политики федерального центра составляет утверждающее представление теории единого суверенитета⁸. Особенно ярко эта позиция проявляется в деятельности Конституционного Суда РФ.

Официальная позиция субъектов РФ отражает теорию разделенного суверенитета, на которой основаны передовые федерации в мире, такие как США и Швейцария. Например, Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан — в своем запросе в Конституционный Суд РФ просил дать толкование взаимосвязанных положений ст. 5, 11, 71, 73, 76 и 78 Конституции РФ⁹.

Суверенитет понимается в свете теории разделения власти и компетенций между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти ее субъектов. Государственный суверенитет делится между федерацией и ее членами, соответственно закрепленной в Конституции доле государственной власти. Федерация суверенна в отношении своих полномочий, а субъекты в отношении своих. В обоснование такого взгляда указывалось, что политико-правовой статус субъектов федерации не может быть изменен никем из них в одностороннем порядке¹⁰.

Республики в составе России в период с 1991 г. и до начала реформ В. В. Путина исходили из тезиса о верховенстве республиканского законодательства перед федеральным (например, ст. 15 Конституции Республики Башкортостан в редакции 1998 г.). Такое понимание суверенитета тяготело к теории государств-членов. Согласно ей, государственный суверенитет принадлежит субъектам федерации, которые имеют права нуллификации и даже сепарации.

Считается, что Конституция РФ не допускает какого-либо другого носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо другого суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет изначально, исторически принадлежит федерации в целом¹¹.

В конституциях республик, основанных на Декларациях о государственном суверенитете, до перестройки системы федерализма провозглашалось, что они — суверенные государства: ст. 1 Конституции Башкортостана, ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Ингушетия, ст. 1 и 61 Конституции Татарстана и т. д. Однако процессы унитаризации и централизации заставили республики убрать из своих конституций эти положения и заменить их формулировками в русле теории разделенного суверенитета. Так, в ст. 1 Конституции Республики Татарстан провозглашается, что «суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан...».

В Конституции Российской Федерации вопросы суверенитета (ст. 3, 5) раскрываются и интерпретируются несколько по-иному. В соответствии с ч. 1 ст. 3 носителем и единственным источником власти в России признается ее *многонациональный народ*. Эта норма позволила официальным властям (например, Конституционному Суду РФ) занять позицию, согласно которой суверенитет РФ един и неделим.

Ситуация с определением роли и значения суверенитета и его составляющих осложняется усиливающимися процессами глобализации. В частности, нарастает тенденция к пересмотру базовых принципов категории суверенитет как неотъемлемого атрибута государства. А. С. Кузнецов отмечает, что в последнее десятилетие в западной политологии появилось понятие «perforated sovereignty», которое он достаточно метко переводит как «надкушенный суверенитет» (было бы более корректным перевести «девальвированный суверенитет»). Это выражение отражает положение национального государства, оказавшегося ввергнутым в процесс регионализации и глобализации. Оба

этих явления, как отмечает А. С. Кузнецов, «откусили» завидные куски полномочий в разных областях, до последнего момента монопольной государственной деятельности, включая и сферу международных отношений¹². В свете подобных тревожных тенденций, пожалуй, федеральному центру стоит больше внимания уделять проблемам укрепления внешнего суверенитета России.

По мнению многих ученых и публицистов, именно федеративная идея может стать решением многих проблем планеты, переживающей в настоящее время определенную напряженность вследствие противоборства между двумя противоположными тенденциями: стремлением к глобализации и развитием национальной, региональной самобытности во всех ее проявлениях.

Естественной потребностью устойчивого развития любого государства вообще, и российского, в частности, является построение модели реального федерализма, отвечающего историческим традициям и современному состоянию страны, позволяющей установить гармоничные отношения между субъектами РФ и федеральным центром на основе справедливого и демократичного разделения государственной власти, разделения суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Каранетян Л. М.* Федерализм и права народов. М., 1999.

² *Freikel M.* Federal Theory. Canberra, 1986. P. 6.

³ См.: *Goldsmith J.* UW expanded Academic ASAP // Essay for Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. Issue 4.

⁴ См.: *Pavlakovic V., Ramet S.* Albanian and Serb rivalry in Kosovo — De facto states. The quest for sovereignty. New York, 2004.

⁵ Цит. по: *Болтенкова Л. Ф.* Суверенитет в истории российской государственности. М., 2007. С. 10.

⁶ *Сурков В.* Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВВП «Единая Россия» // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>].

⁷ См.: Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994; *Барццц И. Н.* Категория «суверенитет» в правовой теории и практике Российской Федерации. М., 1995; *Крылов Б. С.* Понятие суверенитета. Суверенитет государства и суверенитет народа // Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994.

⁸ Гимаев И. Р. Государственный суверенитет и некоторые проблемы развития в России федеративных отношений // Правовое государство. № 3(5). 2006. С. 14.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2001 г. № 250-0 «По запросу Государственного Собрания Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации».

¹⁰ Федерализм: энциклопедический словарь. М., 1997. С. 247.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. и Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. «По запросу группы депутатов государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституции Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан».

¹² Кузнецов А. С. «Надкусенный суверенитет»: проблема категории «суверенитет» при исследовании субнациональной дипломатии // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://politex.info/content/view/231/40>].

Поступила 06.02.08.

И. В. БАХЛОВ

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Становление советской федерации как особого типа территориальной организации государства происходило в русле адаптации концептуальных установок, сформулированных В. И. Лениным и руководством партии большевиков, к реальным условиям.

Практическое формирование федеративных отношений в России началось в конце 1917 г., когда о своей автономной связи с Россией заявили Латвийское советское правительство и I Всеукраинский съезд Советов. В 1918 г. частями Советской России стали Туркменская, Терская, Кубанско-Черноморская, Донская, Таврическая Советские Республики. Во второй половине 1918 г. наряду с автономными республиками формируются трудовые коммунны, а с 1920 г. — автономные области. Процесс формирования автономных образований в РСФСР в основном завершился к концу 1922 г. Впрочем, как отмечает А. Г. Вишневский, создание новых национальных образований продолжалось, их число все время увеличивалось. Поскольку достигнуть однородного этнического состава в рамках более или менее крупных территориальных образований было невозможно, в 1919 г. выдвинута идея предоставить возможность национальным группам создавать мелкие административно-территориальные образования — уезды, районы, волости и даже сельские советы. Итогом «всей кипучей, длившейся полтора десятилетия деятельности по созданию мелких национальных образований», стало признание их «искусственно созданными» с последующей в конце 1930-х гг. ликвидацией¹.

Конституция РСФСР 1918 г. установила трехуровневую систему национально-государственного устройства: авто-

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

номная республика — автономная область — национальная трудовая коммуна, однако в дальнейшем, как подчеркивает А. И. Терюков, шло постепенное уравнивание правового и административного статуса этих образований. Но этот процесс не был простым, так как уже в июле 1919 г. власти столкнулись с активностью в области самостоятельного решения своего административного статуса, в связи с чем Совет народных комиссаров был вынужден передать полномочия по образованию административно-территориальных единиц НКВД РСФСР, а в декабре 1919 г. VII съезд Советов вообще передал эту проблему исключительно в ведение СНК².

Одновременно с *автономной линией* в советском федерализме развивается *союзная линия*, связанная с восстановлением нарушенных в годы революции и гражданской войны связей центра с национальными окраинами. В этот период возникают государственные образования по российской советской модели. Закрепление советской власти в ходе завершения гражданской войны и военной интервенции, а также создание в этот период достаточно тесного военно-политического союза советских республик стали объективными предпосылками для установления новой, более тесной формы отношений, не международно-правового, а государственно-правового характера.

В конце 1922 г. съезды Советов РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации (Грузия, Армения, Азербайджан; 12 марта 1922 г. эти республики заключили договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья, впоследствии преобразованного в ЗСФСР) вынесли постановления о необходимости создания единого союзного государства и избрали полномочных делегатов для выработки Декларации и Договора об образовании Союза ССР. Конференция полномочных делегаций советских республик 29 декабря приняла проект Декларации и Договора, а 30 декабря I съезд Советов СССР, собравшийся в Москве, утвердил эти акты³.

В Декларации говорилось, что СССР является добровольным объединением народов, доступ к которому открыт всем республикам «как существующим, так и имеющим намерение возникнуть в будущем», при этом за каждым участником сохранялось право выхода из Союза. Договор определял основы объединения, в нем оговаривались предметы ведения сторон,

высшие органы власти и управления и т. п. Декларация и Договор об образовании СССР положены в основу первой союзной Конституции. Декларация составила первый раздел Конституции Союза, принятой 6 июля 1923 г. 2-й сессией ЦИК СССР и окончательно утвержденной 31 января 1924 г. II Всесоюзным Съездом Советов. Конституция конкретизировала заложенную в Договоре систему конструирования высших органов власти Союза. Компетенция федеральных органов власти определялась достаточно широко⁴.

Столкновение автономной и союзной линий проявилось вокруг споров о характере организации будущего объединения. Группа высших партийных деятелей и должностных лиц РСФСР во главе с наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным предложила в 1922 г. *план «автономизации»*, предполагавший объединение всех советских республик в РСФСР на началах автономии. В окончательном виде идея автономизации оформилась летом 1922 г. в подготовленном И. В. Сталиным проекте резолюции ЦК РКП (б). 10 августа 1922 г. Политбюро образовало комиссию под председательством Сталина с заданием подготовить проект о принципах новой системы отношений между республиками, который был вскоре разослан в ЦК компартий республик. Этот план встретил сопротивление со стороны партийно-государственного руководства Грузии и Украины. Однако, несмотря на возражения, утвержден соответствующей резолюцией комиссии ЦК РКП (б) 24 сентября 1922 года⁵.

Против идеи автономизации выступил В. И. Ленин. В письме членам Политбюро от 26 сентября и в итоговой работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» он отметил «торопливость и административное увлечение» Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма», и специально подчеркнул, что при создавшемся положении «следует оставить и укрепить союз социалистических республик»⁶. Состоявшийся 6 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП (б) принял следующее постановление об объединении республик: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»⁷.

Таким образом, в советском федерализме сохранились две линии, заставившие советских правоведов типологизировать две формы советской федерации — союзную (договорную) федерацию применительно к СССР и ЗСФСР и федерацию, основанную на национально-территориальной автономии, применительно к РСФСР.

Советская теория федерализма, опирающаяся на марксистско-ленинское понимание федерации, разработала сложные конструкции, доказывающие, что советская федерация является новым, «высшим» типом устройства сложного государства. Развиваясь в русле государственного права, она, естественно, использовала правовые формулировки для обоснования специфики советской федерации. При этом, на наш взгляд, выделяются несколько основных проблем, характеризующих советскую теорию федерализма: принципы советской федерации, выступающие в роли ее правового и идеологического каркаса; советская автономия как субъект федерации; связанная с этим специфика РСФСР в качестве особого типа федерации; организация уровней власти и характер отношений между ними.

Отмечая, что единой классификации принципов между советскими учеными так и не сложилось, все же их наиболее детальную градацию и характеристику дает А. М. Халилов. Он выделяет следующие принципы: диктатура пролетариата и общенародная власть, так как «только диктатура рабочего класса способна обеспечить правильное разрешение национального вопроса» путем обеспечения фактического равенства и сближения национальностей»; добровольность объединения субъектов федерации, предполагающая право на самоопределение вплоть до отделения; взаимопомощь и братское сотрудничество субъектов федерации; национально-территориальный принцип с учетом экономической целостности; равноправие субъектов федерации; при этом автор не признает статуса субъектов РСФСР за другими автономиями (кроме республик) ввиду отсутствия у них признаков государственности; демократический централизм, который означает, что «наиболее принципиальные вопросы, имеющие общее значение для всей федерации, решаются общесоюзными органами, а вопросы, имеющие республиканское, национальное значение и наиболее затрагивают повседневные интересы трудящихся, — субъектами федерации»⁸.

Следующая проблема, ставшая ведущей в теории советского федерализма, — *обоснование статуса автономии в качестве субъекта советской федерации*. Развернутую характеристику советской автономии и ее форм дает Б. Л. Железнов. По его мнению, советская автономия как государственно-правовое явление обладает рядом юридических особенностей, отличающих ее, с одной стороны, от института административно-территориального устройства, с другой — от суверенной советской государственности. Эти особенности не могут быть в равном объеме распространены на все без исключения формы автономии, но, применительно к тому или иному ее виду, для советской автономии характерны следующие признаки: особое регулирование правового статуса (конституции АССР, законы об автономных областях и автономных округах); специфика государственной организации и правосубъектности; наличие ограниченной учредительной власти; представительство в органах федерации; особый характер отношений с союзной республикой, Союзом ССР и их органами; особый характер и специальные организационно-правовые гарантии юридических актов; элементы территориального верховенства⁹.

Б. Л. Железнов подчеркивает, что в СССР сложилась автономия двух видов — государственная и административная. Государственная охватывает лишь одну форму автономного образования: автономную республику. Ст. 78 Конституции РСФСР 1978 г. закрепила статус автономной республики следующим образом: «Автономная республика есть советское социалистическое государство, находящееся в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», она «вне пределов прав Союза ССР и РСФСР самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению», а также «имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции СССР и Конституции РСФСР и учитывающую особенности автономной республики»¹⁰.

Административная автономия представлена двумя формами — автономной областью и автономным (ранее национальным) округом. Автономная область — не государство, а национальное административно-территориальное образование, осуществляющее государственную власть на началах самоуправления, позволяющих ей совместно с союзной республикой на основе законодательной инициативы в ее высшем органе государственной власти установить и конкретизировать

свой правовой статус. Автономный округ также является национальным административно-территориальным образованием, но, в отличие от автономной области, его Совет народных депутатов не обладает ни учредительной властью, ни особыми гарантиями юридической силы своих актов¹¹.

Особый вид советской автономии представляла трудовая коммуна, причем, как отмечает О. И. Чистяков, ее статус был определен недостаточно четко, так как в 1918—1923 гг. этим термином назывались три совершенно различные формы территориальной организации: Петроградская (Северная) трудовая коммуна — объединение г. Петрограда и губернии, была особой административной единицей, неавтономным областным объединением; Карельская и Немцев Поволжья как особые автономные образования; Эстляндская трудовая коммуна — независимая советская республика. Впрочем, в качестве формы автономии можно рассматривать лишь Карельскую и Немцев Поволжья трудовые коммуны. С точки зрения О. И. Чистякова, трудовая коммуна обладала промежуточным статусом, между губернией и автономной областью, но приближенным к статусу последней¹². Поэтому не случайно, после упразднения трудовых коммун в 1923 г. они получили статус автономных республик.

Определение статуса автономных образований связано с решением еще одной проблемы теории советского федерализма — *характеристикой РСФСР как особого типа советской федерации*. Большинство исследователей определяет его как федеративное государство с автономными образованиями, однако основную дискуссию вызывал вопрос о его субъектах. Некоторые авторы признавали субъектом федерации только автономную республику, другие — в качестве таковых еще и автономную область и автономный округ¹³. Так, О. И. Чистяков придерживается концепции РСФСР как федеративного государства с автономными включениями, называя его основными признаки: субъектами федеративных отношений в нем являются автономии и само государство в целом; автономные единицы не связаны между собой какими-то специальными, многосторонними узами по горизонтали; они выступают лишь как части единого целого, каждая из которых связана с ним по вертикали двусторонней связью; оно образуется в силу предоставления некоторым частям государства автономии, т. е. путем выделения этих частей

и предоставления им особых прав, при сохранении государственного единства; сумма территорий автономных включений всегда меньше общей территории; различие правового режима отдельных его частей, во всяком случае между автономными и неавтономными элементами; в то же время сохраняется равноправие автономий одной формы; меньшая, чем у субъекта союзного государства, правосубъектность автономного образования¹⁴.

Однако, как справедливо замечает А. М. Халилов, в этом случае нарушается такой признак федерации, как равноправие ее субъектов (ссылку на сохранение равноправия автономий одной формы он считает не вполне убедительной), поэтому в качестве субъектов РСФСР выделяет лишь автономные республики как форму государственной автономии. Отсюда он определяет специфику РСФСР, которая отличает ее от иных федераций, в том числе и иных форм советской федерации. Она заключается в следующем: автономные республики образуют не всю федерацию, а состоят в ней; в составе верховного органа РСФСР нет второй палаты (двухпалатная структура Верховного Совета создана лишь в 1990 г.), в которой были бы представлены члены федерации — автономные республики. Однако федеративную природу государства отражает Президиум Верховного Совета (заместители председателя — представители республик); она образована не на основании договора, а закона; возникнув как унитарное государство, она затем провозглашена федеративным государством, а лишь после этого стали образовываться субъекты федерации; субъекты РСФСР (автономные республики) являются государствами, не обладающими суверенитетом; отсутствие у субъектов РСФСР особого законодательства; отсутствие у ее субъектов права принимать в гражданство (за исключением периода становления федерации); РСФСР входит в состав другой Советской федерации (СССР), являясь ее субъектом, т. е. это федерация в составе другой федерации¹⁵.

Наконец, еще один важный вопрос в теории советского федерализма — *организация уровней власти и распределение компетенции между ними*. Сложный, многоуровневый характер власти обязывал создавать особую структуру властных органов и разграничивать предметы ведения и полномочия в отношении них с большей осторожностью (по крайней мере,

вначале). Выстраивались следующие звенья организации государственной власти (не считая местных органов власти): Союз — союзная республика — автономные образования (автономные области и автономные (национальные) округа).

Разграничение компетенции между Союзом и союзными республиками осуществлялось по общей схеме: Конституция закрепляла вопросы, находящиеся в исключительном ведении высших органов власти федерации (при этом нужно отметить, что в Конституциях 1922 г. (гл. 1) и 1936 г. (ст. 14) перечень предметов ведения был закрытым, тогда как в Конституции 1977 г. п. 12 ст. 73 закреплял за Союзом «решение других вопросов общесоюзного значения»), оставляя за союзными республиками решение вопросов, остающихся вне пределов компетенции союзных органов власти, т. е. по остаточному принципу. Исключительная компетенция союзных республик определялась самими республиками и закреплялась в их Конституциях¹⁶.

Аналогично решался вопрос с распределением компетенции на уровне РСФСР (при этом, в отличие от предыдущих российских конституций, Конституция 1978 г. в ст. 72 закрепляла открытый перечень предметов, находящийся в ведении республиканских органов власти). К исключительной компетенции РСФСР относились принципиальные, основные вопросы, которые могли решаться лишь органами РСФСР, а к совместной компетенции РСФСР и АССР относились вопросы, при решении которых требовалось учитывать национальные особенности народов АССР. Автономная республика принимала свою Конституцию, соответствующую Конституции союзной республики, и имела собственную компетенцию, пределы которой определялись не автономной республикой, а при ее участии Союзом СССР и союзной республикой. Компетенция АССР имела производный от компетенции союзной республики характер. Ст. 83 Конституции СССР 1977 г. определяла, что автономная республика участвует в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР и союзной республики, через высшие органы государственной власти и управления соответственно Союза ССР и союзной республики. Автономная область не имела компетенции, а обладала лишь правомочиями осуществлять государственную власть на местах в пределах, определенных союзной республикой. Аналогичным было положение автономных

округов, так как основная функция их органов — проведение в жизнь решений вышестоящих органов¹⁷.

Подводя итог анализу теории советского федерализма, можно сделать некоторые выводы.

Между советскими учеными не сложилось единого мнения по многим вопросам концептуализации советской федерации, при этом расхождения основаны на признании особого типа РСФСР как федерации с автономными образованиями или же особой разновидности союзного государства. Соответственно, спорным оставался вопрос о федеративной правосубъектности автономных образований (автономной области и автономного округа).

Все исследователи отмечали главную особенность советской федерации в том, что она выступала совершенно новым явлением в теории и практике федерализма не столько с позиций государственно-правовой природы (хотя и это имело большое значение), сколько исходя из признания ее социалистического и советского характера (как основы федеративного устройства). В связи с этим особо подчеркивалась роль и значение коммунистической партии в реализации главного структурного принципа советской федерации — демократического централизма.

Процесс развития советской федерации, по мнению ученых, проходил в русле унификации форм автономии и систематизации законодательства в сфере федеративного устройства, например, в сфере определения статуса субъектов федерации, разграничения компетенции и т. д.

Можно отметить *специфические характеристики советской федерации*.

Во-первых, закрепление федеративной формы территориального устройства российского государства было мерой не столько объективно закономерной, сколько вынужденной. Новая власть вынужденно использовала декларируемый федерализм как удобный инструмент, позволяющий первоначально балансировать между стремлением усилившихся в период революции и гражданской войны национальных элит к сепаратизму и желанием сохранить территориальную основу государства, а затем вполне сознательно применяла его для реализации принципа демократического централизма.

Во-вторых, советский федерализм имел явно выраженную социальную составляющую, заключающуюся в приспособлении

теории классовой борьбы как основы марксистского учения к российским реалиям. Объединение пролетариата, а затем и трудящегося крестьянства (и интеллигенции в качестве социальной прослойки), на классовой, а не национальной основе, идеологически оправдывало формирование единой советской нации. Однако в дальнейшем эта идеологема трансформировалась применительно к новым условиям и социальная сущность (социалистический базис, как писали советские юристы) советской федерации рассматривалась лишь как необходимый идеологический компонент, наряду с другими, имеющими уже вполне государственно-правовую природу.

В-третьих, в развитии советского федерализма четко просматриваются две линии, связанные с различным характером Советского Союза (имеющего договорную природу) и РСФСР как особого типа федерации с автономными включениями. Если союзная линия во многом соответствовала мировой теории федерализма, то автономная имела отличную от нее теоретическую основу, придающую всему советскому федерализму совершенно специфический характер. Признание автономии в качестве субъекта федерации в значительной степени предопределило унитаризм советской федерации с формальной, правовой точки зрения.

В-четвертых, следует подчеркнуть многослойность организационной структуры советской федерации, которую можно отобразить в виде «ступенчатой пирамиды». СССР как федеративное государство включал наряду с унитарными республиками (например, Белоруссией), унитарными республиками с автономными образованиями (Грузией и др.) еще и федеративные государства (РСФСР, правда, также на основе автономии; первоначально Закавказскую СФСР, имеющую союзную природу). В свою очередь в РСФСР устанавливалась сложная иерархия автономных образований, а автономные области и автономные округа входили в нее опосредованно, через административно-территориальные единицы — края и области. Кроме того, особенно в начальный период, уже автономные образования имели сложный характер, включая в себя другие национальные единицы с определенной автономией (речь идет о Туркестанской АССР и Горской АССР).

В-пятых, в становлении и существовании советской федерации огромную роль играл внешне- и геополитический

фактор. Враждебность окружения, поражение и распад континентальных империй, сложившаяся после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система международных отношений и др., объективно подталкивали участников советской федерации (как государств с особой социально-политической системой) к более тесной интеграции, тем самым способствуя повышению роли центра в рамках данной территориальной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 340.

² Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 226.

³ Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922—1936) / Под ред. И. П. Трайнина. М., 1940. С. 6.

⁴ Там же. С. 9, 19—20, 41—43.

⁵ См.: Нежинский Л. Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921—1923 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 89—105; Федерализм: Энциклопедия. М., 2000. С. 16—17.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Изд. 5-е. М., 1958—1970. Т. 45. С. 360—361.

⁷ Плимак Е. Г. Политическое завещание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение. М., 1989. С. 53.

⁸ Халилов Л. М. РСФСР — социалистическое федеративное государство. Казань, 1967. С. 35—54.

⁹ Железнов Б. Л. АССР — высшая форма советской автономии. Казань, 1984. С. 10—16.

¹⁰ Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 г. Конституции (Основные Законы) АССР, входящих в состав РСФСР. М., 1979. С. 24—25.

¹¹ Железнов Б. Л. Указ. соч. С. 18—20.

¹² Чистяков О. И. Национально-государственное строительство РСФСР в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964. С. 88—89.

¹³ Халилов Л. М. Указ. соч. С. 74—75; Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966. С. 24—25.

¹⁴ Чистяков О. И. Становление Российской Федерации... С. 25—26.

¹⁵ Халилов Л. М. Указ. соч. С. 84—86.

¹⁶ Шафир М. А. Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968. С. 158.

¹⁷ Железнов Б. Л. Указ. соч. С. 44—56; Федерализм: Энциклопедия. С. 26—32; Халилов Л. М. Указ. соч. С. 87—88.

Поступила 13.06.07.

Н. А. АЛЕКСЕЕВА **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ РЕГИОНА**

Практика политических и социально-экономических реформ 90-х гг. XX—XXI вв. в России и западных странах поставила перед теорией управления задачи, решение которых невозможно в рамках неоклассической традиционной системы «экономикс», включающей уровни микро-, макроэкономики. Все больше ученых-экономистов и практиков склоняются к необходимости выстраивания трех- или четырехуровневой институциональной структуры экономики: микро-, макро-, мезоэкономический и наноэкономический уровень.

Нам близка позиция В. Дементьева, утверждающего, что мезоэкономика как наука должна стать теоретической основой развития национальной экономики: «Жизнеспособность и конкурентоспособность теории национальной экономики и самой национальной экономики зависят от того, создадут ли ее разработчики результативную методологию достижения такой целостности»¹. В связи с этим предлагаем ряд теоретических положений и практических обоснований к ним, которые могут составить часть такой методологии².

Мезоэкономика — одно из направлений, возникшее на стыке неоклассической экономической теории, политической экономии, институциональной концепции, менеджмента, региональной экономики и системно-структурного подхода. Ее появление обусловлено растущим влиянием общественных институтов на приоритеты экономического развития, смещением акцентов в оценке роли государства в рыночных системах, эволюцией рыночных систем в направлении к смешанной экономике на национальном и глобальном уровнях. Мезоэкономическая теория изучает высокоинтегрированные, территориально-иерархически организованные экономические отношения.

Базовым понятием мезоэкономической теории является категория «мезоэкономического отношения», представляющая

АЛЕКСЕЕВА Наталья Анатольевна, начальник Управления планирования и прогнозирования Министерства экономики Удмуртской Республики.

собой существенное, воспроизводственное (целенаправленное, регулярно повторяющееся, функционально-деятельное), сетевое (скоординированное по вертикали и горизонтали) отношение управляющего субъекта (самостоятельные, экономически обособленные хозяйствующие субъекты, бюджетные учреждения, общественные организации, население, государственные и муниципальные органы управления) к отведенным ему сферам общественных отношений (предметам ведения).

Объектами мезоэкономических отношений являются: интегрированные хозяйственные организации с развитой территориальной сетью; сельские и городские поселения; муниципальные районы; городские округа; городские агломерации; регионы; специальные территориальные зоны; федеральные округа. Но только региону присущи черты «встроенности» его экономики в интегрированный хозяйственный комплекс страны, наличия менее интегрированных хозяйственных систем в его составе, сложной структуры управления экономическими отношениями, включая субдиарную ответственность в реализации экономических интересов местных сообществ, целостности и самодостаточности в правовом, организационно-управленческом, культурном, информационном отношениях, способности воспроизводить ресурсы, блага и удовлетворять потребности населения конкретной территории, а также развернутой, достоверной и доступной статистической информации о развитии.

Есть мнение, что регионы в их настоящем государственно-правовом статусе высокого места в геоэкономической иерархии никогда не займут³. Источником экономического роста и создания прибавочного продукта являются высокоинтегрированные хозяйственные организации. На наш взгляд, столь категоричных утверждений здесь быть не может.

Крупный корпоративный сектор экономики сочетает производственно-технологическую вертикальную и горизонтальную кооперацию конкурентоспособных предприятий (кластеров) с целесообразным частно-государственным партнерством в решении производственных и социальных задач общества. Немалая роль регионов заключается в том, чтобы быть источниками сырья, рабочей силы, площадкой для размещения производственных мощностей, служить способом аккумуляции доходных источников для воспроизводства качественного человеческого капитала.

Учитывая, что субъектами бюджетного планирования являются органы государственной власти, ключевая роль в адаптации федеральной и муниципальной политики, макро- и микроэкономической политики отводится региону. Эти черты актуализируют мезоэкономический аспект исследования экономики региона и делают мезоэкономику с позиций региона объектом управления.

По этой причине важным разделом мезоэкономики стала мезоэкономика региона — междисциплинарное научное направление, систематизирующее теоретические взгляды, методологические и методические подходы различных экономических дисциплин, объясняющие основы организации, функционирования и потенциал развития, региональной экономики, который, в свою очередь, определяет потенциал экономического роста и развития национальной экономики посредством установления сетевых межуровневых взаимосвязей субъектов управления.

Проблема управления состоит в том, чтобы найти инструменты мезоэкономического анализа, позволяющие управлять эффективностью деятельности субъектов управления. Одним из таких инструментов мы считаем мезоэкономическую структуру — особую комбинацию факторов, определяющую ключевые экономические связи в экономике, и с помощью которой регулируется степень влияния факторов на экономическое развитие общества. В этом случае мезоэкономическую теорию можно определить как теорию альтернативного выбора приоритетного развития высокоинтегрированных структур.

Для измерения действия мезоэкономических структур предлагается использовать модель индикатора-конструкта, в которой в «свернутом» виде отражаются: интересы, цели, задачи, приоритеты, механизмы и мероприятия разноуровневых субъектов управления, заинтересованных в решении одной комплексной проблемы. В данном случае речь идет об интегральном индикаторе «Качество жизни населения».

Представляется, что с помощью данного инструментария возможно оценивать эффективность региональных экономик.

На примере Удмуртской Республики рассчитан индикатор качества жизни населения (№ 1) за 2004—2009 гг., состоящий из 14 частных индикаторов (они же есть определяющие факторы): уровень жизни населения (№ 2); состояние здоровья

населения (№ 3); уровень комфортности жилья (№ 4); уровень благоустройства сельского жилищного фонда (№ 5); уровень благоустройства городского жилищного фонда (№ 6); доля нормативно чистой и нормативно очищенной воды в общем объеме водоотведения (№ 7); обеспеченность медицинской помощью населения (№ 8); обеспеченность учреждениями образования (№ 9); обеспеченность учреждениями культуры (№ 10); обеспеченность спортивными сооружениями (№ 11); обеспеченность теле-, радиосвязью (№ 12); обеспеченность транспортом общего пользования (№ 13); обеспеченность дорогами общего пользования (№ 14); охрана прав несовершеннолетних (№ 15).

Из числа прикладных программ, позволяющих диагностировать качество жизни населения, выбран метод самоорганизующихся карт (СОК), основанный на современных нейродинамических самообучающихся системах⁴. СОК может служить как средством кластеризации, так и средством визуального представления данных большой размерности.

Сводную карту качества жизни населения за 2004—2009 гг. можно представить в виде набора карт по годам и цветовой гамме, определяющей разные кластеры частных индикаторов, судить о степени влияния каждого частного индикатора на интегральный индикатор «Качество жизни населения». Так, в 2004 г. качество жизни на уровне 0,577 ед. обеспечивалось в большей степени за счет индикатора № 7 на 0,101 ед., чем за счет других индикаторов. Индикаторы № 5, 6, 8, 9, 12, 13 находились в «депрессивной», более темной по цвету зоне и в совокупности обеспечивали качество жизни на 0,136 единиц.

К 2009 г. планируется достичь качества жизни на уровне 0,705 ед. за счет преимущественного развития сфер отношений, измеряемых индикаторами № 4, 10, 11, 12, 13. Они находятся в более светлой по цвету зоне, и их совокупный вклад в обеспечение качества жизни составит 0,337 единиц.

Алгоритм расчета индикатора качества жизни населения универсален и может применяться к оценке качества жизни на любом уровне управления. Сквозной расчет индикатора на всех уровнях управления и выделение территориальных и отраслевых разрезов индикатора позволяют составить общую картину экономического положения не только регио-

на, но и страны в целом, анализировать роль отдельных регионов и видов деятельности в общей экономической динамике. В зависимости от целей исследования в оценке эффективности региональной экономики может применяться система индикаторов, связанных со структурой полномочий субъектов управления и в которой индикатор «Качество жизни населения» является лишь частью.

Использование системы индикаторов в управленческой деятельности позволит превратить стратегию общественного развития в непрерывный планово-отчетный процесс, перевести миссию и общую стратегию экономического развития общества в систему четко поставленных целей и задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дементьев В. Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // Рос. экон. журн. 2002. № 4. С. 71—82.

² См.: Алексеева Н. А. Индикативное управление мезоэкономикой региона. Екатеринбург, 2005.

³ См.: Концепция регионального (пространственного) развития в Российской Федерации // Заседание Комитета по экономической и инвестиционной политике Ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Большая Волга» в г. Ижевске 27 января 2005 года.

⁴ См.: Дебок К., Кохонен Т. Анализ финансовых данных с помощью самоорганизующихся карт / Пер. с англ. М., 2001.

Поступила 28.06.07.

В. Ф. ЧЕБОТАРЕВ, И. В. БЕЛОВ
**КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Достижение эффективной региональной социальной политики, опирающейся на современные гуманитарные технологии, способной дать ответ на вызовы времени, лежит в плоскости формирования стратегического каркаса инновационного регионального развития, узловыми и связующими центрами которого являются территориально-производственные кластеры.

Разработка долгосрочной стратегии развития региональной экономики, проектирование стратегического каркаса регионального инновационного развития с выделением конкурентоспособных территориально-производственных кластеров требует решения задачи согласования в рамках частно-государственного партнерства общности интересов. Иными словами, это не только создание наиболее благоприятных условий для развития крупного и малого бизнеса, но и решение комплекса социальных задач: от преодоления «конфликта» между производительностью труда и возможностью организации рабочих мест до решения проблем, вызванных концентрацией или монополистической централизацией промышленного производства.

В Мордовии накоплен положительный опыт оказания государственной поддержки и стимулирования развития территориально-промышленных комплексов. Применение кластерного подхода в сочетании с программно-целевым является эффективным инструментом социально-экономического развития региона и позволяет, с одной стороны, задействовать потенциал внутри- и межрегиональной кооперации, с другой — способствует повышению уровня конкурентоспособности предприятий, значение которой в условиях предстоящего вхождения России в ВТО трудно переоценить.

ЧЕБОТАРЕВ Валентин Федорович, заместитель министра экономики Республики Мордовия, кандидат экономических наук.

БЕЛОВ Илья Вадимович, аспирант Нижегородского государственного технического университета.

Здесь наиболее перспективным, на наш взгляд, представляется дальнейшее совершенствование сформировавшегося в республике кластера светотехнической промышленности, создание кластеров в пищевой промышленности и лесоперерабатывающем комплексе.

Нельзя не отметить, что успешная реализация кластерной политики, как основы стратегического каркаса инновационного развития региона, эффективность механизмов государственной поддержки и стимулирования территориально-производственных кластеров во многом будут зависеть от четкого разграничения полномочий и предметов ведения между уровнями власти, степени реформирования системы межбюджетных отношений, а также гибкости подходов при определении масштабов местного самоопределения и планирования развития. При этом в работе со стратегиями следует, на наш взгляд, руководствоваться опережающим и расширенным пониманием развития. Это не только экономический рост, повышение конкурентоспособности и модернизация инфраструктур энергетической, транспортной и др., но и освоение новых информационных, социальных и гуманитарных ресурсов развития, включающих: научные подходы, опыт разработки и реализации стратегий регионального развития. Это и научные дискуссии, содействие инициированию новых идей и конкретных предложений к стратегии и сценариям регионального развития, усиление роли муниципальных образований в формировании долгосрочной стратегии социально-экономического развития республики, повышение согласованности разработки стратегий развития на республиканском и муниципальном уровнях.

В области государственного управления, как уже отмечалось, ключевой вопрос — разграничение полномочий между различными ветвями и уровнями власти. Если сегодня предмет обсуждения разграничения полномочий рассматривается в целостном формате, то завтра на повестке дня будет вопрос о дальнейшем разграничении полномочий процессов развития. В этой связи не трудно спрогнозировать последующий ход событий. Такая постановка вопроса повлечет за собой появление новых по содержанию полномочий. Поэтому главным при разработке схем управления региональным развитием остается вопрос о его предпочтительных, оптимальных масштабах и согласованности.

Это обуславливает необходимость уточнения в каком виде, в каком объеме, не снижая эффективности управления, можно заниматься стратегическим планированием развития муниципальных образований.

В контексте обсуждаемой проблемы, на наш взгляд, уместно сформулировать тезис «расширенного понимания региональности». Если принять во внимание, что на каждом уровне и этапе управления региональным развитием на передний план выходит вполне определенная задача, то сегодня это — освоение методов стратегического управления. На этом пути важно выделить, с одной стороны, основные проблемы и подходы к стратегическому планированию развития муниципальных образований, с другой — соответствующие этим проблемам и подходам объекты и индикаторы, с помощью которых будут далее формироваться проекты и программы развития.

Следует заметить что, говоря о региональном развитии, мы имеем в виду не только муниципальные образования. Проблема значительно шире. В большей степени нас интересуют возможности развития меньших по масштабу, но не по значению для жизни людей и республики схем расселения. Стратегические приоритеты и ресурсы регионального развития должны сохранять гибкость в выборе масштабов местного самоопределения, не отказывая ни одному потенциальному субъекту развития в праве разрабатывать и реализовывать стратегию собственного развития.

При решении важнейших проблем регионального развития в работе со стратегиями необходимо, как уже отмечалось, руководствоваться опережающим и расширенным пониманием развития. Проблемы регионального развития это не только заводы, фабрики, дымящиеся трубы, прежде всего, социальные вопросы: уровень заработной платы, рабочие места, условия труда и др. Именно поэтому в центре внимания проблем регионального развития лежат задачи пространственного планирования, информатизации, вопросы социальной, этнокультурной и кадровой политики.

Каждый субъект социокультурного и экономического действия (регион или муниципальное образование) в праве разрабатывать стратегию собственного развития и участвовать в определении контуров стратегии микрорегиона. В целях обеспечения успешной реализации эффективной

социальной политики в рамках регионального развития необходимо решить задачу стратегического согласования и координации планов и программ федерального, регионального и муниципального уровней, а также территориальных и отраслевых приоритетов управления развитием. Это позволит реализовать принцип subsidiarity: стимулировать усилия различных субъектов в сфере разработки и согласования стратегических программ развития; определить критерии достижения стратегических результатов деятельности различных субъектов управления развитием; осуществлять мониторинг и контроль достижения среднесрочных и долгосрочных программно-стратегических результатов.

Проектно-аналитическое и организационное освоение функций стратегического согласования программ развития будет способствовать росту культуры государственного управления, реализации концепции социально-ориентированной экономики развития региона.

Поступила 12.09.07.

С. Л. БОРОВАЯ

Е. С. ГУБАНОВА

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

К числу проблем, возникших в прошлом и оказывающих инерционное воздействие на развитие Российской Федерации, следует отнести проблему неоднородности социально-экономического пространства страны. Крупномасштабность пространства России предопределяет преимущественно макроскопический характер регулятивного воздействия, объектом которого выступают крупные территориальные образования: экономические районы, федеральные округа, субъекты РФ. Вместе с тем современная российская действительность не может быть ни объективно оценена, ни изменена к лучшему без переноса акцента научного анализа и практической деятельности на местный уровень (города, районы, поселения). Методология региональной экономики и политики должна быть обогащена и дополнена микровзглядом на территориальное развитие в рамках муниципальных образований.

БОРОВАЯ Светлана Леонидовна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Вологодского государственного технического университета.

ГУБАНОВА Елена Сергеевна, заведующая кафедрой финансов и кредита Вологодского государственного технического университета, доктор экономических наук, доцент.

Сокращение дифференциации уровня социально-экономического развития территорий — одна из приоритетных задач развития регионов и России в целом. Существенный разрыв в развитии муниципальных образований затрудняет проведение единой региональной социально-экономической политики и формирование региональных и национального рынков. Помимо этого возрастает опасность возникновения экономических кризисов и социальных конфликтов. В сложившихся условиях возникает необходимость разработки методического подхода к исследованию указанных процессов, учитывающего все многообразие местных условий, оказывающих влияние на принятие управленческих решений.

Предлагаемый методический подход ставит целью проведение всестороннего анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона. Такая целевая установка предполагает проведение анализа в 3 этапа, каждый из которых сосредоточен на решении конкретных задач.

На первом этапе проводится комплексная оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона. Понимание проблем развития территорий и разработка путей их решения становятся возможными в опоре на данные, полученные в ходе анализа социально-экономического состояния исследуемого объекта. Это позволяет выявить диспропорции и неиспользуемые возможности социально-экономического развития муниципалитетов для последующего обоснования выбора методов регулирования и финансового обеспечения.

Оценка уровня экономического и социального развития муниципалитетов региона проводится в следующей последовательности.

При формировании системы показателей уровня социально-экономического развития муниципальных образований учитываются основные требования к их отбору: существование (показатели должны быть полезны при принятии адекватных управленческих решений); совместимость (набор показателей должен вписываться в существующую систему информационных потоков); достоверность (наличие возможности объективного измерения значений показателей); дифференцированность (показатели должны объективно отражать различия между муниципальными образованиями);

полнота (набор показателей не должен упускать достигнутого уровня развития различных сфер муниципального образования); простота (показатели должны быть понятны для широкого круга аналитиков); адекватность (набор индикаторов должен учитывать специфику деятельности каждого муниципального образования)¹. Показатели уровня развития муниципальных образований, удовлетворяющие названным требованиям, объединяются в группы (экономические, социальные, финансовые, экологические).

Поскольку частные показатели социально-экономического развития муниципальных образований имеют различную размерность и единицы измерения, необходимым является построение интегрального показателя, предполагающего переход к единообразным характеристикам. Для построения этого показателя используется метод евклидовых расстояний. В его основе заложен выбор эталонного муниципального образования и сравнение оптимальных координат его вектора с соответствующими параметрами векторов всех муниципальных образований. В дальнейшем производится ранжирование муниципальных образований. Расчет взвешенного евклидова расстояния (R_i) от любого муниципального образования до «эталона» осуществляется по формуле:

$$R_i = \sqrt{\sum_{j=1}^m w_j * \left(\frac{x_{ij} - x_j^a}{\sigma_j} \right)^2},$$

где x_{ij} — значение фактора j в муниципальном образовании i ;

x_j^a — «эталонное» значение фактора j в совокупности исследуемых муниципальных образований;

w_j — удельный вес фактора j в интегральном показателе (определен по экспертным оценкам);

σ_j — среднее квадратичное отклонение фактора j .

Далее проводится ранжирование муниципальных образований в каждой группе показателей социально-экономического развития. При этом наилучшее муниципальное образование выбирается методом наименьших квадратов и ему присваивается ранг 1. После этого рассчитывается интегральный показатель уровня развития муниципальных образований как сумма рангов по четырем группам выбранных показа-

телей. И, наконец, проводится типологическая группировка муниципальных образований региона по уровню социально-экономического развития, позволяющая в исходной совокупности выделить группы территорий с разным уровнем развития (высоким, средним, низким).

На втором этапе оценивается степень дифференциации уровня развития муниципальных образований региона. Создание базы данных для принятия управленческих решений в части территориальной политики требует объективной оценки неравенства условий, в которых находятся муниципальные образования региона. Для оценки степени дифференциации и асимметрии состояния их экономики и социальной сферы проводится анализ вариации показателей достигнутого уровня социально-экономического развития. В ходе анализа рассчитываются коэффициенты, характеризующие размах и интенсивность вариации основных социально-экономических показателей². Отмечая значительную и постоянно возрастающую дифференциацию развития муниципальных образований, следует отметить, что это неравенство, асимметрия их развития ведут к неустойчивости, усиливают восприимчивость системы к внешним флуктуациям. Однако асимметрия в социально-экономическом развитии муниципальных образований — не только угроза существования региона как целостной системы, но и необходимое условие его развития. Различия создают дополнительные потребности в поступательном движении. Таким образом, наличие асимметрии не свидетельствует о регрессивности или прогрессивности социально-экономических процессов, оно лишь указывает на признаки нестабильности системы и возможности перемен.

Третий этап анализа нацелен на выявление признаков неустойчивости, кризиса в муниципальных социально-экономических системах. Муниципальное образование имеет границы критичности, превышение которых может сигнализировать о его «нездоровье», а при неблагоприятных условиях привести к окончанию его существования, что может негативно отразиться на жизнедеятельности людей, состоянии производственной базы, интеграционных связях, инновационных процессах в местном сообществе. Муниципальное образование можно считать устойчивым, если основные его параметры не входят в зону критичности,

а при их приближении к соответствующим критическим границам в системе управления включаются регуляторы, имеющие обратную связь, обеспечивая тем самым адаптацию муниципальной социально-экономической системы к изменениям. Возникает необходимость определений границ критичности социально-экономического развития муниципального образования и выявления соответствующих критериев и параметров критичности.

Для выявления точек и границ критичности социально-экономических систем муниципальных образований следует использовать показатели социально-экономической безопасности объекта управления³. Эти границы и точки критичности, выраженные в абсолютных и относительных единицах, могут быть применены управляющими структурами в качестве параметров «диагностики» и «настройки» социально-экономической системы муниципального образования. Пороговые величины сравниваются с фактическими значениями социально-экономических показателей конкретного муниципального образования, а затем анализируются соотношения и отклонения фактических и пороговых значений. При таком подходе имеется возможность отслеживать динамику развития муниципального образования, изменения основных его параметров, прогнозировать и предотвращать изменения негативного характера.

Используя этот подход, нами проведен анализ дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области. Основу анализа составили данные государственной статистики⁴. В социально-экономическом отношении наблюдается устойчивый рост. Особенность товарного производства региона — низкая отраслевая диверсификация (35 % ВРП приходится на черную металлургию) и высокая территориальная концентрация (доля товаропроизводителей г. Череповца в ВРП превышает 50 %). Область включает в себя 2 городских округа (города Вологда и Череповец) и 26 муниципальных районов. Апробация предложенной методики позволила сделать следующие выводы.

Группировка муниципальных образований на основе интегрального показателя уровня социально-экономического развития выявила муниципальные образования, являющиеся лидерами и аутсайдерами. Установлено, что связь между

рангами муниципальных образований Вологодской области по экономическим и социальным показателям незначительна. Это может свидетельствовать о невысокой эффективности системы распределения финансовых ресурсов между муниципалитетами-донорами и муниципалитетами-реципиентами, что снижает возможности саморазвития муниципальных социально-экономических систем. Также выявлено, что существенных изменений в ранжированном ряду муниципальных образований не происходит. Это позволяет сделать вывод о недостаточной эффективности территориальной политики, реализуемой органами государственной власти и управления региона.

Анализ вариации показателей социально-экономического развития муниципальных образований области обнаружил дифференциацию, в первую очередь, по экономическим критериям. При этом в ряде случаев дифференциация настолько велика, что приближается к предельному значению. Имеет место постоянно возрастающая асимметрия экономического пространства региона, что служит свидетельством низкой результативности структурной политики в регионе. Отмечено снижение асимметрии по финансовым показателям за 2001—2005 гг. Это следствие того, что основной целью бюджетной политики региона было выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований области. Однако такая установка приводит к возникновению иждивенческих настроений у муниципалитетов-реципиентов, снижению финансовой заинтересованности муниципальных образований в саморазвитии. Таким образом, несмотря на уменьшение дифференциации бюджетных показателей муниципальных образований региона, финансовые возможности к саморазвитию доноров и реципиентов сокращаются.

В ходе оценки критических границ социально-экономических показателей выявлены существующие кризисные явления во всех муниципальных образованиях.

Экономические системы муниципальных образований Вологодской области не справились в полном объеме с последствиями общероссийского кризиса 90-х гг. XX в. Сокращение объемов производства за последние 5 лет наблюдалось в 13 из 28 муниципалитетов. При этом для всех городов и районов области характерен низкий уровень инвестиционной активности, что позволяет утверждать существенное

замедление обновления основных фондов и технического перевооружения предприятий. При таких темпах полная замена устаревшего оборудования становится возможной лишь через 40—50 лет.

В социальной сфере также выявлены кризисные явления. Особую озабоченность вызывает, во-первых, снижение уровня рождаемости в сравнении с пороговым значением, свидетельствующее об отсутствии простого замещения поколений, во-вторых, невысокое соотношение заработной платы и прожиточного минимума, которое для большинства муниципалитетов не превышает 50 %.

Негативные процессы в экономике муниципальных образований оказывают существенное влияние и на состояние местных финансов. Так, из 28 муниципальных образований в 19 районах собственные доходы составляют менее 60 %, что ставит их в зависимость от областного бюджета. В ряде муниципальных районов наблюдается снижение расходов бюджета, указывающее на сокращение объема социальных услуг, предоставляемых местному сообществу.

Таким образом, в большинстве городов и районов Вологодской области экономика находится в неустойчивом состоянии.

Данные, полученные в результате анализа дифференциации социально-экономического развития, должны стать информационной основой при принятии управленческих решений в ходе реализации региональной политики. При этом особое внимание следует уделить сочетанию различных инструментов, используемых управленческими структурами.

В муниципальных образованиях, имеющих высокий уровень развития и находящихся в устойчивом положении, сильного вмешательства государства не требуется. Здесь преобладают позитивные тенденции, выбранная траектория развития оптимальна, поэтому наибольший эффект будут иметь методы косвенного воздействия, в том числе организационного и информационного. Для муниципальных образований, имеющих средний и выше среднего уровень развития, социально-экономическая система которых находится в неравновесном состоянии, следует применять преимущественно косвенные методы воздействия, позволяющие достичь желаемых результатов без существенных затрат. Для муниципальных образований, имеющих уровень

развития ниже среднего, социально-экономическая система которых находится в неравновесном состоянии, в целях стимулирования развития следует применять методы прямого административного, экономического регулирования и косвенные методы воздействия.

Таким образом, по мере снижения уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона степень государственного вмешательства по отношению к ним может увеличиваться. Усиление государственного влияния должно осуществляться по мере движения от косвенных методов регулирования к прямым, а также от информационных и организационных — к экономическим и административным. При этом выбор методов государственного регулирования в регионе должен быть адекватным условиям реализации принимаемых решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Розанова Т. Г. Экономика региона: теория и практика. М., 2004. С. 351—353.

² См.: Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: Учебник. М., 2004. С. 154—160.

³ См.: Муниципальная наука: теория, методология, практика / Под ред. В. Н. Иванова. М., 2003. С. 232—233; Гусаров Ю. В. Управление: динамика неравновесности. М., 2003. С. 284—286.

⁴ См.: Районы Вологодской области. Социально-экономические показатели районов области: Стат. сб. Т. 2 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2005.

Поступила 29.05.07.

Р. Г. СМОЛКИН

РАЗВИТИЕ БЮДЖЕТНОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Неотъемлемыми функциями государственного регулирования социально-экономического развития являются выработка и реализация федеральными органами государственной власти эффективной региональной экономической политики, важнейшим средством которой выступает бюджетная система. Действенность бюджетного механизма государственного регулирования экономического развития регионов зависит от соотношения текущей и инвестиционной поддержки регионов. Если текущая поддержка связана прежде всего с обеспечением регионов средствами финансирования возложенных на них обязательств, то инвестиционная поддержка воздействует на экономический рост в проблемных регионах и связана либо с вложением бюджетных средств в объекты инфраструктуры, либо с оказанием финансовой помощи предприятиям отдельных регионов¹.

В Российской Федерации прямые инвестиционные расходы федерального бюджета на региональное развитие осуществляются в основном через систему федеральных целевых программ и посредством выделения трансфертов из федерального фонда регионального развития (ФФРР). Значимость федеральной региональной инвестиционной политики в системе приоритетов федеральной социально-экономической политики становится ясной при сопоставлении объема средств, выделяемых на реализацию целевых программ развития территорий и ФФРР, с объемами текущей финансовой поддержки регионов. Так, согласно федеральному бюджету на 2007 г., общий объем финансирования региональных программ (16,5 млрд руб.) и ФФРР (4,2 млрд руб.) составил

СМОЛКИН Роман Георгиевич, аспирант кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета.

7,9 % объема дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности по линии Федерального фонда финансовой поддержки субъектов федерации (260,4 млрд руб.)².

Таким образом, система приоритетов федерального правительства явно смещена в сторону текущих мер поддержки в ущерб реализации стратегических направлений региональной политики.

Несоответствие региональных проблем и средств, выделяемых на их решение из федерального бюджета, особенно остро проявляется в регионах с невысоким уровнем экономического развития. Так, Республика Мордовия по показателям валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения и среднедушевым доходам населения отстает от среднероссийского уровня³.

Вместе с тем объем инвестиционной поддержки федерального центра республики в рамках применяемых в России инструментов региональной экономической политики очень незначителен и даже ниже, чем в среднем по стране. Федеральные инвестиционные средства, поступившие в республику в 2006 г. в виде субсидий фонда регионального развития, составили лишь 0,79 % (22,3 млн руб.) от объема средств, поступивших из ФФПР (2,8 млрд руб.). Следует также отметить, что механизм реализации Фонда регионального развития не допускает возможности государственной поддержки реализации инвестиционных проектов производственного характера, способных усилить экономическую базу регионов. Средства ФФРР субъекты РФ могут направлять на развитие дошкольных учреждений, общеобразовательных учреждений, учреждений здравоохранения, объектов инженерной инфраструктуры, определяющих благоустроенность жилья. Отсутствие в структуре финансовой помощи инвестиционной составляющей существенно ослабляет возможность федеральной региональной политики внести реальный вклад в стимулирование экономического развития регионов страны.

С 2001 г. в региональной экономической политике происходит смещение акцентов от использования федеральных программ для отдельных субъектов федерации в сторону программ макрорегионов, а также широкое распространение программ развития территорий, имеющих региональный статус. Вместе с тем в регионах растет потребность в госу-

дарственной поддержке хозяйствующих субъектов, реализующих инвестиционные проекты. Например, в первоначальном варианте Программы социально-экономического развития Республики Мордовия на 2001—2005 годы планировалось реализовать 170 проектов, к концу действия программы их количество увеличилось до 340. Необходимость поддержки проектов и мероприятий, связанных с территориальным развитием, сопряжена с большой инвестиционной нагрузкой на региональные бюджеты, а в условиях существующих между регионами различий в потенциалах финансово-бюджетных сфер это ведет к усилению межрегиональной экономической дифференциации. Поэтому действенная политика федерального центра, ориентированная на сбалансированное развитие регионов страны, предполагает обязательное использование средств федерального бюджета в реализации региональных программ, при этом повышенное внимание должно уделяться программам, реализуемым на проблемных территориях. Вместе с тем участие федерального центра в реализации региональных программ социально-экономического развития территорий остается крайне низким. Так, если доля средств федерального бюджета в объеме источников финансирования Программы социально-экономического развития Республики Мордовия на 2001—2005 годы планировалась на уровне 7,53 %, то фактически составила 1,6 %⁴.

Таким образом, действующий в России бюджетный механизм государственного регулирования экономического развития обладает серьезными недостатками, препятствующими его полноценному функционированию. Результатом этого стала значительная межрегиональная дифференциация регионов по важнейшим показателям: объему производства ВРП на душу населения — 28,4 раза, объему производства промышленной продукции на душу населения — 138 раз, объему среднедушевых доходов (в месяц) — 12,1 раз⁵. По замечанию А. Г. Гранберга, столь огромная внутренняя дифференциация уникальна для одного государства и сопоставима только с различиями между самыми богатыми и бедными странами мира⁶.

Стабилизация политической системы страны, укрепление вертикали власти, устойчивые положительные темпы экономического роста и профицита федерального бюджета на протяжении ряда последних лет создают благоприят-

ные условия для формирования эффективной федеральной региональной экономической политики. Основными направлениями совершенствования действующего бюджетного механизма государственного регулирования территориального развития должно, на наш взгляд, стать увеличение инвестиционной поддержки регионов и обеспечение условий для формирования ресурсов территориального развития на субфедеральном уровне. При этом должно обеспечиваться решение двуединой задачи: стимулирование «точек роста», поощрение за реальный рост экономики, развитие социальной сферы на всех территориях и сокращение межрегиональной экономической дифференциации, предполагающее более динамичное развитие слабых регионов по сравнению с сильными, самодостаточными.

Эти требования к региональной экономической политике предполагают необходимость включения в состав фондов поддержки регионов Фонда экономического развития регионов (ФЭРР), основное предназначение которого — оказание регионам инвестиционной производственной поддержки и формирование на основе этого фонда системы региональных инвестиционных фондов (РИФ).

Представляется целесообразным ФЭРР разделить на две составляющие: выравнивающую компоненту, аккумулирующую до 70 % средств фонда, которая должна обеспечить получение поддержки наиболее отстающими субъектами федерации вне зависимости от степени эффективности ранее осуществленных федеральных расходов, и стимулирующую компоненту объемом до 30 % средств ФЭРР, которая должна обеспечить увеличение пропорций централизованного финансирования инвестиционных программ субъектов федерации, демонстрирующих наиболее эффективное использование средств федеральной поддержки.

Для обеспечения действенности Фонда экономического развития регионов целесообразно установить его объем в размере не менее 50 % объема Фонда финансовой поддержки регионов. В целях повышения стимулирующего воздействия проводимой в стране региональной экономической политики целесообразно повысить также объем действующего Фонда регионального развития до размера не менее 25 % Фонда финансовой поддержки регионов, а также включить в состав получателей средств из данного фонда все регионы,

уровень развития инфраструктуры которых отстает от среднероссийских стандартов.

Российские регионы существенно различаются между собой не только уровнями социально-экономического развития, но и характером имеющегося ресурсного потенциала, а также степенью значимости и остроты различных социально-экономических проблем. Соответственно, механизм распределения ФЭРР должен быть основан на конструктивном взаимодействии федерального центра и регионов. В качестве зоны ответственности федерального центра предлагается определить формулировку стратегических целей и задач, определение критериев отбора регионов для оказания централизованной поддержки, распределение федеральных инвестиционных ресурсов с учетом степени остроты социально-экономических проблем различных регионов и эффективности реализации программ их социально-экономического развития, обобщение и тиражирование опыта наиболее успешных в преодолении отсталости и депрессивности субъектов федерации.

В качестве зоны ответственности субъектов федерации предлагается определить разработку программ социально-экономического развития, предусматривающих использование инструментов и механизмов, в наилучшей степени отвечающих территориальной специфике. Например, для Мордовии особое значение имеют инновационные факторы развития, так как на территории региона отсутствуют стратегически важные природные ресурсы (газ, нефть). Поэтому одним из основных направлений использования средств ФЭРР в рамках регионального инвестиционного фонда могло бы стать содействие развитию в республике инновационных производств. Идея соответствующего механизма стимулирования инновационной активности предприятий заключается в автоматическом субсидировании из РИФа части инвестиционных затрат, связанных с разработкой, производством и сбытом инновационной продукции, влекущее возникновение права собственности у государства на эквивалентную часть уставного капитала и имущества стимулируемых предприятий, что позволит обеспечить действенный контроль за использованием бюджетных средств. При этом за предприятием должно быть закреплено преимущественное право выкупа доли государства в уставном капитале (которое может быть реализовано, например, за

счет дополнительных средств, поступающих от реализации инновационного проекта).

В целом проблемы формирования, развития и использования инновационного потенциала регионов должны быть основной составляющей государственной региональной инвестиционной политики, направленной на перевод экономики на наукоемкую основу, увеличение занятости и повышение качества жизни людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М., 2002.

² Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www1.minfin.ru>].

³ Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.gks.ru>].

⁴ Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001—2005 годы (Утверждена Постановлением Правительства РМ от 22 января 2001 г., № 32 (в редакции постановлений Правительства РМ от 18 апреля 2005 г. № 145 и от 29 декабря 2005 г. № 497).

⁵ См.: Гришин В. И. Региональная экономическая политика и межбюджетные отношения // Финансы. 2005. № 4. С. 51—55.

⁶ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. 3-е изд. М., 2003.

Поступила 26.11.07.

К. В. МАЛЬЦЕВ

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО РЫНКА

Земля, как пространственная основа, — необходимое условие, фактор, средство производства, объект собственности и хозяйствования, ключевое звено в экономическом развитии любого государства.

Уникальные естественные природные свойства земли обеспечивают ее мощнейший экономический потенциал, без реализации которого невозможно развитие экономики государства.

Система земельных отношений в России радикально реформирована после революции 1917 г., когда были ликвидированы все виды частной собственности на землю, земельные ресурсы отнесены к государственной собственности и могли передаваться гражданам и юридическим лицам исключительно на правах пользования. Земля была исключена из товарного оборота. Процесс распределения земли между пользователями, хозяйствующими субъектами долгие десятилетия являлся прерогативой государства.

Экономические преобразования, происходящие в последние 15 лет в России, затронувшие практически все сферы национальной экономики, безусловно, коснулись земельных отношений и использования земельных ресурсов. Конституция РФ определила различные виды собственности на землю, включая и частную. Только в 2001 г. после продолжительных дискуссий и споров Государственной Думой принят новый вариант Земельного Кодекса, соответствующего новым конституционным положениям. Споры вокруг Земельного Кодекса не прекращаются до сих пор. Камнем преткновения остается вопрос об обороте земель сельскохозяйственного назначения,

МАЛЬЦЕВ Кирилл Владимирович, докторант кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (Н. Новгород).

ведутся активные научные дискуссии о природе и величине земельной ренты, частной собственности на землю, роли государства в управлении земельными ресурсами.

Тем не менее, как показывает анализ современной динамики земельных отношений, процесс формирования института частной собственности на землю в России активно развивается. В 2006 г., согласно данным официального сайта Роснедвижимости (www.kadastr.ru), 7,3 % земельного фонда РФ уже находится в собственности граждан (личные подсобные хозяйства, сады, фермерские хозяйства, индивидуальное жилищное строительство и т. д.), 0,3 % — в собственности юридических лиц: (сельскохозяйственные организации, промышленные предприятия и т. д.)¹.

Современное состояние рыночного оборота земли в России характеризуется рядом показателей. В первую очередь это сделки по аренде и продаже государственных и муниципальных земельных участков, а также купле-продаже, залога, наследования, дарения и других видов сделок с земельными участками, совершенными гражданами и (или) юридическими лицами.

Показатели государственной отчетности свидетельствуют о том, что земля уже включена в рыночный оборот, т. е. с земельными участками совершаются сделки, предусмотренные гражданским законодательством, результатом которых является возникновение или прекращение прав на земельные участки или доли в праве общей собственности на землю. Кроме того, количественные показатели свидетельствуют об увеличении количества сделок с земельными участками и площади земель, ставших объектом сделок. Подобная динамика — результат объективных рыночных процессов, происходящих в России.

Необходимо отметить, что большая часть сделок с земельными участками относится к государственным и муниципальным землям, при этом предоставление участков в аренду стало основной формой земельных отношений во всех субъектах Российской Федерации. Так, в 2004 г. действовало 3 665,6 тыс. соглашений (70 154,0 тыс. га) по аренде земли, заключенных местными органами самоуправления с гражданами и юридическими лицами, при этом гражданами и организациями выкуплены права аренды 7 226 земельных участков площадью 38 222,1 га².

Земельный рынок, эволюционно развивавшийся в большинстве западных стран на протяжении нескольких столетий, демонстрирует ряд несомненных достоинств: под влиянием рыночных сил земельные участки попадают в руки наиболее эффективных собственников, максимально использующих потенциал земельных ресурсов; освобождает экономику от дефицита земельных участков; мотивирует собственников вкладывать средства в освоение земельных участков, увеличивая тем самым их рыночную стоимость; естественным образом, без приказов и команд, соединяет интересы продавцов и покупателей; формирует рыночную стоимость земельных участков, естественным образом учитывающую огромное количество ценообразующих факторов.

Однако далеко не все участки земельного фонда страны могут быть объектом товарного, рыночного оборота, поскольку земля еще и пространственная основа жизнедеятельности государства, его территориальная граница, природный ресурс, звено в экосистеме. В связи с этим цели системы государственного управления земельными ресурсами должны, с одной стороны, способствовать максимальной реализации экономического потенциала земельных ресурсов, другой — обеспечивать безопасность жизнедеятельности, социальную защиту, реализацию прав и свобод граждан и безопасность государства.

Государство законодательно определяет способность конкретных земельных участков участвовать в обороте. В настоящее время оборотоспособность большинства земельных участков ограничена, а часть земельного фонда вообще исключена из оборота. По данным Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель Российской Федерации в 2004 г., лишь 18 % от общей площади земельного фонда России находится в свободном обороте. Тем не менее, по состоянию на 1 января 2005 г. в свободном гражданском обороте уже находилось 128,5 млн га (около 8 % всего земельного фонда), принадлежащие на правах собственности гражданам и юридическим лицам, и еще около 183,5 млн га (около 11 %) могло быть приватизировано гражданами или юридическими лицами.

Приоритетными направлениями земельной политики должны стать, на наш взгляд, обеспечение экологической, экономической, геополитической безопасности и обороны страны,

охрана окружающей среды, рациональное использование земли как природного ресурса. Органом исполнительной власти, осуществляющим ключевые функции управления земельными ресурсами, является Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости (Роснедвижимость) Министерства юстиции РФ³.

В настоящее время земельный рынок в России только формируется. Это происходит в специфической институциональной среде, определяемой правилами игры⁴. Они складываются из формальных правил, закрепленных в нормативно-правовых актах, и неформальных ограничений и практик, влияющих на восприятие формальных правил субъектами рыночных отношений. Система принуждения к их исполнению включает в себя широкий спектр источников санкций, начиная от самоконтроля субъекта отношений и заканчивая системой государственного права.

В этот период для государства важно обеспечить условия формирования такой институциональной среды рынка, которая способствовала бы протеканию рыночных процессов в правовой плоскости, где возможно использование государственных механизмов регулирования рыночных отношений. Для этого необходимо совершенствовать законодательную базу, систему судебной защиты прав, развивать инфраструктуру рынка, тем самым снижая транзакционные издержки на приобретение и защиту прав на земельные участки. В противном случае существует опасность развития «неформальных правил игры» на рынке, способствующих распределению земельных ресурсов между относительно небольшим числом субъектов рынка, преследующих свои цели, отличные от целей государственного регулирования и ведущих тем самым к обострению отдельных социальных, политических конфликтов, ослаблению социально-экономической стабильности в стране.

Законодательная база, определяющая формальные правила игры на земельном рынке, имеет ряд серьезных недостатков и пробелов, что существенно тормозит развитие земельного рынка, создает предпосылки для роста транзакционных издержек, установления «неформальных правил» игры на рынке. Неформальные правила игры на земельном рынке (обычай, традиции и т. д.), складывавшиеся в развитых странах эволюционным путем в течение нескольких столе-

тий, в современной России только формируются. Постепенно меняется отношение граждан к собственности на землю, к ее экономической стоимости. Одновременно установление «неформальных правил» в условиях слабой законодательной базы и высокой степени коррумпированности органов государственной и муниципальной власти, действующих зачастую в личных интересах отдельных лиц, приводит к торможению процессов формирования цивилизованного земельного рынка. Уровень независимости судебной системы и уровень защищенности прав собственности в России в целом пока следует оценить как низкие.

В связи с этим можно выделить основные цели и задачи системы государственного управления земельными ресурсами по формированию и развитию земельного рынка. Во-первых, обеспечение защиты прав на землю. Достижение этой цели предполагает решение задач формирования законодательной базы, четко регламентирующей основания и процедуры возникновения и прекращения права на землю (субъекты и объекты права, регистрация права, изъятие земель, возмещение убытков и т. д.); совершенствование системы судебной защиты прав и системы контроля над использованием земельных участков. Во-вторых, обеспечение развития рыночной инфраструктуры определяет задачи формирования кадастра объектов недвижимости, поддержку малого и среднего бизнеса, осуществляющего профессиональные услуги на рынке недвижимости, стимулирование участия банковского сектора в развитии земельного рынка, контроля над соблюдением антимонопольного законодательства и защиту свободы предпринимательской деятельности. В-третьих, развитие приватизационных процессов и арендных отношений на землю. Задачами в данном случае являются совершенствование организационного и методического обеспечения управления арендными отношениями (регулирование арендных отношений и ценообразования), совершенствование организационных, методических, правовых механизмов приватизации земельных участков, развитие системы налогообложения, разграничение государственной земельной собственности на федеральную, субъектов РФ и муниципальную собственность на землю. Решение этих задач уже осуществляется в рамках реализации современной земельной политики.

За последние годы уже принят ряд ключевых нормативно-правовых актов, без которых было бы невозможно современное развитие земельных отношений: Земельный кодекс РФ (от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ), Градостроительный кодекс РФ (в ред. от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ), Законы РФ от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре», от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве», от 17 июля 2001 г. № 101-ФЗ «О разграничении государственной собственности на землю», от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также ряд других нормативно-правовых актов органами государственной власти РФ, субъектов РФ, муниципалитетами. Это можно признать важнейшим шагом в развитии земельных отношений в России. Однако множество вопросов осталось вне урегулирования современного земельного законодательства, что требует его дальнейшего совершенствования и доработки. Среди основных проблем можно выделить сложность понимания отдельных правовых норм; излишнюю длительность процедуры оформления прав на объекты недвижимости; разрыв правового пространства на земельные участки и иные объекты недвижимости; отсутствие единого порядка осуществления процедуры легализации прав на земельные участки и иные объекты недвижимости; отсутствие четкого разделения обязанностей должностных лиц, вовлеченных в процесс легализации прав на земельные участки и иные объекты недвижимости и др.

В соответствии с законодательством для продажи, дарения, сдачи в аренду или заключения другой сделки с земельным участком необходимо сначала заменить старые документы о правах на земельный участок на новое свидетельство о праве собственности путем регистрации в регистрационной палате ранее возникших прав на землю. Процедура регистрации права собственности требует неоднократного посещения нескольких организаций: органов Роснедвижимости, БТИ, архитектуры, землеустройства, кадастровых и регистрационных палат, нотариальных контор, органов местного самоуправления, где практикуется заявительный порядок получения справок и документов. В результате на оформление одного земельного участка уходит не менее 6 месяцев и 15—20 тыс. рублей. Подобные транзакционные издержки не способствуют развитию эффективного рыночного оборота

земли. Решение этой проблемы может быть осуществлено путем внесения поправок в законодательство, упрощающих порядок легализации прав на земельные участки. До сих пор не решена задача разграничения земель по уровням собственности, что крайне затрудняет осуществление эффективного управления земельными ресурсами.

Органами Роснедвижимости активно ведутся работы по формированию и развитию земельного кадастра. Направления создания и развития кадастра объектов недвижимости в РФ соответствуют передовому мировому опыту кадастровых систем. На данный момент в земельном кадастре учтено более 35 млн участков. Как показывает международная практика, земельный кадастр играет одну из ключевых ролей в развитии земельного рынка, поскольку в развитых западных странах это не только информационная основа управления земельными ресурсами, база налогообложения, но и открытая система учета прав на объекты недвижимости, которая, интегрируясь с системой регистрации прав, позволяет существенно снизить транзакционные издержки сделок на рынке недвижимости, предоставляя широким слоям населения качественную и многомерную информацию об объектах сделок. Конечно, создание такой информационной системы обуславливает ужесточение требований к информации кадастра, ее достоверности, актуальности, доступности, достаточности и полноте охвата, что приводит к значительному увеличению трудозатрат и времени на реализацию. В то же время, как показывает мировая практика, усилия по созданию и развитию кадастров объектов недвижимости быстро окупаются, поскольку для стран с рыночной экономикой кадастр стал неременным условием создания и движения капиталов, он способствует экономическому росту государств и обеспечению социальной стабильности⁵.

Анализ проблем развития земельного рынка в России показывает, что имеется необходимость в научно обоснованной и экономически выверенной концепции государственной земельной политики и идеологии ее реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях⁶.

Необходима разработка подходов к формированию оптимального соотношения различных видов прав на землю в экономике, условий и методов реализации земельных правоотношений как одной из составных частей государственной

экономической политики, для чего необходимы научные исследования.

Особенно актуален в настоящее время вопрос создания эффективных механизмов государственного регулирования земельным рынком, который должен обеспечить распределение земель, включенных в рыночный оборот, между наиболее эффективными пользователями, не обостряя при этом социальные и политические конфликты, способствуя тем самым привлечению инвестиций в экономику и реализации экономического потенциала земли

Подобные механизмы государственного регулирования земельным рынком должны быть доработаны до уровня инструктивно-методической базы и оптимальных технологий, использование которых возможно на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, объединенные целостной, проблемно-ориентированной информационной системой управления земельными ресурсами.

Для реализации поставленных целей и задач необходимо развитие кадрового обеспечения государственного управления, что определяет актуальность разработки программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации служащих органов государственной власти и специалистов, работающих на земельном рынке России в рамках системно организованного учебного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Структура земельного фонда Российской Федерации по формам собственности по состоянию на 1 января 2006 г. // Электрон. ресурс [режим доступа: www.kadastr.ru].

² Там же.

³ Об утверждении Положения о Федеральном агентстве кадастра объектов недвижимости. Постановление Правительства РФ от 19 августа 2004 г. № 418.

⁴ См.: Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 7.

⁵ См.: Мишустин М. Роль кадастра недвижимости в современном государстве // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 129—136.

⁶ Кухтин П. В., Левов А. А., Лобанов В. В., Семкина О. С. Управление земельными ресурсами: Учеб. пособие. СПб., 2005. С. 373.

Поступила 01.02.08.

А. А. КИДЯМКИН

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАБЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ

В условиях динамично развивающейся рыночной среды бизнес-планирование — одно из наиболее эффективных способов организации плановой деятельности предприятия для выполнения поставленных целей, выраженных в установленных значениях ключевых показателей ее эффективности. Бизнес-план является инструментом достижения этих целей, поэтому бизнес-план предприятия, входящего в структуру акционерного общества, разрабатывается как инструмент обеспечения его операционной деятельности в целях выполнения ключевых показателей эффективности, утверждаемых Советом директоров ОАО.

Одним их характерных примеров взаимосвязи уровня развития бизнес-планирования с эффективностью менеджмента промышленного предприятия, на наш взгляд, является положение дел в кабельной отрасли.

Высокая зависимость предприятий кабельной промышленности от поставщиков меди и алюминия, наличие у последних значительных возможностей для реализации стратегии поглощения заводов-изготовителей кабеля, общие тенденции развития национальной экономики в этом направлении отражают высокую степень риска хозяйственной деятельности для отраслевых производителей. Как следствие — они нуждаются в плановом инструментарии, позволяющем реально повысить качество принимаемых решений, в том числе и стратегического характера.

Для определения и обоснования направления совершенствования бизнес-планирования с учетом отраслевой специфики предприятий, прежде всего, необходимо оценить

КИДЯМКИН Алексей Анатольевич, аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета.

состояние и современные особенности развития отрасли и ее ведущих производителей. Это позволит более предметно решить вопрос о выборе наиболее рационального подхода к развитию бизнес-планирования в системе корпоративного менеджмента промышленного предприятия.

Кабельная промышленность — одна из наиболее динамично развивающихся подотраслей машиностроения и электротехнической промышленности Российской Федерации. Большинство предприятий отрасли объединены в рамках Ассоциации «Электрокабель», в которую помимо российских предприятий входят производители кабельно-проводниковой продукции из стран бывшего СНГ: Украины, Белоруссии, Узбекистана, Армении, Казахстана, Киргизии, Эстонии (всего более 80 предприятий, 71 из них — полномочные члены Ассоциации). В рамках Ассоциации «Электрокабель» осуществляется взаимовыгодное сотрудничество, обмен информацией, опытом между ее членами. Организационную работу выполняет Исполнительная дирекция Ассоциации «Электрокабель».

Другой объединяющей силой производителей кабеля, ее научно-техническим центром является ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт кабельной промышленности» (ОАО «ВНИИКП») (г. Москва), выполняющий основные объемы прикладных научных исследований в целях разработки и совершенствования основных видов кабельно-проводниковой продукции. Институт выполняет также поисковые научные исследования, осуществляет фундаментальные разработки.

Ежегодно Исполнительной дирекцией Ассоциации «Электрокабель» проводится мониторинг производства кабельно-проводниковой продукции: по объемам выпуска кабельных изделий в целом и по 38 номенклатурным группам кабелей и проводов, а также по объемам переработки меди и алюминия для этих целей.

В 2002 г. кабельная промышленность России испытала некоторый всплеск в процессе своего восстановления после катастрофического спада производства, последовавшего после распада Советского Союза. На пике своего развития кабельная промышленность производила около 300 тыс. т по весу металла проводника, но затем объем производства упал на две трети до 100 тыс. тонн. В 2000 г. производ-

ство кабелей с металлическими жилами превысило отметку в 200 тыс. тонн. Показатели за 2003 г. свидетельствуют о резком скачке производства: объем выпускаемой продукции вырос на 22,3 % и достиг 272 тыс. т по весу металла проводника. В стоимостном выражении общий объем производства кабельных изделий прошел отметку в миллиард долларов и достиг 1 166 млн дол. США¹.

В 2000—2003 гг. в России наблюдался высокий рост спроса на кабельные изделия. Обладая большими запасами свободных производственных мощностей, российская кабельная промышленность оказалась в состоянии соответствовать этому росту. Для кабельной промышленности большое значение сыграло и то, что рост спроса не привел к увеличению импорта.

Проведенное исследование показало, что в 2006 г. прекратилось наблюдавшееся в 2003—2005 гг. замедление темпов роста выпуска кабельных изделий на предприятиях Ассоциации «Электрокабель». Объем производства в 2006 г. увеличился по сравнению с 2005 г. по показателю «кабельные изделия по весу меди» на 10,9 % «по весу металла» — на 8,7 % (разница в темпах объясняется более высокими темпами роста потребления алюминия по сравнению с ростом потребления меди на жилу кабельных изделий).

Это улучшение объясняется, прежде всего, ростом платежеспособного спроса на кабель в России. Более высокие темпы роста кабельных изделий в 2006 г. на предприятиях России (за счет того, что доля России составляет почти 82 % в общем объеме выпуска по Ассоциации) положительно повлияли на общий рост показателя. Другой особенностью итогов 2006 г. стал рост объемов выпуска в 4 квартале по сравнению с 3 кварталом: в последние годы, наоборот, в 4 квартале выпуск кабельных изделий снижался на 6—8 % по сравнению с 3 кварталом².

С учетом значительной доли российских предприятий в общем объеме выпуска динамика их производства определила общую тенденцию по Ассоциации в целом. Рост российской экономики носил инерционный характер и не всегда определялся структурными изменениями. В то же время в 2006 г. несколько повысились темпы роста ВВП, объемов производства промышленной продукции, и что особенно важно для инвестиционно-ориентированной кабельной промышленности — темпы роста инвестиций в основной капитал.

За последние 2 года кабельная промышленность России демонстрирует тенденции концентрации производства, вхождения кабельных заводов в состав холдингов, в том числе холдингов цветной металлургии, рост зарубежных инвестиций.

В настоящее время основную роль на рынке кабельной продукции играют крупные производители, 7 крупнейших заводов России выпускают 75 % продукции. Но курс на укрупнение берут не только производители кабельно-проводниковой продукции, но и крупнейшие поставщики цветных металлов, которые приходят к мысли об объединении всего производственного цикла. Основными потребителями внутреннего рынка цветных металлов являются именно производители кабельно-проводниковой продукции. К примеру, общая емкость внутреннего российского рынка меди составляет немногим больше 300 тыс. т в год, при этом только предприятия, входящие в состав ассоциации, переработали в 2006 г. 237 тыс. т меди³. Поэтому крупные собственники, такие, как Уральская горно-металлургическая компания или СУАЛ, уже владеющий четырьмя заводами по производству кабеля, стараются закрепить за собой и потребителей, и акции, такую же политику проводит ЗАО «Севкабель-Холдинг» (Санкт-Петербург), который приобрел в 2006 г. акции двух кабельных заводов.

Растет интерес к кабельным заводам и со стороны иностранных инвесторов. В мае 2006 г. Reka Cables Ltd (подразделение финского концерна Reka) и ЗАО «Торговый дом ВНИИКП» подписали контракт о покупке кабельного завода в Подольске (Московская область). Reka намерена провести серьезную модернизацию завода и значительно увеличить долю своего присутствия на кабельно-проводниковом рынке России. Данное приобретение и будущие вложения в производство стали стратегическими инвестициями компании Reka в российский рынок. Компания также планирует объединить деятельность своей новой производственной площадки в Подольске с имеющимися отделениями в Москве, Санкт-Петербурге и Выборге.

Сегодня отечественная кабельная промышленность удовлетворяет потребности российского рынка по большинству позиций. В частности, кабельные заводы России и СНГ удовлетворяют спрос на волоконно-оптический кабель, обмо-

точные провода, по самонесущим изолированным проводам. По данным, опубликованным некоммерческим партнерством «Роскабель» и ассоциацией «Электрокабель» в 2004 г., Россия импортирует в заметном объеме только коаксиальные кабели, кабели для компьютерных сетей передачи данных, высоковольтный силовой кабель с изоляцией из сшитого полиэтилена. Последние несколько лет общий баланс импорта-экспорта кабельной и полупроводниковой продукции России улучшился, и общий объем импортных поставок на российский рынок находился в промежутке 13—15 %.

В ближайшей перспективе российским производителям кабеля предстоит решить задачу отношений с предприятиями, выпускающими и продающими продукцию низкого качества. В 2006 г. 10 ведущих предприятий отечественной кабельной промышленности, члены ассоциации «Электрокабель», приняли решение об учреждении некоммерческой организации «Фонд поддержки программ развития предприятий кабельной промышленности». Одной из его задач является пересмотр действующих и разработка новых стандартов на кабели и провода, приведение их в соответствие с требованиями Международной электротехнической комиссии (МЭК).

Кабельная промышленность России в настоящее время представляет собой совокупность производителей кабельно-проводниковой продукции, конкурирующих между собой в основном по качеству продукции и имеющих налаженные взаимовыгодные международные связи с предприятиями на территории бывшего СНГ. При этом кабельная промышленность России остается фрагментированной, без доминирующего игрока и с большим количеством компаний среднего размера. Еще одна черта российской кабельной промышленности — большинство предприятий находится в руках местных собственников, зарубежные инвестиции ограничиваются небольшими совместными предприятиями, образованными с местными компаниями, специализирующимися на производстве конкретного ассортимента изделий (волоконно-оптические кабели или силовые кабели высокого напряжения). К числу ведущих предприятий отрасли относятся предприятия, в последние годы сумевшие значительно обновить парк оборудования и расширить за счет этого ассортимент выпускаемой продукции: «Камкабель», «Электрокабель», «Саранскабель», «Самаракабель», «Севкабель».

Компания «Камкабель» — самый крупный производитель кабеля в России. В компании (г. Пермь), занято около 4 тыс. человек. Компания имеет сложную структуру и представляет собой группу, состоящую из нескольких дочерних компаний; 40 лет назад завод Камкабель создал совместное предприятие с компанией Siemens для производства гибких кабелей с резиновой изоляцией под названием Geros Kabel. В 1993 г. это предприятие преобразовано в независимое акционерное общество. В результате приобретения Рыбинск-кабеля компания «Камкабель» получила долю в компании «Волмаг», производящей обмоточные провода, в партнерстве с компанией «Eldra» (Австрия).

Компания «Электрокабель» — второй по величине производитель кабельных изделий (расположена в 160 км от Москвы). Завод выпускает кабели с 1939 г. и специализируется на производстве кабелей и проводов низкого напряжения, а также кабелей связи с медными жилами.

Одним из лидеров кабельной промышленности России является ОАО «Завод „Сарансккабель”». Предприятие динамично развивается, прежде всего, за счет постоянного внедрения современных технологий и видов продукции. ОАО «Завод „Сарансккабель”» фактически представляет собой холдинговую структуру, состоящую из 5 различных предприятий. Такая структура характерна для лучших предприятий кабельной промышленности России и в последние годы получает все большее распространение.

ЗАО «Самаракабель» — одна из ведущих компаний-производителей кабелей связи в России, благодаря своему совместному предприятию с компанией «Corning» является одним из ведущих производителей волоконно-оптических кабелей. Кроме того, компания производит широкий диапазон низковольтных кабелей, но не выпускает обмоточные провода. «Самаракабель» также имеет совместное предприятие с General Motors, имеющее название PES/SCC и выпускает автомобильные провода.

«Севкабель» — компания, производящая низковольтные кабели и кабели связи широкого диапазона. У нее есть несколько дочерних компаний, включая «Белэлектрокабель», «Севморкабель» и «Геофизкабель». «Севкабель» — одна из немногих российских компаний, имеющая интересы за рубежом.

Она владеет компанией Молдавкабель в Молдавии, которая производит обмоточные провода и кабели низкого напряжения других типов. «Севкабель» инвестировал 10 млн дол. США в 2004—2005 гг. в модернизацию своих предприятий. Компания начала производство силовых кабелей марки NYU и NYM и создала совместное предприятие с финской кабельной компанией Reka, которое будет выпускать силовые кабели среднего и высокого напряжения.

Таким образом, на предприятиях кабельной промышленности целесообразно формирование системы бизнес-планирования как подсистемы корпоративной системы управления, имеющей целью достижение на основе использования планово-бюджетных форм и процедур скоординированных результатов работы предприятий, входящих в состав ОАО, по повышению эффективности осуществляемых бизнес-процессов, внедрению новых механизмов управления и реализации стратегических задач их развития.

Организация бизнес-планирования на предприятиях отрасли, на наш взгляд, должна базироваться на использовании сквозной системы контрольных показателей и реализующих их целевых программ предприятий, использовании вариативного (сценарного) подхода в бизнес-планировании, наличии унифицированных документов и процедур и создании единого нормативно-методического обеспечения процессов бизнес-планирования в группе, использовании дифференцированного подхода в организации планирования в зависимости от особенностей каждого предприятия группы.

Бизнес-планы должны основываться на системе сбалансированных показателей, в которой отражаются показатели эффективности предприятий и предусмотрены возможности их мониторинга; условия формирования уровня цен на продукцию на основе системы прогнозных цен. Важным моментом бизнес-плана должно стать обеспечение функций контроля финансово-экономического состояния предприятия в процессе реформирования, прогнозирования и оценки экономических рисков в результате реформирования с целью принятия объективных управленческих решений и создания необходимой информационно-аналитической базы.

Руководители предприятий должны быть самостоятельны в организации бизнес-планирования и исполнения бизнес-

планов, нести ответственность за их разработку и выполнение, полноту, достоверность и своевременность предоставления бизнес-планов и отчетов об их исполнении.

Осознание необходимости применения такого подхода должно стать результатом детального анализа факторов внешней и внутренней среды, влияние которых на состояние и динамику развития предприятий кабельной промышленности постоянно усиливается. Поэтому все необходимые изменения в области бизнес-планирования деятельности предприятия необходимо сопровождать тщательным системным исследованием потребностей в них и направлений осуществления на основе приемов диагностики, анализа и оценок, в том числе и экспертных.

Поступила 03.09.07.

О. В. АСМУС

Т. Ю. АСМУС

ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АПК ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В условиях депрессивности социально-экономического развития отдельных субъектов Российской Федерации традиционные формы и методы поддержки аграрного сектора не дают положительных результатов. Анализ производственной, финансовой, инвестиционной и коммерческой деятельности сельскохозяйственных предприятий одного из депрессивных регионов страны (согласно типологии министерства регионального развития РФ) — Ульяновской области — показал, что они не способны самостоятельно оздоровить свою экономику по ряду причин.

Во-первых, разобщенность, несбалансированность действий, сырьевая направленность сбыта, нацеленность на промежуточный, а не конечный результат приводят к неэквивалентному межотраслевому обмену между производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, имеет место низкая инвестиционная активность сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, значительное количество

АСМУС Олег Владимирович, заместитель директора Департамента социально-экономического развития Правительства Ульяновской области, кандидат экономических наук.

АСМУС Татьяна Юрьевна, преподаватель кафедры статистики и анализа хозяйственной деятельности Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии.

посредников в сфере агробизнеса, которые, не добавляя стоимости, увеличивают издержки на всех стадиях продовольственной цепочки. В-третьих, отмечается низкий уровень государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, несовершенство правовой базы, сдерживающей развитие интегрированных сельскохозяйственных формирований. Все это приводит к разрушению материально-технической базы предприятий, их несостоятельности и банкротству, выводу из оборота сельскохозяйственных земель, а также созданию напряженности на рынке труда.

В связи с этим возникает необходимость поиска способов объединения усилий предприятий и отраслей, что предполагает создание сложных агропромышленных форм организации производства — вертикально интегрированных формирований, в которых под единым организационно-хозяйственным руководством будут представлены все звенья продовольственной цепи: производство → переработка → реализация → агро-сервисное обслуживание → финансирование и кредитование всей деятельности.

Развитие интеграции будет способствовать достижению ритмичной, сбалансированной, устойчивой работы всего производственно-перерабатывающего комплекса; рациональному размещению сырьевых зон; контролю и рационализации грузовых и товарных потоков; уменьшению потерь продукции, улучшению ее качества; исключению дублирования операций в рамках подкомплекса, сокращению числа посредников; оптимизации налоговых платежей; повышению технического и технологического уровня производства и агро-сервисного обслуживания за счет повышения инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности формирования, как более устойчивой экономической системы; защите от конкуренции на региональном рынке за счет эффектов масштаба и системности, т. е. работы всех подразделений по единым согласованным правилам, а также синергетического эффекта, обусловленного объединением усилий интегрированных систем.

Именно интегрированное формирование может решить проблемы, возникшие в аграрном секторе депрессивной территории. Оно способно более полно использовать потенциал территории (имущество предприятий, земельных и трудовых ресурсов и т. д.), повысить эффективность и

конкурентоспособность продукции АПК, увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней, увеличить занятость трудоспособного населения и повысить жизненный уровень сельских жителей и т. п. Решение этих проблем во многом позволит региону преодолеть само состояние депрессивности.

Основные задачи интегрированного формирования состоят в содействии интенсификации производства и соблюдении прогрессивных технологий; обновлении материально-технической базы; создании машинно-технологической станции, оказывающей услуги по проведению сельскохозяйственных работ и ремонту техники; организации переработки сельскохозяйственной продукции; создании профессиональной службы маркетинга, обеспечивающей выгодный сбыт готовой продукции и сельскохозяйственного сырья; организации единого расчетного и финансового центра, осуществляющего контроль за товарными и финансовыми потоками; разработке механизма согласования интересов всех подразделений интегрированной структуры, улучшении управления всей системой; ориентации участников формирования на достижение общей цели посредством производственных программ и планов; снижении издержек и потерь по всей технологической цепочке, осуществлении единой технической, технологической и ценовой политики.

Хозяйственная практика и наши расчеты показывают, что основная масса прибыли формируется не в сфере производства сырья, а в процессе его переработки. Высокая эффективность переработки обусловлена синергетическим эффектом от приложения усилий производителей сырья и его переработчиков. Она формируется за счет поставок сырья по нормативной себестоимости, экономии на налогах, не облагающих внутрикорпоративный оборот, и устранения внутрикорпоративной системы дублирующих операций и излишних посредников.

В связи с этим наиболее целесообразной представляется ситуация, когда перерабатывающие предприятия будут принимать продукцию по нормативной себестоимости, а прибыль, полученную от производства и переработки продукции, распределять в соответствии с вкладом каждого участника в общий результат. Для выявления доли каждого участника в общем результате предлагается использовать

метод определения нормативной ресурсоемкости по каждому виду продукции:

$$N_c = \frac{N_{\Sigma cm. p.}}{V_c},$$

где N_c — нормативная ресурсоемкость продукции;
 $N_{\Sigma cm. p.}$ — стоимость нормативного ресурсного потенциала (земли, труда, основных фондов, оборотных фондов), используемого при производстве продукции;
 V_c — количество произведенной продукции.

При организации интегрированного формирования следует руководствоваться принципами целесообразности, сбалансированности интересов хозяйствующих субъектов, комплексности решения проблем, оперативности управления, ориентации на рыночную ситуацию, социальности.

Реализация принципа целесообразности предусматривает повышение эффективности использования производственного потенциала во всех звеньях объединения за счет развития между ними интеграционных связей. Принцип сбалансированности интересов хозяйствующих субъектов восстанавливает разрушенные производственные связи и создает на их основе паритетный механизм, обеспечивающий устранение диспропорций во взаимоотношениях участников формирования. Принцип комплексности предусматривает учет количественных и качественных параметров развития и размещения поставщиков сырья и перерабатывающих предприятий, оптимальное соотношение между объемами производства сырья и имеющимися мощностями по его хранению и переработке. Повышение оперативности управления достигается за счет нацеленности на конечный результат и баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов. Ориентация на рыночную ситуацию — ключевое направление деятельности интегрированного формирования, предполагающее развитие маркетинга и мониторинга за емкостью продовольственного рынка, что обеспечивает эффективную работу АПК.

Конечная цель интегрированного формирования — не только повышение эффективности агропромышленного комплекса, но и решение социальных проблем села: повышение уровня занятости населения региона, улучшение его материального положения и качества жизни.

Поступила 19.09.07.

С. П. БУРЛАНКОВ
А. Н. ЩУКИН,
С. М. ИМЯРЕКОВ

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОЗДАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ
ФОРМИРОВАНИЙ В АПК РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

В истории реформирования отечественного АПК, его перевода в систему рыночной экономики традиционно выделяют два этапа. Первый начался в 90-е гг. XX века. Его суть заключалась в поддержке на селе собственника, владеющего землей и имуществом, для организации форм хозяйствования, ориентированных на получение прибыли. С проведением приватизации связывалось появление прослойки фермеров, на них возлагались основные надежды в подъеме и реорганизации сельскохозяйственного производства, главным образом, за счет собственных средств и государственных кредитов. Характерной чертой этого этапа было дробление некогда прибыльных и крупных хозяйств АПК на более мелкие. Новоиспеченным фермерам не хватало опыта, умения и специальных навыков ведения бизнеса. Кредитная политика государства, направленная на датирование новых субъектов хозяйствования, не приносила желаемых результатов. Итогом стало банкротство многих сельскохозяйственных предприятий, запустение земель и дефицит на рынке продуктов сельского хозяйства товаров отечественного производителя.

На втором этапе реформирования, начавшемся в 2000 г., ключевым элементом развития АПК становятся инвестиции, ключевой фигурой — инвестор. Ими являются частные, реже государственные образования внутри сферы АПК и вне нее. Практика показывает, что в состав инвесторов входят крупные финансовые и промышленные организации, а также частные структуры из областей, мало связанных и

БУРЛАНКОВ Степан Петрович, профессор кафедры технического сервиса машин Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

ЩУКИН Александр Николаевич, аспирант кафедры экономики, кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института.

ИМЯРЕКОВ Сергей Михайлович, доцент кафедры экономической теории Мордовского гуманитарного института, кандидат экономических наук.

далеких от сельского хозяйства. Капитал этих фирм привел к существенному подъему и оздоровлению сектора АПК. На этом этапе активно использовались рычаги и приемы современного бизнеса: перераспределение собственности за счет поглощений, слияний и образования групп предприятий, повсеместно применялись процедуры банкротства. Убыточные и неплатежеспособные хозяйства, не имея собственных средств, возможности получить банковские кредиты и в условиях отсутствия поддержки государства вынуждены были искать инвестора в лице крупных финансовых и промышленных организаций. Это привело к созданию различного рода интеграционных объединений, ставящих перед собой задачу максимизации своей прибыли часто в ущерб развитию отрасли и социальной защищенности ее работников.

Из зарубежной и уже имеющейся отечественной практики известно, что агропромышленные интегрированные образования способствуют общему подъему сельского хозяйства, консолидации собственности разрозненных производителей, положительному эффекту от сложения их ресурсов, улучшению управляемости каждого звена системы. Вертикально-интеграционные образования создаются по различным признакам и критериям: отраслевому, объединению капитала, участию в управлении, территориальному и др. Получившие распространение за рубежом и в ряде регионов РФ интегрированные структуры разнообразны по моделям и формам интеграции, видам деятельности, составу участников, форме собственности, юридическому статусу. В формировании собственности принципиально важен вопрос ее реформирования и реорганизации юридических лиц по разным вариантам (слияние, поглощение, разделение, выделение).

В отечественной и мировой практике интеграционного взаимодействия хозяйствующих в агропромышленной сфере субъектов известно несколько форм разделения по собственности, капиталу и менеджменту. Это товарищества, акционерные общества, ассоциации, союзы, кооперативы, финансово-промышленные группы, агрохолдинги, агрофирмы, агрокомбинаты.

Организация структур холдингового типа подразумевает создание дочерних предприятий под крылом управляющей компании. Управляющая компания владеет контрольным пакетом акций входящих в нее субъектов хозяйствования

с целью контроля и управления их деятельностью. Такое приобретение достигается многими путями, в том числе через покупки акций, выкуп за долги, вложение в уставной капитал, передачу госсобственности.

Для становления и развития интеграционных форм хозяйствования нужна нормативно-правовая база. В отечественной сфере АПК имеется определенная правовая основа, представленная федеральными законами «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ, «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ. Существенный недостаток правовой базы — отсутствие закона, регламентирующего действия холдингов как хозяйствующих субъектов.

Принятие закона «О холдингах» как о корпоративных структурах (не только в АПК, но и других отраслях народного хозяйства), имеющих широкое распространение за рубежом и востребованных у нас, вносит некоторые неясности в налогообложение. На практике объединения по холдинговому типу создаются и успешно работают. Это диктует необходимость скорейшего принятия правового акта, регламентирующего деятельность холдингов. На наш взгляд, в законе должно оговариваться ведение бизнеса в рамках холдингов, состоящих из предприятий АПК. Предусмотренная в проекте закона необходимость регистрации холдингов даст возможность организации за ними статистического наблюдения и проведения государственного мониторинга.

К числу простых организационно-экономических интеграционных формирований в агропромышленном секторе можно отнести — договоры о совместной деятельности, определяющие взаимодействие сельскохозяйственных производителей с предприятиями переработки. Эта форма интеграции, не обремененная жесткими отношениями, получила широкое распространение в практике зарубежных стран. Однако такая «мягкая» интеграция не нашла своего места в российской экономике. Объясняется это, на наш взгляд, низкой деловой культурой хозяйствующих субъектов и отсутствием регламентирующей правовой базы.

Ассоциации, союзы, некоммерческие партнерства также можно отнести к интеграционным формам взаимодействия. К основным задачам этих форм интеграции и их участников можно отнести: защиту и представление их интересов на

рынке, содействие в создании заготовительной и торговой сети, разработку и внедрение эффективных инвестиционных проектов и др. Среди интеграционных форм взаимодействия особо следует отметить финансово-промышленные группы (ФРГ), как единственные интеграционные образования, имеющие законодательное регулирование. Обязательное условие при создании ФПГ — наличие в составе группы банковской структуры. В настоящее время в России создано свыше 100 ФПГ.

Крупными и средними корпоративными структурами, строящимися на принципах вертикальной и горизонтальной интеграции, являются агрофирмы (агрокомбинаты) и агрохолдинги. Однако эти интеграционные формы часто путают. Понятие «агрофирма» предполагает такую структуру, когда входящие в ее состав предприятия теряют статус юридического лица и свою экономическую самостоятельность и функционируют как хозяйственные подразделения. Они могут иметь обособленный баланс, свой счет в финансовом центре этой структуры, право заключать между собой договоры о совместной деятельности. Механизм взаимодействия между ними строится по принципу горизонтальной интеграции. Так, в России наибольшее распространение агрофирмы получили в Орловской, Белгородской, Ростовской областях.

При построении интегрированной структуры на основе холдинговых отношений используются принципы как горизонтальной, так и вертикальной интеграции. Объединяемые субъекты хозяйствования входят в состав этой структуры на правах дочерних предприятий. Число таких предприятий варьируется от 4—5 до нескольких десятков. Имеют место случаи, когда в состав агрохолдингов в качестве субъекта хозяйствования входят агрофирмы.

Создание крупных интегрированных формирований в сельском хозяйстве призвано решить и проблему уменьшения количества убыточных хозяйств. При формировании крупных агропромышленных формирований холдингового типа именно слабые, нерентабельные хозяйства представляют интерес для управляющей компании интегрированного формирования. Входя в структуру агрохолдинга, такие предприятия получают кредиты на развитие собственного производства, квалифицированную помощь и консультации специалистов (юристов, финансистов, бухгалтеров, ветеринаров). Такие

меры реабилитации убыточных хозяйств приводят к их дальнейшему развитию и росту, но уже в составе агрохолдинга. С ростом числа агропромышленных объединений, удельный вес убыточных хозяйств в регионах РФ заметно сократился, об этом свидетельствуют данные министерства сельского хозяйства РФ. Следует отметить, что государство практически не участвует в формировании агрохолдингов, в основном осуществляя функции контроля. Крупные вертикально-интегрированные корпоративные структуры (КВИКС) наибольшее распространение получили в начале 60-х гг. XX в. в США. В рамках таких структур производилось 95 % всех бройлеров, 85 % мяса индейки, около 30 % КРС. Процессы интеграции сопровождались обезземеливанием мелких и средних фермеров, превращением их в наемных рабочих. Поступательное движение в становлении интегрированных структур продолжалось и дальше. Так, в середине 80-х гг. XX в. на их долю приходилось 13 % всех земель сельхозназначения и 24 % объема всего сельхозпроизводства страны. Количество животноводческих КВИКС на это время составило 16,3 тыс., их доля в общем объеме реализации КРС поднялась до 37 %¹.

Самый высокий уровень интеграции характерен для крупных и сильно дифференцированных рынков сельскохозяйственной продукции, требующих больших инвестиций, сложных технологий в производстве, специальных управленческих навыков с учетом специфики скоропортящихся продуктов.

При всем многообразии форм межотраслевого кооперирования в мясном подкомплексе АПК развитых стран их можно классифицировать в три группы. Первая основана на системе вертикальной интеграции в форме промышленно-торговых корпораций, занимающих доминирующее положение на рынках продовольствия, она получила преимущественное развитие в АПК США и Великобритании. Вторая форма характеризуется высоким удельным весом кооперации в организации агропромышленного производства и применяется в основном в скандинавских странах. Третья основана на взаимодействии кооперативных и вертикально-интегрированных структур в сочетании с государственными методами регулирования рынка продовольствия и присуща Франции, Японии, Германии².

Принцип консолидации капитала в агропромышленной сфере через формирование интеграционных объединений характерен для большинства развитых стран. Однако мировая практика показывает, что бум создания такого рода структур за рубежом закончился. Сейчас основу АПК составляют менее масштабные и более мобильные специализированные образования, взаимодействующие друг с другом на основе, традиционной и прошедшей проверку временем кооперации.

Что касается России, то создание интегрированных структур идет полным ходом во всех регионах страны. Интеграция коснулась не только АПК, но и других отраслей народного хозяйства. Интеграционные образования организуются в основном силами предприятий мясопереработки и сторонних непрофильных финансово-промышленных структур. Создание агрохолдингов и агрофирм в регионах положительно влияет на развитие сельского хозяйства и его отраслей, наблюдается подъем убыточных товаропроизводителей за счет вложения немалых инвестиций. Следует отметить, что в регионах, традиционно являющихся лидерами в производстве продуктов сельского хозяйства (Белгородская и Тамбовская области), количество интегрированных формирований холдингового типа выше, чем в остальных. Это показывает, что либо форма ведения хозяйства в рамках интегрированных формирований экономически выгодна, либо другие формы хозяйствования преобладающие. Таким образом, интегрированные структуры холдингового типа — одна из основных форм хозяйствования в регионах страны.

Необходимо также отметить, что аналогов российской модели агрохолдингов нет на мировом рынке. Зарубежные формы интеграции сильно отличаются от российских. Зарубежные компании сосредоточили свою деятельность на том, что они делают лучше всего, а не распыляются на интеграцию. В отличие от России, транзакционные издержки за рубежом невелики, поэтому западным компаниям товар или услугу дешевле купить на рынке, чем производить самому и для себя.

Отечественные холдинги сравнивают с «перевернутыми» сбытовыми и снабженческими фермерскими кооперативами. В кооперативы объединяются фермеры, которые нанимают профессиональных менеджеров для управления снабжением,

сбытом, переработкой и продвижением продукции. В наших агрохолдингах внешняя управленческая компания нанимает группу бывших «коллективных хозяйств». Но массовое явление в экономике никогда не бывает ошибочным, и если компании создают агрохолдинги, значит им это выгодно³.

В Мордовии создание крупных интеграционных структур ничем не отличается от процессов, проходивших в большинстве регионов РФ. Основная цель интегрированных формирований — в сокращении до минимума разрыва между смежными технологическими процессами с целью оптимального использования сырья, фондов, рабочей силы и установления более тесных производственно-экономических отношений. В связи с этим широкое распространение в России получила интеграция сельскохозяйственных товаропроизводителей с мясоперерабатывающими предприятиями, созданная по опыту зарубежных стран. При этом промышленные, перерабатывающие и торговые предприятия выступают в этих отношениях в роли интеграторов.

Оценивая экономические и производственные условия Мордовии как региона, основным производством которого является сельское хозяйство, а большинство населения проживает в сельской местности, создание интеграционных формирований на базе сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий является наиболее выгодным. Это ведет к усилению концентрации производства и изменению сырьевых зон. При этом могут возникнуть условия, когда потребности, например, мясокомбинатов будут полностью удовлетворены за счет близлежащих сельскохозяйственных предприятий, и возникнет необходимость создания в определенной сырьевой зоне собственного перерабатывающего комбината. Однако, учитывая финансовое положение предприятий АПК региона, строительство нового предприятия в ближайшей перспективе ограничено, поэтому основная часть продукции будет перерабатываться по-прежнему на действующих предприятиях.

Крупнейшим интегрированным формированием Мордовии является агрохолдинг «Талина». Как и многие другие крупные интеграционные образования в мясном подкомплексе регионов РФ, агрохолдинг призван загрузить имеющиеся производственные мощности перерабатывающего предприятия, улучшить качество производимых мясных товаров

и повысить их конкурентоспособность, найти производственную нишу предприятия на рынке сбыта мясной продукции. Агрохолдинг образован в 1998 г. на базе крупного мясокомбината региона ООО МПК «Атяшевский». В связи с нехваткой сырья для производства колбасных изделий предприятие вынуждено было создавать свое откормочное производство, им стал ЗАО «Мордовский бекон», но для обеспечения откормочного производства нужна была кормовая база. Основной кормовой базы стали предприятия сельского хозяйства Атяшевского, Ардатовского, Ковылкинского, Чамзинского районов республики. Таким образом, в этом образовании реализуется главный принцип интеграционных структур — «от поля до прилавка».

В настоящее время основными направлениями деятельности ЗАО «Талина» стали мясопереработка и свиноводство. В составе агрохолдинга работают мясоперерабатывающие, сельскохозяйственные, зерноперерабатывающие, торговые предприятия — 25 структурных подразделений. На предприятиях холдинга занято более 5 тыс. человек. Производство мясоколбасной продукции осуществляют ООО «МПК „Атяшевский”», ЗАО «МПК „Саранский”» и ЗАО «МПК „Торбеевский”». Свиноводством, племенной деятельностью, промышленным земледелием занимается ЗАО «Мордовский бекон». Зернопереработку и изготовление комбикормов осуществляет ОАО «Мордовский комбинат хлебопродуктов». Реализацию продукции осуществляют торговые дома и представительства в Мордовии, Марий Эл, Татарстане, Чувашии, Нижегородской, Ульяновской, Оренбургской, Пензенской, Московской, Кировской, Саратовской и Самарской областях. ЗАО «Талина» — головное предприятие группы, его объем продаж в 2006 г. составил около 3 млрд рублей⁴.

На примере агрохолдинга ЗАО «Талина» можно рассмотреть вариант развития интеграционных процессов на межрегиональном уровне. Это приобретение и дальнейшая реконструкция свиного комплекса «Рощинский» в Ульяновской области на 54 тыс. голов свиней по производству 10 тыс. т мяса в год; строительство свиного комплекса в Саратовской области мощностью 25 тыс. т мяса в год; реализация крупнейшего проекта в Нижегородской области, включающего строительство 10 свиноферм, мясоперерабатывающего и комбикормового заводов.

Однако интеграция за пределами республики для агрохолдинга «Талина» весьма рискованна. Это связано с тем, что при реализации указанных проектов компании придется конкурировать с другими крупными агропромышленными объединениями (Агрофирма «Металлург», «Золотой колос», «Продо Менеджмент» «Бекон» в Нижегородской области, «Криэйт-Агрогрупп» в Саратовской области, Средневолжская торговая-промышленная группа в Ульяновской области и др.).

Таким образом, перспективы развития интегрированных образований, например, агрохолдингов, как показал опыт весьма положительны. Можно отметить, что среди всех организационных форм хозяйствования, имеющих в аграрном секторе страны, агрохолдинги занимают доминирующую позицию, динамично развиваются, успешно применяя принципы региональной интеграции. При современном уровне сельского хозяйства, на наш взгляд, такие агропромышленные объединения необходимы для его подъема и выведения отраслей АПК в доходный бизнес.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.agro-business.ru>].

² Там же.

³ Там же.

⁴ Электрон. ресурсы [режимы доступа: <http://www.time-samara.ru>; <http://www.webagro.net>].

Поступила 23.11.07.

С. Ф. КУЗНЕЦОВ

ОЦЕНКА УРОВНЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ОБОРОТНЫМ КАПИТАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕГИОНА

Главная миссия механизма управления — удержание или соблюдение будущего предприятия таким, как оно было запланировано — выполняется в процессе оценки уровня управления оборотным капиталом. Одной из важных проблем в оценке финансовой устойчивости предприятия является оценка уровня обеспеченности оборотным капиталом.

Потребность в оборотном капитале определяется предприятием при разработке производственно-финансового плана, его величина не постоянна. Размер оборотного капитала зависит от объема производства, условий снабжения и сбыта, ассортимента производимой продукции, применяемых форм расчетов. В сельскохозяйственных предприятиях наблюдается циклическое использование оборотного капитала в течение года. Это необходимо учитывать при формировании оборотного капитала и создании запасов ресурсов для успешного выполнения намеченных объемов сельскохозяйственных работ. Рекомендуется также определять минимальную потребность в наиболее напряженные периоды производства.

В анализируемых предприятиях аграрного сектора экономики Республики Мордовия имеются следующие элементы оборотного капитала: запасы (сырье и материалы, животные на выращивании и откорме, затраты в незавершенном производстве, готовая продукция), краткосрочная и долгосрочная дебиторская задолженность, краткосрочные финансовые вложения, денежные средства и пр.

Данные показывают, что первое место во всех анализируемых предприятиях аграрного сектора экономики за-

КУЗНЕЦОВ Сергей Федорович, аспирант кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета.

нимают запасы от 54,7 % в СХПК «Чел-Майданский» до 95,7 % в СПК им. Ильича. Второе место — краткосрочная дебиторская задолженность, платежи по которой ожидаются в течение 12 месяцев от 4,1 % в СПК им. Ильича до 26,3 % в ОАО «Агрофирма „Норов”». Денежные средства в структуре оборотного капитала предприятия существенной роли не играют. Третье место у статьи «Денежные средства»: от 0,1 % в СПК «8 Марта» и СПК им. Ильича до 5,0 % в СХПК «Чел-Майданский»¹.

Анализируя структуру запасов за 2002—2006 гг., можно сделать вывод, что сырье, материалы и другие ценности занимают первое место в СХПК «Чел-Майданский» (58,5 %), СПК «Николаевский» (51,4 %), ОАО «Агрофирма „Норов”» (50,4 %), СХПК «Ключ-Сузгарьевский» (44,9 %). В СПК им. Ильича и СПК «8 Марта» первое место у статьи «Животные на выращивании и откорме», 64,6 и 48,3 %, соответственно. Затраты в незавершенном производстве во всех анализируемых предприятиях находятся на третьем месте в структуре оборотного капитала от 9,6 % в СПК «Николаевский» до 18,5 % СХПК «Чел-Майданский». Готовая продукция не играет существенной роли в структуре оборотного капитала и составляет от 0,0 % в СПК им. Ильича до 1,7 % в СПК «8 Марта».

Долгосрочная дебиторская задолженность имеется лишь в одном из анализируемых предприятий аграрного сектора экономики региона — это ОАО «Агрофирма „Норов”», причем в 2002—2003 гг. сумма оставалась без изменений — 735 тыс. руб., с 2003 г. дебиторская задолженность ежегодно снижалась и к концу 2006 г. составила 588 тыс. рублей.

Дебиторская задолженность, платежи по которой ожидаются в течение 12 месяцев, имеется во всех анализируемых предприятиях, и только в СПК им. Ильича с 2004 г. она снижается, а в ОАО «Агрофирма „Норов”» с 2003 г. имеет место ежегодное увеличение, т. е. у этого сельхозпредприятия появилось больше покупателей его продукции. В СПК «Чел-Майданский» лишь в 2005 г. сумма дебиторской задолженности снижалась, а в 2006 г. снова увеличилась до 1 921 тыс. рублей. В СПК «Николаевский» отмечено колебание дебиторской задолженности в 2003—2005 гг., в СХПК «8 Марта» ее сумма находится на одном уровне.

Краткосрочные финансовые вложения имеются лишь у СХПК «Чел-Майданский», причем лишь в 2003—2004 гг. их сумма стабильна на уровне 6 млн руб., в последующие годы происходит ее увеличение, т. е. к 2006 г. сумма краткосрочных финансовых вложений составила 14 млн 500 тыс. рублей.

Денежные средства, в отличие от краткосрочных финансовых вложений, имеются во всех анализируемых предприятиях. Однако в СХПК «8 Марта», СПК им. Ильича, СПК «Николаевский» они невелики. В СХПК «Чел-Майданский» в 2002—2004 гг. наблюдался рост денежных средств до 2 млн 861 тыс. руб., с 2005 г. отмечено уменьшение и в 2006 г. их сумма составила 520 тыс. рублей. В ОАО «Агрофирма „Норов”» сумма денежных средств была наивысшей в 2005 г. и равнялась 5 млн 865 тыс. руб., но уже в конце 2006 г. составила 891 тыс. рублей.

Коэффициент абсолютной ликвидности — наиболее жесткий критерий ликвидности предприятия. Он показывает, какая часть краткосрочных заемных обязательств может быть при необходимости погашена немедленно за счет имеющихся денежных средств. Отношение коэффициента варьируется от 0,05 до 0,1. В СХПК «Чел-Майданский» значения коэффициента абсолютной ликвидности в течение 2002—2005 гг. достаточно высокие, в 2006 г. происходит значительное снижение коэффициента из-за снижения суммы денежных средств и повышения краткосрочных пассивов до 3 млн 155 тыс. рублей. В СПК «8 Марта» в течение всего анализируемого периода, СПК им. Ильича в 2004 г. и 2006 г. отсутствовали денежные средства и значение коэффициента абсолютной ликвидности было нулевым. В ОАО «Агрофирма „Норов”» значение коэффициента абсолютной ликвидности только в 2005 г. стало равным 0,22, но уже в 2006 г. уменьшилось до 0,04. В 2002—2003 гг., 2005 г. в СПК им. Ильича значение колебалось от 0,01 до 0,03. В СПК «Ключ-Сузгарьевский» значение коэффициента абсолютной ликвидности составляло в 2002 г. 0,09, в 2006 г. — 0,17.

Коэффициент текущей ликвидности дает общую оценку ликвидности предприятия, показывая, сколько рублей оборотного капитала приходится на 1 рубль краткосрочной задолженности. В западной учетно-аналитической практике приводится критическое нижнее значение показателя — 2. Однако это лишь ориентировочное значение, указывающее

на порядок показателя, но не точное нормативное значение. В СХПК «Чел-Майданский» в 2002—2003 гг. значения коэффициента текущей ликвидности было достаточно высоким: в 2002 г. — 30,20; в 2003 г. — 32,94. В 2004 г. в результате увеличения краткосрочных пассивов в 2,2 раза значение показателя уменьшилось до 14,65. В 2005 г. краткосрочные пассивы уменьшились (1 млн 288 тыс. руб.), оборотный капитал увеличился до 29 млн 602 тыс. руб., а коэффициент текущей ликвидности увеличился до 22,98. В 2006 г. на рубль краткосрочных пассивов приходилось 10,96 руб. оборотного капитала. В СПК «Николаевское» коэффициент текущей ликвидности был достаточно высок, в 2005—2006 гг. в пределах 2, что находится в пределах нормы. В СПК «8 Марта» в 2002—2003 гг. коэффициент ликвидности был равен 1,01. В 2004 г. значение этого коэффициента повышается до 2,18, хотя в последующие годы происходит снижение из-за увеличения краткосрочных пассивов. В ОАО «Агрофирма „Норов”» значения данного коэффициента находятся в пределах от 1,68 в 2002 г. до 3,57 в 2006 г. В СПК им. Ильича коэффициент текущей ликвидности достаточно высок, что также как и в СПК «Чел-Майданский» связано с низким значением краткосрочных пассивов и большим значением оборотного капитала. В СПК «Ключ-Сузгарьевский» значения коэффициента текущей ликвидности в 2002 г. достаточно высокие (17,68), в период 2003—2006 гг. значения значительно ниже и колеблются от 1,58 до 4,00.

Наличие собственного оборотного капитала стало одним из важных показателей, характеризующих финансовое положение предприятия, его отсутствие свидетельствует о том, что весь оборотный капитал предприятия аграрного сектора экономики, а также возможно часть внеоборотных активов сформированы за счет заемных средств.

Собственный капитал в обороте СХПК «Чел-Майданский» имелся весь анализируемый период, хотя в 2005 г. его значение сократилось до 5 млн 393 тыс. руб., но уже в 2006 г. увеличилось до 12 млн 886 тыс. рублей. Это предприятие формирует собственный оборотный капитал за счет самого дешевого и выгодного источника — прибыли. В 2004—2006 гг. в СПК им. Ильича также имеется собственный оборотный капитал и наблюдается тенденция к его увеличению от 12 млн 609 тыс. руб. в 2004 г. до 21 млн 415 тыс. руб. в

2006 г. В СПК «Николаевское» за весь анализируемый период наблюдается отсутствие собственного капитала в обороте, причем в 2006 г. его значение уменьшилось на 10 млн 532 тыс. рублей. Такая же ситуация в ОАО «Агрофирма „Норов”» и СПК «8 Марта», т. е. оборотный капитал, а также часть внеоборотных активов сформированы за счет заемных средств. Восполнение недостатка собственного оборотного капитала возможно путем сокращения текущих финансовых потребностей. В СПК «Ключ-Сузгарьевский» в 2002 г. значение оборотного капитала составляло 1 млн 826 тыс. руб., 2003 г. — 1 млн 753 тыс. руб., 2004 г. — 1 млн 723 тыс. руб., в 2006 г. — 33 млн 046 тыс. рублей.

Увеличение собственного оборотного капитала возможно путем привлечения долгосрочных кредитов и займов, направления части прибыли на развитие производства, выпуска облигаций, эмиссии дополнительных акций и увеличения уставного капитала, роста нераспределенной прибыли и резервов, уменьшения ненужной части внеоборотных активов.

Доля собственного оборотного капитала в покрытии запасов характеризует ту часть стоимости запасов, которая покрывается собственным оборотным капиталом. Рекомендуемая нижняя граница показателя, традиционно сложившаяся за эти годы, составляет 50 %. Экономическая интерпретация этого лимита достаточно очевидна: по текущим операциям банки могут предоставлять льготное кредитование предприятиям, в которых не менее 50 % стоимости запасов и вложений в незавершенное производство покрывается собственным капиталом. Безусловно, приведенный лимит является ориентиром, а его величина определяется в кредитных договорах. Расчетные данные показывают, что в течение анализируемого периода СПК «Николаевский», ОАО «Агрофирма „Норов”», СПК «8 Марта», СПК им. Ильича (в 2002—2003 гг.), СПК «Ключ-Сузгарьевский» (в 2005—2006 гг.) значения данного показателя отрицательные. В СПК «Чел-Майданский» и в СПК им. Ильича (в 2004—2006 гг.) доля собственного оборотного капитала в покрытии запасов выше нормы.

Оценка уровня обеспеченности оборотным капиталом показывает, что запасы играют ведущую роль в структуре оборотного капитала (от 54,7 % в СХПК «Чел-Майданский» до 95,7 % в СПК им. Ильича). Второе место занимает краткосрочная дебиторская задолженность, платежи по которой

ожидаются в течение 12 месяцев, от 4,1 % в СПК им. Ильича до 26,3 % в ОАО «Агрофирма „Норов”». Третье место занимают денежные средства: от 0,1 % в СПК «8 Марта» и СПК им. Ильича до 5 % в СХПК «Чел-Майданский». Краткосрочные финансовые вложения имеются в структуре оборотного капитала лишь у одного из анализируемых предприятий аграрного сектора экономики — СХПК «Чел-Майданский» — 32,5 %.

При анализе показателей ликвидности видно, что абсолютно ликвидные активы имеются только в СХПК «Чел-Майданский» и СПК «Ключ-Сузгарьевский». Быстроликвидные активы, кроме СХПК «Чел-Майданский» и СПК «Ключ-Сузгарьевский», есть у ОАО «Агрофирма „Норов”». Оценивая коэффициент текущей ликвидности, можно сделать вывод, что только в СПК «8 Марта» не соблюдается норматив, в других анализируемых предприятиях фактическое значение выше нормального.

Что касается источников формирования оборотного капитала, то можно сказать, что в СПК «Николаевский», СПК «8 Марта», в ОАО «Агрофирма „Норов”» (за исключением 2006 г.), в СПК «Ключ-Сузгарьевский» оборотный капитал предприятий сформирован за счет заемных средств. В СХПК «Чел-Майданский» и СПК им. Ильича имеется чистый оборотный капитал. Кроме заемных средств в обороте предприятий находятся и привлеченные средства (это кредиторская задолженность всех видов).

Таким образом, анализируемые предприятия аграрного сектора экономики обеспечены только такими элементами оборотного капитала, как запасы и дебиторская задолженность, и практически не представлен оборотный капитал как денежные средства и краткосрочные финансовые вложения. Если судить о ликвидных активах, абсолютно ликвидных и быстроликвидных активов недостаточно. Источниками формирования оборотного капитала данных предприятий выступают собственные и заемные, а также привлеченные средства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее используются данные бухгалтерской отчетности анализируемых предприятий АПК, а также расчетные данные автора.

Поступила 09.10.07.

В. И. ПАНТЕЛЕЕВ В. К. КИСТЕНЕВ С. А. ДЕМЧЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИМИТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Лимитирование потребления энергоресурсов относится к одному из механизмов энергосбережения. В конце 90-х гг. XX в. Министерством топлива и энергетики РФ предложена временная методика формирования лимитов потребления энергоресурсов для учреждений, финансируемых из федерального бюджета. За прошедшие годы методика не дорабатывалась и не уточнялась. Расчеты по ней не всегда дают удовлетворительный результат.

Энергетическая стратегия России, рассматривая развитие топливно-энергетического комплекса страны, предполагает опережающий рост тарифов на энергоресурсы по отношению к инфляции¹. Бюджеты муниципальных образований направляют значительные средства на оплату энергоресурсов. В связи с этим возрастает важность формирования лимитов потребления энергоресурсов как одной из мер планиро-

ПАНТЕЛЕЕВ Василий Иванович, заведующий кафедрой электроснабжения и электрического транспорта Политехнического института Сибирского федерального университета, доктор технических наук (г. Красноярск).

КИСТЕНЕВ Вячеслав Константинович, инженер ООО «ЕнисейЭнерго-Сервис», кандидат технических наук (г. Красноярск).

ДЕМЧЕНКО Сергей Алексеевич, начальник отдела энергосбережения департамента городского хозяйства администрации г. Красноярск.

вания и контроля рационального потребления тепловой и электрической энергии учреждениями, финансируемыми из бюджета муниципального образования. Проводимые в России рыночные реформы повышают требования к точности прогнозирования объемов потребления энергоресурсов². Это требует разработки научно-обоснованной методики формирования лимитов их потребления.

В начале рыночных преобразований для учреждений, финансируемых из бюджетов, устанавливались льготные тарифы. С этого момента берет начало формирование лимитов потребления энергоресурсов для бюджетных учреждений. Под лимитом потребления электрической энергии понимается количество электрической энергии, необходимое для осуществления нормальной жизнедеятельности бюджетного учреждения в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями, а также стоимость электрической энергии в действующих на данный момент тарифах, утвержденных в установленном порядке.

Для формирования лимитов потребления энергоресурсов учреждений, финансируемых из федерального бюджета, разработаны Методика формирования лимитов (МТЭ)³, Правила лимитирования потребления электрической и тепловой энергии⁴ и Временный порядок реализации лимитов⁵. Администрации краев и областей России в основном приняли документы, подобные федеральным⁶, и рекомендовали муниципальным образованиям разработать подобные акты.

В качестве объекта исследования нами выбраны муниципальные медицинские учреждения г. Красноярска. При наличии фактических данных за 2003—2006 гг., расчеты по методике МТЭ дали положительные результаты только в случае, если не происходило существенных изменений ни в условиях функционирования учреждения, ни в факторах, влияющих на потребление электрической энергии. При наличии таких изменений разница между прогнозируемой величиной потребления электрической энергии и фактическим объемом достигает 40 %.

В случае отсутствия фактических данных МТЭ предполагает расчет прогнозируемых объемов потребления электрической энергии по усредненным нормативам потребления на единицу площади, количества посещений и т. д. Основным недостатком таких расчетов заключается именно в усредненных

нормативах. Анализ фактически складывающихся объемов потребления электрической энергии, приходящихся на 1 кв. м общей площади зданий и на одно посещение в смену по муниципальным медицинским учреждениям г. Красноярска, показывает, что имеются большие различия между учреждениями. Кроме того, значение фактических объемов потребления электрической энергии на 1 кв. м площади здания и на одно посещение в смену имеет заметное колебание значений в разные годы. Такие различия фактических объемов потребления электрической энергии происходят вследствие различных погодных условий, различного количества посетителей, а также влияния других случайных факторов.

Методика формирования лимитов должна опираться на математические модели, с использованием методов корреляционно-регрессионного и факторного анализа. Это актуализирует формирование лимитов потребления электрической энергии в соответствии с основными положениями теории функционирования техноценозов⁷. Основная идея техноценологического подхода в том, что между технологически несвязанными объектами существуют слабые связи, формирующие из группы объектов сообщество. Используя методы математической статистики и математического моделирования, можно получить научно обоснованный прогноз потребления электрической энергии сообществом на следующий период планирования.

Муниципальные медицинские учреждения г. Красноярска, безусловно, имеют связи между собой. Хотя технологически они связаны не всегда, но имеется общий центр управления — администрация муниципального образования, учреждения функционируют в одинаковых климатических условиях. Медицинские учреждения оказывают услуги населению одного города, которое имеет свою специфику и одновременность заболеваний.

Процесс формирования лимитов потребления электрической энергии муниципальным медицинским учреждениям предлагается проводить по определенной схеме. Во-первых, на уровне муниципального образования следует осуществлять сбор информации о фактическом потреблении электрической энергии учреждениями города за прошедшие 4—5 лет и формировать прогноз ее потребления на следующий период планирования. Прогноз потребления передается муниципаль-

ному учреждению. Во-вторых, после анализа полученного прогноза потребления муниципальным учреждением электрической энергии формируются предложения по уменьшению или увеличению объема потребления электрической энергии на следующий период планирования. В-третьих, в муниципальном образовании проводится анализ обоснованности предложений муниципальных учреждений, с учетом этих предложений формируются лимиты потребления электрической энергии.

Расчеты на 2006 г. показали, что в 72 % случаев прогноз объемов потребления электрической энергии, рассчитанный по методике МТЭ, оказался ниже фактического потребления, в 8 % случаев выявлено превышение потребления, составляющее 15—30 % от фактического объема. По предлагаемой методике превышение расчетного объема потребления над фактическим составляет 5—10 %.

Таким образом, для 80 % муниципальных медицинских учреждений г. Красноярска расчет прогноза потребления электрической энергии, выполненный по представленной методике, ближе к фактическим значениям по сравнению с расчетом прогноза потребления электрической энергии, проведенным по методике МТЭ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Об энергетической стратегии России на период до 2020 года». Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р // Собр. законодательства РФ. 2003. № 36. Ст. 3531.

² «Об утверждении правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики». Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 36. Ст. 3876.

³ «О направлении методики». Письмо Министерства топлива и энергетики Российской Федерации от 11 июня 1998 г. № АК-4670 // Вестн. Госэнергонадзора. 1999. № 1. С. 8—12.

⁴ «Правила лимитирования потребления электрической и тепловой энергии», утвержденные Минтопэнерго РФ от 16 апреля 1998 г. // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 18. С. 148—149.

⁵ «Временный порядок реализации лимитов потребления электрической и тепловой энергии организациям, финансируемым из Федерального бюджета, и контроля за их выполнением», утвержден Минтопэнерго РФ от 21 января 1998 / «Консультант +».

⁶ «О порядке обеспечения бюджетных учреждений». Постановление администрации Красноярского края от 8 декабря 1998 г. № 688-П // Красноярский рабочий. № 237—238. С. 2—3; «О лимитировании потребления электрической и тепловой энергии организациям, финансируемым за счет областного бюджета». Постановление Правительства Мурманской области от 5 декабря 2002 № 412-П // Мурманский Вестн. № 239. С. 1—2; «Об экономии потребления электрической, тепловой энергии и моторного топлива». Постановление Главы администрации Новосибирской области от 13 ноября 1998 г. № 699 / «Консультант +».

⁷ См.: Кудрин Б. И. Введение в технетику. Томск, 1993; Гнатюк В. И. Закон оптимального построения техноценозов // Ценологические исследования. Вып. 29. М., 2005.

Поступила 11.07.07.

А. П. ЕГОРШИН, **ДИАГНОСТИКА**
Е. Ю. ГОРБУНОВА **И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ**
 ПЛАНИРОВАНИЕ ВУЗА

На основе теории стратегического менеджмента и имеющегося опыта 20-летнего стратегического управления¹ выделяем 8 макроподсистем стратегического управления вузом (рис. 1). Эти макроподсистемы есть практически в каждом крупном и среднем вузе и, на наш взгляд, не требуют теоретического обоснования. Состав подсистем управления определен на основе классификатора функций управления вузом и экспертным методом, распределен по макроподсистемам.

Имеющийся опыт стратегического менеджмента подтверждает целесообразность диагностики, планирования и реализации стратегии по основным макроподсистемам управления. Это позволяет применить системный подход, вести параллельную проработку стратегии под руководством проректора, отвечающего за соответствующее направление деятельности, а на стадии реализации стратегии использовать действующую структуру управления вузом. При этом ведущая роль ректора вуза имеет первостепенное значение как «принцип первого руководителя».

В классической теории стратегического менеджмента выделяют три основных этапа (студии) стратегического управления, которые вполне можно применить к высшему учебному заведению²: диагностический анализ, стратегическое планирование вуза, управление реализацией стратегии вуза.

Диагностический анализ — метод комплексного исследования макроподсистем управления вузом на основе научного изучения целей и критериев управления, ранжирования проблем развития, анализа внутренней и внешней среды, исследования конкурентных преимуществ и выбора стратегических приоритетов развития. Исходными данными

ЕГОРШИН Александр Петрович, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса, доктор экономических наук, профессор.

ГОРБУНОВА Елена Юрьевна, декан факультета дополнительного образования Нижегородского института менеджмента и бизнеса, кандидат культурологии, доцент.

для диагностического анализа стали годовые отчеты вуза за последние 5—10 лет; результаты последней государственной аккредитации вуза; социально-экономические положения вуза (проекты, буклеты, рейтинги и др.); результаты экспертных оценок членов ректората (социологические опросы, предложения, приоритеты).

Методика диагностического анализа вуза основана на системном подходе, экономическом анализе, экспертном методе, математической статистике, исследовании среды вуза, методологии STEP- и SWOT-анализа, социологическом методе, графоаналитических методах В. Парето и К. Исикавы. Результатом диагностического анализа стал аналитический документ «Социально-экономическое положение вуза в сфере образования региона», состоящий из разделов: анализ целей и критериев управления по макроподсистемам; ранжирование глобальных и локальных проблем управления; исследование внешней среды вуза методом STEP-анализа; исследование внутренней среды вуза методом SWOT-анализа; анализ конкурентных преимуществ вуза в регионе; выбор стратегических приоритетов развития вуза на перспективу.

Стратегическое планирование — процесс разработки стратегического плана путем формулирования целей организации, разработки идей развития, выбора базовых стратегий и прогнозирования социально-экономического развития с целью обеспечения эффективной работы организации в будущем.

Процесс стратегического планирования — это инструмент, помогающий принимать долгосрочные решения в условиях неопределенности будущего развития и влияния внешней среды. Его задача заключается в обеспечении нововведений и организационных изменений в достаточном объеме для адекватной реакции на изменения внешней среды. Планирование стратегии не завершается каким-либо немедленным действием или быстрыми результатами.

Руководители высшего и среднего звена управления вуза обычно неохотно отвлекаются на решение стратегических задач. Все свое рабочее время они тратят на оперативные вопросы, от которых зависят ближайшие результаты их деятельности и соответствующее поощрение.

Рис. 1. Концептуальная схема управления по макроподсистемам деятельности вуза

Имеются разные модели процесса стратегического планирования³. На первый взгляд, последовательность процесса стратегического планирования выглядит достаточно просто. Однако эта простота кажущаяся, поскольку из-за наличия обратных связей между разными этапами работа над каждым из них может повторяться несколько раз, а их очередность показывает последовательность начала каждого этапа. Сложность процесса планирования определяется и содержанием каждого этапа, требующего проведения большого объема исследовательской работы.

Остановимся на принципиальных положениях (более подробно эти вопросы нами рассмотрены ранее)⁴. Программно-целевое планирование является важным методом формирования целей и критериев стратегического управления, так как позволяет сформулировать будущие приоритеты развития вуза. Нами предложен способ адаптации типового набора целей и критериев к конкретным условиям вуза. Типовой набор целей и критериев выведен в результате многократного процесса «мозгового штурма» среди руководителей вузов и ученых в области менеджмента, в котором участвовали свыше 100 экспертов из различных регионов России (рис. 2). Сущность адаптации — в анализе сформированных целей по макроподсистемам вуза и отборе наиболее значимых критериев управления, исходя из специфики вуза и состава применяемых конечных показателей образования и науки.

Значительное место в стратегическом планировании вуза принадлежит методу «сценариев будущего». Это описание вариантов развития, состоящее из согласованных, логически взаимосвязанных событий и последовательности шагов, с определенной вероятностью ведущих к прогнозируемому конечному состоянию (образу организации в будущем). Как правило, сценарии представляют собой качественное описание, хотя и детализированное, содержащее отдельные количественные оценки. Этим они отличаются от обычных прогнозов, в большинстве которых упор делается на количественные показатели.

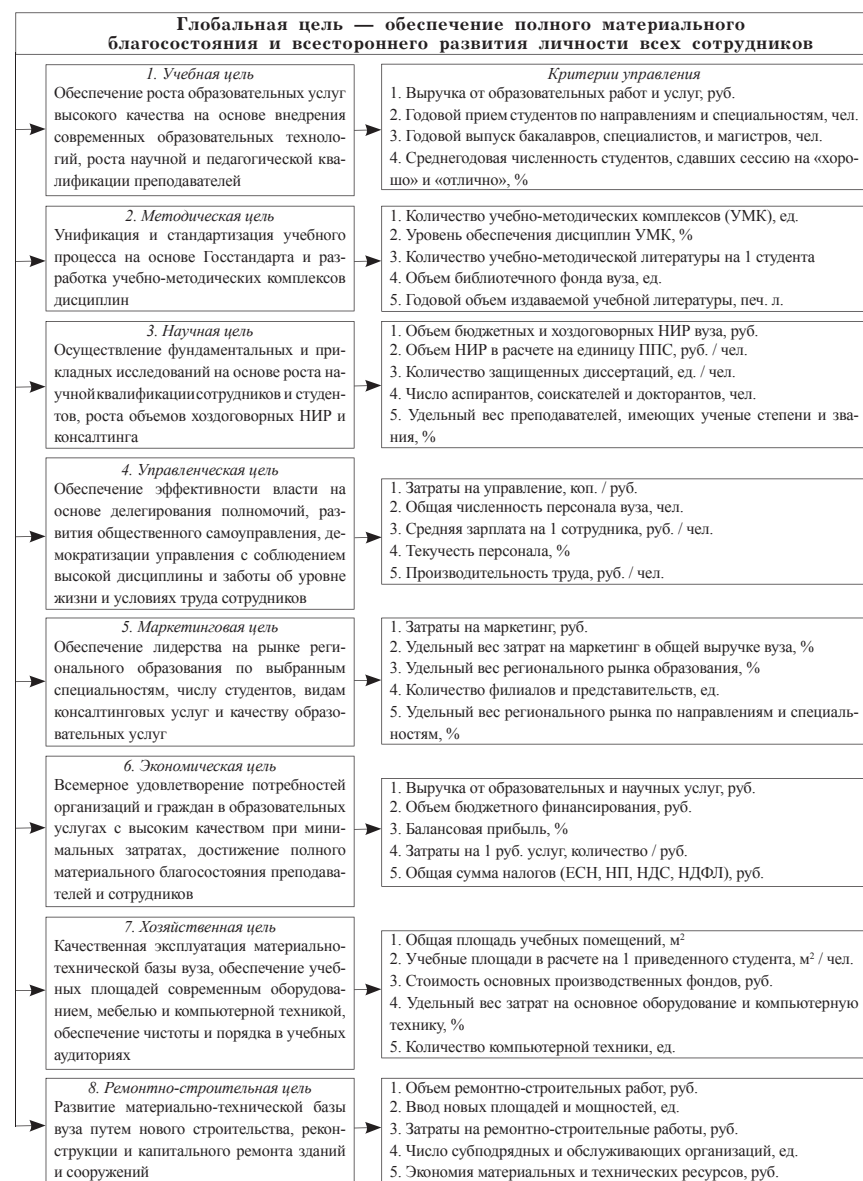

Рис. 2. Цели и критерии управления вузом

До последнего времени методологию «сценариев будущего» использовали исключительно в национальном масштабе или крупные организации России. В настоящее время сценариям уделяется все большее внимание, их начинают использовать в планировании деятельности учебные заведения различных типов. В качестве критериев сравнения различных вариантов развития образования может быть выбран ряд показателей. Интегральным может быть качество трудовой жизни преподавателей и сотрудников образовательного учреждения.

Выбор базовой стратегии — центральный момент стратегического планирования. Часто учебное заведение выбирает стратегию из нескольких возможных вариантов. Так, если образовательное учреждение хочет увеличить свою долю на рынке, оно может достичь цели несколькими путями: понизить цены на услуги, увеличить количество филиалов, расширить ассортимент оказываемых образовательных услуг, с помощью рекламы создать более привлекательный образ своих образовательных услуг. Каждый путь открывает разные возможности. Например, ценовая стратегия легко осуществима и дает быстрые результаты, особенно в случае демпинговых цен, но и легко копируется конкурентами. Стратегия новых технологий обучения трудно копируется, но требует больших капитальных затрат и значительного интервала времени (от 1 до 5 лет) для понимания потребителями. Стратегия использования новых программ и специальностей требует затрат времени, а в отсутствие авторского права — «копируется» и повторяется. Таким образом, стратегическое управление вузом — объективная необходимость в условиях рыночной экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Егоршин А. П. Сценарии развития высшего образования в России // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 21—26; Менеджмент, маркетинг и экономика образования: Учеб. пособие / Под ред. А. П. Егоршина, Н. Д. Никандрова. Н. Новгород, 2004. С. 176—200.

² См.: Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. М., 2005.

³ См.: Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Под ред. Д. С. Львова, А. Г. Гранберга, А. П. Егоршина. М., 2005. С. 335—469.

⁴ См.: Менеджмент, маркетинг и экономика образования...

Поступила 30.07.07.

Н. В. ИВАШКИНА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ДОСТУПНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Современное общество может эффективно функционировать лишь при выравнивании условий социальной мобильности различных социальных слоев. Важная роль в поддержании его стабильности принадлежит обеспечению равных прав и возможностей каждого человека на образование. Уровень образованности населения, развитость образовательной и научной инфраструктуры — неперемное условие формирования демократического общества и рыночной экономики, ведущими ресурсами которых выступают новые знания и технологии.

Проблема доступности высшего образования и неравенства в этой области стала объектом повышенного общественного интереса российского общества. Проблема в том, что за очень короткий период произошла радикальная смена механизмов и каналов вертикальной социальной мобильности для большинства социальных слоев и групп. Увеличилось количество высших учебных заведений, и, как следствие, высшее образование стало относительно доступно, несмотря на высокие конкурсы и рост экономических затрат на подготовку в вузе. На повышении доступности сказался и демографический фактор. Спад рождаемости в 90-х гг. XX в. повлек за собой уменьшение числа выпускников общеобразовательных школ и уменьшение потенциальных абитуриентов вузов. С другой стороны, если рассматривать доступность как возможность поступить в учебное заведение или на специальность, обеспечивающую высококачественную подготовку по востребуемой на рынке труда профессии, то такое образование не стало

ИВАШКИНА Наталья Владимировна, старший научный сотрудник сектора региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета.

общедоступным. Трудоустройство выпускников по формально полученной ими специальности имеет низкие показатели.

Проблемы доступности высшего профессионального образования в Российской Федерации характерны и Республике Мордовии. Следует отметить, что эта проблема не только социальная, она имеет существенный управленческий аспект.

Мордовский государственный университет занимает приоритетные позиции на рынке образовательных услуг Мордовии. Однако в связи с усиливающейся конкуренцией за контингент обучающихся назрела необходимость анализа степени открытости вуза для внешней среды, выявления факторов, снижающих доступность высшего образования, а также материальных, социальных, личностных и других возможностей потребителей образовательных услуг. Это стало основой социологического исследования «Мониторинг доступности университетского образования в Республике Мордовия», проведенного в октябре 2006 года. В ходе исследования опрошены 500 студентов из 17 структурных подразделений университета, среди них 52,6 % (263 чел.) юношей и 47,4 % (237 чел.) девушек. Основная цель исследования — анализ состояния доступности университетского образования в республике. В ходе исследования решались задачи получения информации о состоянии доступности университетского образования в республике; выявления мотивов к получению высшего образования; анализа влияния различных факторов на доступность университетского образования в регионе.

Анализ доступности университетского образования позволил выделить ее основные факторы: информационный, институциональный, экономический, социальный, личностно-индивидуальный.

В стабильном обществе высокий уровень образования влечет за собой адекватные статусные позиции и уровень материального благосостояния. В их основе лежат позитивные модели социально-экономического поведения. Необходимость высшего образования, как неременное требование работодателей, обусловила рост спроса на образовательные услуги и как следствие — предоставление широкого спектра возможностей по получению высшего образования, различающегося качеством, ценой и доступностью.

Факт взаимосвязи получения высшего образования и материального положения семьи очевиден. От уровня дохода

семьи зависит возможность оплачивать расходы, связанные с поступлением и получением ребенком образования, и расходы, связанные с материальным обеспечением во время обучения в вузе. Анализ этого фактора включал в себя рассмотрение совокупности показателей финансово-экономического состояния жителей республики и семей студентов. В определениях студентов среднедушевого дохода своей семьи преобладает показатель до 3 тыс. руб. (52,1 %), от 3 001 до 5 тыс. руб. (24,9 %), более 5 тыс. руб. (23,0 %). Следует заметить, что такая оценка во многом субъективна.

Среднедушевой доход семьи — важный фактор при рассмотрении различных характеристик ответов респондентов. В иерархии мотивов поступления в вуз у лиц со средним душевым доходом до 3 тыс. руб. основная причина — «получение хорошей специальности» (53,1 %); с доходом от 3 001 до 5 тыс. руб. — «высшее образование — это способ саморазвития и самосовершенствования» (48,4 %); с доходом более 5 тыс. руб. — «высшее образование гарантирует материальный достаток и более высокое положение в обществе» (40,0 %). Следовательно, мотивация имеет материальную основу и варьируется от уровня доходов.

В последние годы наиболее престижными и популярными стали экономические и юридические специальности. Однако наблюдается тенденция увеличения интереса к сферам деятельности, связанным с высокими технологиями — программирование, инженерная деятельность. Другие сферы деятельности, по мнению респондентов, менее престижны и популярны. Наиболее не популярны среди студентов сферы образования и воспитания (0,6 %), социология, психология (0,8 %), космонавтика (0,8 %) и рабочие специальности.

Так как опрашивались студенты, резонным был анализ объема материальных средств, затраченных на поступление. Более трети второкурсников (34,3 %) ответили, что затраты были. Оценка суммы затрат на подготовку достаточно вариативна: от 3 001 до 10 тыс. руб. потратили 17,8 % опрошенных, от 10 001 до 20 тыс. руб. — 15,4 %, от 20 тыс. до 35 тыс. руб. — 21,6 % и свыше 35 тыс. руб. — 14,8 %. На то, что никаких денежных затрат не было, указали 21,8 %.

Выявлено, что семьи со средним уровнем дохода (от 3 001 до 5 тыс. руб.) более других затрачивают средств на подготовку к поступлению в вуз. Среди респондентов из таких семей

23,9 % занимались с репетитором, 16,3 % — на подготовительных курсах при вузе, 12,0 % — с репетитором из вуза. Оплачивают обучение в основном родители и родственники (81,4 %); предприятие, на котором работают родители (5,2 %); лишь 6,7 % оплачивают самостоятельно и 6,2 % предприятие, на котором будут работать по окончании вуза.

Важен и тот факт, что более половины студентов 2 курса (65,2 %) ничего не знают о предоставлении банковских кредитов для оплаты образовательных услуг в вузе. Из тех, кто о них знает, в основном владеют самыми общими сведениями (45,3 %), а также знают названия банков, предоставляющих образовательные кредиты (30,7 %). Большинство респондентов не испытывают материально-бытовых трудностей. Те, у кого они есть, отметили, что им не хватает денег для обновления (ремонта) одежды, обуви (18,6 %) и на покупку литературы, канцелярских принадлежностей (15,5 %), питание (11 %), на оплату жилья (9,6 %).

Достаток — один из параметров, определяющих оценку состояния здоровья. Более 50 % тех, кто имеет достаток свыше 5 тыс. руб., считают себя практически здоровыми, оценили свое здоровье в целом как хорошее, но бывают временные расстройства — 51,6 % студентов с доходами семьи от 3 001 до 5 тыс. руб. и 55,9 % с доходами до 3 тыс. рублей.

Социокультурный капитал семьи оказывает значительное влияние на ориентиры студентов и их оценки доступности и качества университетского образования. Особую значимость приобретает проблема доступности высшего образования выпускникам городских и сельских общеобразовательных школ. Это обусловлено тем, что получение высшего образования, в отличие от общего, не гарантируется Конституцией РФ всем гражданам, а возможно только на конкурсной основе. В дополнение к бесплатному обучению развивается рынок платных образовательных услуг.

Так, оценивая уровень подготовки к поступлению в вуз, можно отметить, что сельские абитуриенты в основном полагались на себя, 67,1% занимались дополнительно самостоятельно. И если в среднем учебном заведении дополнительно сельские школьники занимались чуть больше городских (29,8 и 24,9 %), то с репетиторами занималось в 2 раза больше городских (36,8 %) респондентов, чем сельских (18,6 %). Посещали подготовительные курсы при вузе 14,3 % опро-

шенных из города, в то время когда сельские — 5,0 %. Это определило тот факт, что основными причинами затруднений при поступлении в вуз студенты из сельской местности отметили «удаленность вуза от места проживания» (41,7 %), «отсутствие компьютера, сложности с доступом в Интернет» (16,6 %) и «отсутствие возможности дополнительных занятий» (14,1 %). В то время как у городских студентов трудности были с «отсутствием необходимой литературы» (16,4 %) и «низким уровнем преподавания основных предметов в школе» (16,1 %).

Важным аспектом различий в ответах респондентов оказалась адаптация к процессу обучения в университете. Так, если у городских и сельских студентов основные трудности на первом году обучения связаны с изучением отдельных предметов (40,5 и 46,4% соответственно) и высокими требованиями преподавателей (25,7 и 26,2 %), то в дальнейшем ответы разнятся. Проблемы городских студентов связаны с нехваткой времени для выполнения самостоятельных работ (23,6 %), учебной и учебно-методической литературы (23,0 %). Студентов из села более волнуют проблемы «слишком много пар» (21,4 %) и «трудности, не связанные с процессом обучения» (19,0 %). Это объясняется тем, что городские дети уже в школе привыкают к большому объему классно-урочных часов.

Следует отметить, тот факт, что большинство студентов из сельской местности снимают жилье (34,0 %) и проживают в общежитии (33,3 %), причем 16,0 % опрошенных отметили, что нуждались в общежитии, но место не получили. Проблема жилья в доходах семей из села занимает значительное место. Решение этой проблемы позволит снять эту нагрузку с семьи и направить материальные ресурсы на повышение качества подготовки студентов и улучшение их материально-бытовых условий. Это сказывается и на итогах обучения. Так, среди студентов больше тех, кто сдал летнюю сессию только на «отлично» (14,1 %), чем среди сельских (9,9 %), на удовлетворительно сдали летнюю сессию больше сельских студентов (9,3 %), чем городских (6,9 %).

Значительное влияние на ориентиры молодых людей в сфере образования оказывает социокультурный капитал семьи. Такой капитал — важный фактор воспроизводства образованного слоя населения. Одним из действенных ре-

сурсов, влияющих на образовательную стратегию студентов, является уровень образования родителей. Нацеленность на высшее образование больше выражена у выпускников, чьи родители имеют высшее образование, заняты преимущественно умственным трудом.

Среди опрошенных у 44,0 % имеют высшее образование матери и 36,4 % отцы. Имеют среднее профессиональное образование 31,7 % отцов и 27,8 % матерей; начальное профессиональное образование — 11,3% и 9,1% соответственно. Анализ выбора сфер деятельности в зависимости от уровня образования отца и матери показал, что несмотря на уровень образования, приоритет студентами отдается финансам, программированию и праву. Можно констатировать и повышение спроса на инженерные специальности и частное предпринимательство.

Личностный (индивидуальный) фактор — один из основных, оказывающих существенное влияние на доступность высшего образования для различных социальных групп населения. Среди основных показателей, его характеризующих, наибольший интерес представляют индивидуальные образовательные характеристики студентов, состояние их здоровья и мотивы получения высшего образования.

Факторы значимости высшего образования совпадают с мотивами обучения в вузе, построения профессиональной карьеры. Мотивы поступления в университет являются осознанными и перспективными. Причинами поступления почти в равной степени названы получение хорошей специальности, решение проблемы трудоустройства (44,2 %); возможность сделать профессиональную карьеру (42,2 %); получение высшего образования для дальнейшего саморазвития и самосовершенствования (41,6 %). По существу, эти формулировки — разные выражения одного и того же представления о связи образования с заработком и социальным статусом, базовое социальное утверждение конституционных принципов организации современного общества и его социальной структуры. Таким образом, можно отметить, что мотивация получения высшего образования у студентов направлена на перспективу и самореализацию.

При поступлении в вуз большое значение имеет выбор вида учебного заведения. По мнению опрошенных, они выбрали университет, потому что именно он дает более

качественное образование (52,1 %) и оно более престижное (48,7 %). Студенты отметили, что профессии, полученные в университете, и более востребованы на рынке труда (26,5 %), а есть специальности, по которым подготовка ведется только в университете (15,8 %).

Следует отметить и растущую роль второго высшего образования. Его перспективность указали 38,2 % респондентов. Можно говорить о более высокой заинтересованности девушек в получении второго высшего образования, о его перспективах заявили 44,5 % девушек и 32,6 % юношей.

Высшее образование стало нормой, необходимым условием жизнедеятельности. Однако различия в намерениях его получить между городскими и сельскими выпускниками обусловлено совокупностью условий и факторов, отражающих личностные, информационные, материальные и социальные ресурсы семьи, территориальные и институциональные аспекты. Главным сдерживающим барьером получения высшего образования выступают разные ресурсы городских и сельских семей, неравенство в самооценке выпускниками городских и сельских школ, возможности поступления в вуз, успеваемость в школе и довузовская подготовка. Важен и факт адаптации к учебе в университете, которая у сельчан осложнена еще и материально-бытовыми условиями.

Проведенное исследование показывает, что имеется ярко выраженная направленность молодых людей на получение высококачественного и конкурентоспособного высшего образования. Данные проведенного исследования показывают на корреляцию между ресурсной обеспеченностью семьи, доступностью высшего образования и перспективами, которые открывает полученное образование: чем большим количеством и объемом ресурсов обладает семья, тем выше шансы на получение детьми качественного, востребованного на современном рынке труда и дающего ясные материальные и социальные перспективы образования. Большинство респондентов считают, что в современных условиях высшее образование необходимо чтобы добиться приемлемого уровня жизни и социального статуса. Таким образом, синдром всеобщего высшего образования вряд ли может быть преодолен в ближайшее время.

Экономический фактор доступности высшего профессионального образования характерен больше родителям, за-

интересованным в успешном поступлении абитуриентов в вуз и не жалеющих для этого денег. Среднедушевой доход семьи — фактор, определяющий доступность престижного и популярного высшего образования, но не играющий роли в получении высшего образования на менее престижных специальностях. Основные затраты семей студентов направлены на подготовку к поступлению в вуз и содержание во время обучения.

Задача обеспечения равного доступа к высшему образованию предполагает разработку механизмов адресной поддержки семей с низким ресурсным потенциалом. Одним из таких механизмов может стать льготное кредитование с гибкой системой предоставления и погашения образовательных кредитов. Эффективной может быть корректировка стоимости обучения в зависимости от получаемой специальности, особенно на те, где конкурс высокий и по материальному положению семей будущих студентов. Необходимо отметить, что по наиболее престижным и популярным, по мнению студентов, специальностям подготовка ведется и в других, как государственных, так и не государственных вузах, следовательно, формирование более гибкой структуры стоимости обучения по этим специальностям позволит университету повысить конкурентоспособность и привлекательность обучения в нем.

Решению повышения качества и эффективности образования способствует работа по профессиональной ориентации выпускников школ, ПУ и ссузов. В связи с этим молодежь в процессе обучения в школе, ПУ, ссузе обнаруживающая особые способности, склонности, глубокую мотивацию к учебе, стремление к знаниям независимо от уровня школы, места жительства, социального и материального положения родителей, должна стать объектом пристального внимания университета и региональных властей.

Так как большинство респондентов указало на значительное влияние родителей на мотивацию поступления в университет и источник финансирования образования, следует особое внимание уделить работе с родителями будущих абитуриентов.

В отношении путей сохранения и эффективного использования потенциала высшей школы могут быть определены следующие направления их оптимизации. Прежде всего,

расширение масштабов доподготовки и переподготовки работающих и высвобождаемых работников. В значительной мере может быть увеличен контингент студентов из зарубежных стран, в особенности из государств-участников СНГ. Кроме того, исходя из данных исследования, сохранению потенциала может способствовать нацеленность студентов на получение второго высшего образования, а также на дополнительные образовательные услуги, позволяющие получить более актуальную на рынке труда специализацию.

Одним из направлений решения поставленных задач должна стать дальнейшая структуризация профессионального образования в регионе путем совершенствования работы и расширения сфер деятельности университетского комплекса, включающего также образовательные учреждения, реализующие образовательные программы других уровней, в том числе и учреждения, занятые повышением квалификации и переподготовкой работающих и высвобождаемых работников. Это позволит решить проблему соответствия рынка образовательных услуг и рынка труда. Большую роль в этом играет повышение качества образования, что наряду с доступностью и конкурентоспособностью становится основным критерием успешности развития высшего образования.

Поступила 01.11.07.

В. Т. ВОЛОВ

**РАЗВИТИЕ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ
С КРИМИНАЛИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВА**

В разные эпохи общество пыталось решить проблему преступности, ужесточая меры пресечения. Однако применение подобных мер лишь усугубляло криминализацию общества и не снижало социальной напряженности. В последние несколько десятилетий во многих государствах пришли к выводу, что проблему преступности невозможно решить применением только репрессивных мер по отношению к преступнику, следует скорее заботиться о его перевоспитании. Важное значение в этом процессе играет реабилитационный период, во время которого бывший преступник вновь адаптируется к нормальным условиям жизни и затем находит свое место в обществе. Однако многие из отбывших срок вновь идут на преступление именно из-за того, что не могут найти себе достойного применения, не обладают достаточным уровнем знаний и профессиональных навыков, являются жертвами социального стереотипа, сводящего к представлению о том, что вышедший из тюрьмы человек — если и не реально, то потенциально — преступник. Следовательно, общество должно создать механизмы социальной реабилитации преступника, предполагающие, во-первых, институты, обеспечивающие приобретение профессиональных навыков, во-вторых, изменение социальных стереотипов, характеризующих личность преступника в массовом сознании.

В последние десятилетия в странах Западной Европы и в Америке активно реализуется предоставление возможности заключенным получить профессию по месту

ВОЛОВ Вячеслав Теодорович, директор Самарского филиала Современной гуманитарной академии, доктор педагогических, технических и экономических наук, профессор.

отбывания наказания. В 1989 г. в Ирландии организована Европейская ассоциация образования в тюрьмах (ЕРЕА), в составе которой более 35 стран (Европа, США, Австралия). В Германии активно практикуется развитие у заключенных навыков программирования и работы с персональным компьютером, им предоставляется возможность овладеть иностранным языком и основами какой-либо профессии. В США в некоторых тюрьмах заключенные могут обучаться по программе колледжа или получить высшее образование посредством использования мобильных систем и современных информационных технологий. Однако нигде в мире не практикуется обучение осужденных по программе высшей школы непосредственно на месте отбывания наказания. Такое обучение предполагает долгосрочные договорные отношения вуза и тюрьмы.

В рамках эксперимента с 1999 г. в Самарском филиале Современной гуманитарной академии (СФ СГА) реализуется проект, заключающийся в предоставлении осужденным возможности получить высшее образование¹. Реализация проекта стала возможной благодаря использованию информационно-телекоммуникационных технологий обучения и организационной помощи Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Минюста РФ при поддержке администраций г. Самары и Самарской области. В настоящее время в Самарской области в рамках проекта по получению высшего образования в пенитенциарной системе обучение проводится в 5 исправительно-трудовых учреждениях, где обучается свыше 180 человек.

Основная цель проекта выражена формулой: «Через высшее образование — борьба с криминализацией общества, движение к цивилизованному рынку труда без дополнительного бюджетного финансирования».

Совместно с Главным управлением исполнения наказаний и Департаментом занятости Самарской области Современная гуманитарная академия планирует создание производственно-консалтинговых инкубаторов для бывших осужденных, получивших диплом, с целью формирования у них навыков работы по специальности, профессиональной адаптации и подготовки к «выходу в открытое общество». Схема функционирования образовательной площадки вуза и производственной адаптации студентов, получающих высшее образование

в пенитенциарной системе, включает начальную, среднюю школу, профтехобразование, высшее образование, аспирантуру и производственно-консалтинговый инкубатор.

Образовательный процесс в исправительно-трудовых учреждениях проводится по очно-заочной форме обучения, в его основе — новейшие информационно-коммуникационные технологии, связанные с применением современных интерактивных средств обучения: спутниковые лекции, слайд-лекции, видеофильмы (индивидуальный и групповой просмотр); IP-хелпинг, осуществляющий обратную связь «экстерриториальный профессорско-преподавательский состав — студент» через Интернет и виртуально осуществляющий помощь обучающимся при подготовке домашних работ, контрольных заданий; компьютерный тренинг по программам супертьютор (SBT), профтьютор (ПТ), комплей (КО), R-тьютор, имитационный профтьютор (ИПТ); проведение коллективных тренингов (семинарских занятий) в форме круглого стола, деловых и ролевых игр; систематическая проверка усвояемости студентами материала с помощью тестирования.

Использование современных технологий в процессе обучения осужденных позволит им не чувствовать себя оторванными от окружающего мира (некоторые студенты исправительных учреждений Самарской области осуждены на 10 и более лет).

Результаты психологического мониторинга, проведенного психологами Самарского филиала СГА, показывают, что с применением телекоммуникационной технологии обучения у студентов развиваются и укрепляются целеустремленность, ответственность, способность принимать конструктивные решения, значительно повышается уровень интеллекта². Воспитание и развитие таких качеств у осужденных имеет большое значение для их становления и самоутверждения как личности. Ведь, как правило, основной контингент осужденных — это люди, не имеющие четкой социальной идентификации, что и стало причиной их агрессивной настроенности по отношению к социуму, их неспособности вести нормальную жизнь, соблюдая законы общества. Единственная возможность помочь таким людям самоидентифицироваться заключается в развитии их сознания.

Важную роль играет отношение самих студентов-осужденных к учебе. Преподаватели, ведущие занятия в ИТУ

Самарской области, отмечают энтузиазм, восприимчивость, прилежание, стремление проявлять творческую активность обучающихся. Они больше не мыслят себя просто преступниками, отбывающими наказание. Такая изначальная целенаправленность способствует получению студентами пенитенциарной системы знаний высокого качества. Уже сегодня эти студенты имеют четкую мотивацию, в чем они значительно выигрывают по сравнению со студентами, обучающимися на свободе. Ведь заключенные сделали свой выбор в пользу получения высшего образования вполне осознанно, без давления со стороны родителей, родственников, друзей. Важно, что именно благодаря преимуществам телекоммуникационной системы обучения по сравнению с традиционной системой, возможна скорейшая выработка у осужденных, решивших получить высшее образование, качеств и социальных навыков, необходимых для нормальной жизни после выхода из тюрьмы. Причем выработка таких качеств не менее важна для социальной адаптации, чем высшее образование. Средний балл успеваемости спецконтингента оказался также выше, чем у обычных студентов-заочников, обучающихся в вузе (4—4,5 балла).

Как известно, лишение свободы и тяжелые условия отбывания наказания в пенитенциарной системе стали серьезным дистрессом для человека. Агрессивная среда, жесткие условия и ограничения жизнедеятельности, почти полный разрыв основных социальных связей — все это относится к тяжелым психотравмирующим факторам. В связи с этим, а также для оценки эффективности обучения в условиях пенитенциарной системы, с начала образовательного проекта параллельно шло лонгитюдное психологическое исследование студентов, которое коснулось основных психологических характеристик и сфер личности. Прежде всего это интеллект, черты характера и личностные свойства, была исследована и сфера ценностей, проведен мониторинг подсознательной сферы.

В исследовании использованы методики портретного выбора (тест Л. Сонди и др.)³, 16-факторный анализ личности Р. Кеттела, тест акцентуаций характера К. Леонгарда, морфологический тест жизненных ценностей, тесты определения интеллекта (Г. Ю. Айзенк).

Обследуемый контингент студентов в основном осужден за тяжкие и особо тяжкие преступления. Известно, что

такому типу преступников свойственна повышенная агрессивность. В связи с длительным заключением и лишением возможности общения с противоположным полом у абсолютного большинства осужденных отмечается повышенная сексуальная напряженность. Однако при анализе полученных данных по методике потребных выборов отмечено снижение со временем показателей по обоим реакциям факторов соответствующих влечений, отражающих агрессивность («s+», «e-»). При этом почти у всех студентов ИТУ № 5 степень агрессивности по указанным показателям снизилась до средних допустимых величин (т. е. в социально приемлемых рамках). Эта тенденция сохранялась в течение всего периода исследования (4 мес.).

Данные исследования показывают снижение и уравновешенность агрессивности и сексуальной напряженности. Кроме того, отмечены некоторые изменения в сторону снижения сексуальной напряженности и агрессивности. В связи с тем, что эти изменения отмечены у абсолютного большинства обследуемых студентов-заключенных ИТУ № 5, можно сделать предположение, что именно образование оказывает такое сублимирующее воздействие (переводя агрессивные и сексуальные тенденции в социально приемлемое русло — на процесс обучения). Этот сублимирующий эффект является неспецифичным. Показательны данные опроса преподавателей СГА, ведущих занятия в ИТУ № 5. По их мнению, осужденные студенты меняют свое поведение, речь, интересы, общение. В целом преподаватели отмечают социально приемлемую динамику изменения личности осужденных в процессе обучения.

Таким образом, высшее образование в тюрьмах необходимо не только для дальнейшей социальной адаптации осужденных на свободе, но и для их психологической, социальной и духовной реабилитации уже в процессе обучения в местах лишения свободы.

Результаты психодиагностики также дали богатый материал для размышлений.

Изменяется уровень интеллектуального развития обучающихся осужденных. Средний бал IQ абитуриента — 103. Через год обучения он уже составляет 109 баллов. При этом повышаются нижние и верхние границы интеллекта в группе (у абитуриента — 71 и 130, через год — соот-

ветственно 81 и 135). Отмечается переоценка жизненных ценностей. Наблюдается снижение ценности материального благополучия и престижа. При этом повышается ценность образования, семьи, общественной жизни и физической активности. Меняется направленность личности. Так, имеет место повышение гуманистической направленности за счет повышения ценности саморазвития, духовной удовлетворенности, социальных контактов и творчества. Также происходят значительные изменения в поведенческой сфере: манеры, речь, общение. Повышается интерес студентов к литературе, философии, психологии, религии.

Таким образом, в процессе реализации образовательно-воспитательного процесса отмечается закономерный рост интеллекта, переоценка жизненных ценностей в гуманистическом и творческом ключе, активация сублимирующих механизмов в отношении повышенных агрессивных и сексуальных тенденций.

Помимо психодиагностики психологами вуза параллельно проводилась индивидуальная психокоррекционная работа. Здесь также отмечена положительная психодинамика личностной реконструкции, снижение фрустрации и общей тревожности. Более того, руководство исправительно-трудовых учреждений, в которых проводится обучение, отмечает снижение уровня преступности и напряженности внутри исправительных учреждений, что подтверждает данные психологических исследований, проведенных сотрудниками Самарского филиала СГА.

Для осужденных выпускников, получивших высшее образование в Самарском филиале СГА, планируется продолжение обучения. Так, например, два осужденных студента, получающие второе высшее образование, планируют поступление в аспирантуру СГА по специальностям «Экономика» и «Менеджмент».

Много вопросов возникает в отношении дальнейшего трудоустройства людей, получивших высшее образование в пенитенциарной системе. Проблемы обусловлены трудностями, связанными, прежде всего, с отношением социума к отбывшим срок. Однако этот предрассудок можно преодолеть совершенствованием реализации системы современного образования в исправительных учреждениях, что будет способствовать развитию у заключенных качеств, характер-

ных для состоявшейся личности. Состоявшаяся личность, с развитой системой внутренних качеств, развитым сознанием и профессиональными навыками, вызывает у социума и различных его представителей гораздо больше доверия, нежели с детства «неблагополучный» человек, не знающий, чем ему заняться и по этой и многим другим причинам идущий на преступление.

В процессе реализации проекта администрации г. Самара и Самарской области совместно с Главным управлением исполнения наказаний заявили о готовности помочь бывшим заключенным в социальной, психологической и трудовой адаптации. Опыт Самарского филиала распространен в рамках Современной гуманитарной академии на 29 регионов России (Пенза, Ульяновск, Нижний Новгород, Рыбинск, Стерлитамак, Екатеринбург и др.). Результаты исследования освещались в средствах массовой информации: на телеканалах РТР, НТВ, ОРТ, в газетах и журналах. 26 ноября 2002 г. доклад о реализации описанного проекта, сделанный в Комитете обороны и безопасности Совета Федерации получил высокую оценку как важный социальный проект, направленный на борьбу с криминализацией общества.

Так как опыт образования в пенитенциарной системе можно считать положительным, для дальнейшего его развития необходима государственная поддержка и реформирование законодательства в данной области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Волов В. Т. Зона экзаменов // Народное образование. 2000. № 1. С. 35; Волов В. Т., Четырова Л. Б., Волова Н. Ю. Дистанционное образование. Истоки, проблемы, перспективы. Самара, 2000.

² См.: Волов В. Т., Сопов В. Ф., Капцов А. В. Психологический мониторинг в дистанционном образовании. Самара, 2000; Волов В. В. Высшее образование в местах лишения свободы как психологический фактор социальной адаптации заключенных. М., 2001. Вып. 26. С. 33—37; Капцов А. В., Волов В. В. Динамика уровня интеллекта студентов, обучающихся в пенитенциарных учреждениях. М., 2003. Вып. 53. С. 63—69.

³ Собчик Л. Н. Методика портретных выборов Л. Сонди. Л., 1993.

Поступила 03.10.07.

С. В. ДЕРГАЧЕВ

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ КАДРОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РЕГИОНЕ

Функциональные и структурные преобразования, начатые в рамках Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в соответствии с Законом Республики Марий Эл от 4 марта 2005 г. № 3-3 «О регулировании отдельных отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления в Республике Марий Эл», потребовали соответствующего кадрового обеспечения деятельности органов муниципального управления.

Десятилетняя практика становления в Российской Федерации современной системы местного самоуправления со всей очевидностью выветила проблему обеспечения профессионализма персонала работников органов муниципального управления. Профессионализм муниципальных служащих предполагает соответствующее образование, знание особенностей управляемой сферы, а также знания в области теории управления и самоуправления, различных отраслей права, относящихся к предметам их ведения по замещаемой должности. Сегодня, как и в начале муниципальной реформы, приходится констатировать недостаточный уровень квалификации муниципальных служащих, очевидную неготовность значительной их части эффективно функционировать в новых условиях хозяйствования, что приводит к утрате социального доверия к институту местного самоуправления. В этих условиях большое значение отводится совершенствованию профессионального развития муниципальных кадров

ДЕРГАЧЕВ Сергей Валентинович, начальник отдела по работе с персоналом Управления государственной гражданской службы, кадровой работы и государственных наград Президента Республики Марий Эл.

и, прежде всего, системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации лиц, замещающих должности на муниципальной службе, а также выборных муниципальных должностях.

Являясь непосредственными разработчиками и проводниками муниципальной политики, лица, занимающие выборные муниципальные должности, оказывают на нее определяющее влияние¹. К сожалению, эта проблема пока не входит в число приоритетов их профессиональной деятельности. Результаты социологических опросов демонстрируют высокую заинтересованность руководителей муниципальных образований в вопросах экономики и финансов, организации управления подведомственных территорий (54 %), проявляя при этом низкий интерес к кадровым вопросам (2 %)².

В 2006 г. в органах местного самоуправления Республики Марий Эл на постоянной основе исполняли должностные обязанности 2 062 чел., из которых 2 041 (99 %) замещали должности муниципальной службы. При таком соотношении становится очевидным, что эффективность начатых реформ на местном уровне, социальное самочувствие населения в определяющей степени зависят от профессионализма и квалификации муниципальных служащих. Среди муниципальных служащих Республики Марий Эл лица с высшим профессиональным образованием составляли 67 %, со средним специальным — 25 %. Основное профессиональное ядро в исполнительно-распорядительных органах местного самоуправления республики составили лица старше 40 лет (68 %). Свыше 80 % муниципальных служащих имели определенный опыт муниципальной службы и стаж работы по соответствующей специальности, каждый пятый имел профессиональный опыт в сфере муниципального управления свыше 10 лет. Среди муниципальных служащих, имеющих высшее образование, 19,6 % имеют образование педагогического профиля, 13,2 % — финансово-экономическое, 13,1 % — техническое, 7,1 % — сельскохозяйственное. Доля лиц, имеющих высшее образование по специальности «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция», составила соответственно 5,3 и 4,2 %³.

Данные о состоянии дел в отдельных муниципальных образованиях республики свидетельствуют о наличии ряда негативных тенденций: старение кадров муниципального

управления и незначительный приток молодежи, приводящие к утрате позитивных управленческих традиций и оказывающие негативное влияние на стили управленческой деятельности, взаимодействие муниципальной власти и населения; несоответствие уровня профессиональной компетентности большинства муниципальных служащих квалификационным требованиям по замещаемой должности; высокая сменяемость муниципальных кадров, ослабляющая преемственность управления, вызывающая нарушение горизонтальных и вертикальных управленческих связей; отсутствие ротации муниципальных кадров; слабое влияние административных структур на кадровые процессы в муниципальных образованиях; недостаточный приток специалистов, имеющих подготовку в области государственного и муниципального управления, отсутствие целенаправленной работы по замещению муниципальных должностей специалистами, получившими высшее профессиональное образование по целевому направлению муниципальных органов власти.

Реформирование местного самоуправления в Республике Марий Эл и проявление новых задач на уровне муниципальных образований, а также изменившаяся система отношений между республиканскими органами государственной и муниципальной власти выдвигают на первый план задачу совершенствования системы подготовки и переподготовки специалистов муниципального управления в Республике Марий Эл. Управление профессиональным развитием персонала муниципальной службы — разновидность и результат социальной деятельности субъектов государственной кадровой политики по ее реализации, характеризующееся изменениями количественных и качественных параметров кадрового корпуса, гибкостью развития по отношению к меняющимся социальным условиям. Решение этой важной задачи видится в создании и развитии системы непрерывного профессионального обучения муниципальных кадров.

Представляется, что эта система должна функционировать на региональном и местном уровнях, включая и уровень конкретного органа местного самоуправления. При всем многообразии форм и методов профессионального развития персонала муниципальных органов приоритет, на наш взгляд, должен принадлежать основным видам дополнительного профессионального образования, реализуемым

в республиканских образовательных учреждениях высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию и соответствующую лицензию.

Опыт организации такого обучения в Республике Марий Эл показывает, что наиболее эффективно обучение должностных лиц органов местного самоуправления проходит в рамках централизованной республиканской системы подготовки управленческих кадров. Одно из явных преимуществ такой системы — профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений социально-экономических проблем территорий и возможность максимально приблизить теоретические представления к конкретным задачам и проблемам населения муниципальных образований. В этом контексте наиболее эффективно себя зарекомендовала система получения дополнительного профессионального образования муниципальными служащими, действующая в республике с 1998 г., особенно такие ее виды, как профессиональная переподготовка (очно-заочная форма обучения) и среднесрочное повышение квалификации (с отрывом от основной деятельности). За указанный период дополнительное профессиональное образование получили более тысячи человек из числа лиц, замещающих выборные муниципальные должности, а также зачисленных в соответствующий кадровый резерв.

Между тем организационно-структурные изменения, проведенные на местном уровне в соответствии с законодательством Марий Эл в целях реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», вызвали необходимость изменений в профессионально-квалификационной структуре кадрового состава органов местного самоуправления, прежде всего, местных администраций. В период формирования местных администраций на поселенческом уровне и создания финансовых органов муниципальных образований численность муниципальных служащих в республике увеличилась почти на 25 %, а сменяемость кадров составила более 12 %. При этом обнаружилось, что в органах местного самоуправления республики только 17 % должностных лиц прошли соответствующее обучение в системе дополнительного профессионального образования, среди муниципальных служащих доля прошедших обучение оказалась еще ниже и составила 15 %.

С учетом указанных обстоятельств и в интересах развития института местного самоуправления на территории республики сформулирована задача: за 3 года обучить в системе дополнительного профессионального образования более 1,5 тыс. муниципальных служащих и свыше 110 чел., из числа лиц, замещающих выборные муниципальные должности на постоянной основе, что потребует ежегодного обучения около 600 человек. В целях уточнения управленческих подходов к решению этой задачи проведен сплошной социологический опрос глав муниципальных районов (городских округов) по актуальным вопросам муниципальной кадровой политики.

Выяснилось, что, по мнению респондентов, кадровая работа в местных администрациях должна строиться на основе федеральных законов и в соответствии с республиканской концепцией кадровой политики (69,3 %). На эффективность деятельности органов местного самоуправления оказывает позитивное влияние продуманная и научно обоснованная муниципальная кадровая политика (69,2 %). Для современной кадровой политики в муниципальных образованиях Республики Марий Эл характерен «командный подход» к формированию кадров аппаратов органов местного самоуправления с ориентацией на требования главы местной администрации (30,8 %). Столько же респондентов высказали сомнения в наличии целенаправленной работы с кадрами, так как здесь, по их мнению, слишком много случайностей и непредсказуемости. Приоритетными профессиональными качествами современного муниципального служащего являются (определены в порядке снижения факторных весов): компетентность, ответственность, профессионализм, умение предвидеть последствия принимаемых решений, самостоятельность. Персонал местных администраций не эффективно приспосабливается к экономическим, политическим и социальным изменениям в обществе: 46,2 % опрошенных указали на избирательность этого процесса (в чем-то приспосабливается, в чем-то — нет), 15,4 % — не видят в этом смысла, так как аппаратная работа достаточно традиционна и 23,1 % отметили, что муниципальные служащие не готовы к серьезным изменениям в своей работе. Основными факторами снижения эффективности работы органов местного самоуправления в Республике Марий Эл являются: слабая финансовая и материальная база муниципальных образований

(19 %), отрыв органов местного самоуправления от населения (11,1 %), низкий профессиональный уровень муниципальных служащих (9,5 %), отсутствие продуманной работы с кадрами органов МСУ (9,5 %). Должна быть создана единая республиканская система подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, координируемая на правительственном уровне (84,6 %).

С учетом полученных представлений высших должностных лиц муниципальных образований, можно определить основные направления организации профессиональной подготовки муниципальных кадров. Во-первых, организация дополнительного профессионального образования муниципальных служащих на базе регионального образовательного учреждения высшего профессионального образования, имеющего государственную аккредитацию и лицензию на проведение профессиональной переподготовки и повышение квалификации муниципальных служащих и включенного в общефедеральную Систему подготовки кадров, поддержки и сопровождения органов местного самоуправления, созданную в рамках федеральной целевой программы государственной поддержки развития муниципальных образований. Во-вторых, формирование административной структуры управления инновациями в системе дополнительного профессионального образования и увеличение ежегодного количества обучаемых по программам повышения квалификации за счет внедрения дистанционных технологий обучения. В-третьих, паритетное финансирование обучения муниципальных кадров, предусматривающее оплату образовательных услуг за счет средств республиканского бюджета Республики Марий Эл, а оплату командировочных и иных расходов — за счет средств местных бюджетов муниципальных образований. В-четвертых, в целях снижения организационных и финансовых издержек, повышения оперативности и актуальности получаемых знаний в систему дополнительного профессионального образования муниципальных служащих в среднесрочной перспективе должны все в большей степени внедряться инновационные технологии обучения, реализуемые на базе электронных учебно-методических комплексов. Это позволит посредством комбинаций различных образовательных схем и технологий наладить процесс обучения муниципальных кадров непосредственно в местных администрациях.

Для решения этих задач Правительством Республики Марий Эл утверждены Концепция и Основные направления профессионального обучения муниципальных кадров в Республике Марий Эл на 2007—2009 годы⁴.

При реализации мероприятий следует, на наш взгляд, исходить из того, что в социальном управлении «способности, профессиональные возможности человека... рассматриваются как стратегические активы государственного и муниципального управления»⁵. Здесь возникает практическая необходимость совместного обучения эффективному взаимодействию служащих государственных органов и органов местного самоуправления по реализации отдельных государственных полномочий на муниципальном уровне. В силу этого объективно формируется потребность в единой системе профессионально-квалификационного развития региональных управленцев и, следовательно, в едином субъекте управления такой системой. Предложенная Концепцией система дополнительного профессионального образования кадров для органов местного самоуправления в республике включает в себя две функционально связанные структуры: управляющую и исполнительную. Основными элементами управляющей структуры являются заказ образовательных услуг и управление профессиональным развитием муниципальных служащих.

Первая включает органы местного самоуправления Республики Марий Эл в качестве заказчиков услуг, государственные образовательные стандарты и собственно заказ как потребность местного сообщества на профессиональную подготовку муниципальных кадров. Вторая решает задачи координации деятельности субъектов системы и обеспечения государственной поддержки в сфере профессиональной переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров в интересах более полной реализации требований Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; совершенствования и развития соответствующей законодательной и нормативно-правовой базы, включая законодательное закрепление норм об обязательном повышении квалификации муниципальными служащими и лицами, замещающими выборные муниципальные должности в органах местного самоуправления на постоянной основе; организации обра-

звательной деятельности в соответствии с реальными потребностями органов местного самоуправления, применение современных технологий обучения, взаимосвязи содержания обучения с практическими потребностями социально-экономического развития территорий; информационно-аналитического обеспечения профессионально квалификационного развития муниципальных кадров, включающее создание, поддержку и сопровождение базы данных системы дополнительного профессионального образования должностных лиц местного самоуправления; организации постоянно действующих учебно-методических семинаров для преподавателей, занятых в сфере дополнительного профессионального образования служащих; консолидации бюджетных и внебюджетных источников финансирования, обеспечения финансовой поддержки системы дополнительного профессионального образования кадров местного самоуправления.

Основным субъектом управляющей системы, координирующим вопросы обучения муниципальных кадров, должна стать Администрация Президента Республики Марий Эл или соответствующее подразделение в ее структуре с четко обозначенной сферой компетенции.

В исполнительную структуру системы дополнительного профессионального образования кадров местного самоуправления в Республике Марий Эл включаются кадровые службы соответствующих муниципальных образований, региональное образовательное учреждение, информационно-методический консультационный центр с сетью муниципальных консультационно-методических пунктов (представительств), а также профессорско-преподавательский состав и квалифицированные специалисты-практики по соответствующим направлениям развития муниципальных образований, приглашаемые преподаватели и эксперты из других регионов РФ. На начальном этапе реализации указанной Концепции возможно создание пилотных межмуниципальных методических пунктов.

Предложенная управленческая модель уже прошла определенную экспертизу научного сообщества в ходе VII Всероссийской конференции по дополнительному образованию⁶, поэтому на современном этапе муниципальной реформы акцент делается на организации выполнения мероприятий Основных направлений подготовки кадров органов местного самоуправления в Республике Марий Эл на 2007—2009 годы.

Основным результатом регионального управления в этой сфере в среднесрочной перспективе должна стать профессиональная готовность муниципальных кадров республики к реализации требований Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вебер М. Парламент и правительство в Новой Германии // Социология власти, РАГС, 2003. № 2. С. 145—146.

² См.: Гневко В. А. Муниципальное управление: подготовка и повышение квалификации служащих. СПб., 1999. С. 17.

³ Данные Администрации Президента Республики Марий Эл по состоянию на 1 июля 2006 г.

⁴ См.: «Об основных направлениях подготовки кадров органов местного самоуправления на 2007—2009 годы». Постановление Правительства Республики Марий Эл от 31 июля 2006 г. № 175 / Собр. законодательства Республики Марий Эл, 2006, № 8. Ст. 359.

⁵ Управление персоналом: Учебник / Под общ. ред. А. И. Турчинова. М., 2002, С. 121.

⁶ См.: Актуальные проблемы развития дополнительного образования в условиях реформирования образовательной отрасли: Материалы VII Всерос. конф. по дополнительному образованию, Казань, 29—30 нояб. 2006 г. / Под ред. В. В. Кондратьева. Казань, 2006.

Поступила 23.04.07.

А. Ю. АРХИПЕНКО

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА

Система непрерывного образования является частью российской системы образования и вписывается в социальные системы, включенные в образовательный процесс. Непрерывное образование в рамках промышленного предприятия реализуется путем получения сотрудниками среднего специального, высшего, послевузовского образования, а также обучения на курсах переподготовки и повышения квалификации. Система профессионального обучения в России в основном регулируется Трудовым кодексом, Налоговым кодексом и нормативными документами Министерства образования. В соответствии с Трудовым кодексом работодатель сам определяет необходимые объемы обучения работников. Трудовой кодекс определяет гарантии для работников, совмещающих работу и обучение за пределами предприятия, что позволяет им использовать учебный отпуск на периоды занятий и экзаменов. В Налоговом кодексе закреплены некоторые положения, стимулирующие обучение работников. Нормативные акты Министерства образования в основном относятся к учреждениям дополнительного профессионального образования¹.

Таким образом, в рамках промышленной системы регулирование обучения персонала (а это один из элементов системы непрерывного образования) отсутствует. Именно по этой причине на многих предприятиях отсутствует система непрерывного образования. Основным назначением непрерывного образования в рамках промышленного предприятия стали подготовка и адаптация персонала, необходимого для достижения целей функционирования бизнеса. Это возможно при использовании целевого подхода к обучению персонала,

¹ АРХИПЕНКО Анастасия Юрьевна, аспирант кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

позволяющего организовать обучение в соответствии с иерархически выстроенными целями деятельности предприятия. Под непрерывностью образования понимается, в первую очередь, целенаправленность каждой ступени образования, достижение целостности образовательного процесса. Ей (целостности) противопоставлена дискретность образования — его расчлененность на несвязанные между собой элементы, отсутствие необходимых связей и преемственности между отдельными стадиями, этапами, ступенями. Человек не может учиться каждый день, но он может выстраивать целостную систему своего обучения, как профессионального, так и общего. В этом случае говорят о непрерывности образования.

Система непрерывного профессионального образования — часть общегосударственной системы образования, одновременно она функционирует в любой коммерческой организации, которая занимается обучением и повышением квалификации своих сотрудников. Следует отметить, что подготовка специалистов в рамках среднего, высшего и послевузовского профессионального образования строго регламентируется государством. Предприятие выступает в отношении учреждений среднего, высшего и послевузовского профессионального образования как внешний заказчик. Системе же дополнительного профессионального образования предприятие обычно выстраивает самостоятельно: выбирает чему учить сотрудников, разрабатывает или закупает программы, оценивает эффективность обучения. Поэтому наибольший интерес для исследования в системе непрерывного профессионального образования промышленного предприятия вызывает дополнительное образование.

Как и любая другая, система дополнительного профессионального образования должна обладать рядом характеристик: целеустремленностью (способностью системы ставить цели и достигать их); качеством (определенностью рассматриваемого объекта, благодаря которой он становится специфическим и отличается от другого объекта); результатом (идеально созданный образ, на достижение которого направлена деятельность социальных систем. Причем результат находится не вне системы, а внутри нее, он определяет порядок взаимодействия между отдельными ее элементами. Если цель социальной системы может быть задана извне, то каким будет результат, определяет она сама); процессуальными характеристиками².

Анализ этих характеристик системы непрерывного профессионального образования начнем с процессуальных характеристик. Социальным системам присущи процессы взаимодействия, развития и функционирования. Обучение представляет собой один из процессов системы непрерывного профессионального образования³. Заинтересованными сторонами являются: обучаемые (слушатели), руководители слушателей, организация — заказчик обучения, преподаватели, организаторы обучения и общество. На современном промышленном предприятии организацию обучения, а часто и само обучение, осуществляет специально создаваемое структурное подразделение — учебный центр. Поэтому в качестве организатора обучения следует рассматривать учебный центр предприятия.

Сам образовательный процесс — это своеобразный «черный ящик», в котором сосредоточены требования заинтересованных сторон и ресурсы учебного центра. Последние включают персонал, учебное оборудование (лаборатории, инвентарь, приборы и т. д.), библиотеку, учебно-методическое обеспечение (рабочие учебные планы, рабочие программы, учебно-методическое и программно-информационное обеспечение учебного процесса — презентации занятий, раздаточный материал); финансовые средства.

Для того чтобы результаты учебного процесса удовлетворяли заинтересованные стороны, он должен быть целенаправленным. Целеустремленность — одна из характеристик системы непрерывного профессионального образования. Система, не имеющая цели, обречена. Поэтому продуктивность обучения зависит от того, согласовано ли оно с целями деятельности организации или нет. Обучение работников, не связанное с такими целями, может превратиться в пустую трату времени и денег. К тому же, сами работники гораздо более ценят обучение, результаты которого они могут использовать в работе. Считается, что система обучения и повышения квалификации работников предприятия будет эффективной лишь в том случае, если она тесно связана с приоритетными целями организации, определяющими направления работы по управлению персоналом: систему стимулирования труда (оплата труда, премии, льготы, моральные стимулы и др.), работу с резервом на руководящие должности, программу развития персонала и др. Решение о том, необходимо ли работнику проходить

повышение квалификации принимает руководитель. Но и он сам далеко не всегда может определить соответствует ли его заявка на обучение целям предприятия. Следовательно, необходимо корректировать процесс подачи заявок.

Корректировку заявок на обучение весьма эффективно выполнять на основании анализа связи между целями предприятия и заказом на обучение при помощи экспертного опроса руководителей высшего и среднего звена управления (функциональных директоров, управляющих производств, руководителей служб, начальников управлений, начальников цехов). В одной из крупных компаний машиностроительного комплекса г. Ульяновска в течение двух лет проводился подобный опрос, ставший одним из элементов стратегического планирования обучения на предприятии. Отправной точкой опроса было определение руководителями различных уровней стратегических целей развития своего подразделения на будущий год. В обязательную практику учебного центра должна входить тесная связь учебных программ с целями, поставленными подразделением-заказчиком. Работа обучающихся над проблемами компании — обязательный структурный элемент любого учебного курса. Ожидается, что итогом обучения будет выработка слушателями конкретных способов и путей решения поставленных задач.

Анкета была построена таким образом, чтобы руководитель мог сам определить те области знаний и навыки, которые следует развить. Результаты экспертного опроса более 300 руководителей анализировались по нескольким направлениям. Во-первых, выстраивалось «дерево целей» предприятия. Во-вторых, осуществлялся анализ соответствия заявленных тем обучения необходимым знаниям персонала подразделений. В-третьих, конструировались матрицы соответствия заявленных тем обучения необходимым знаниям персонала подразделений. В-четвертых, измерялась степень удовлетворенности руководителей подразделений работой учебного центра.

Подобные опросы являются важнейшим этапом планирования дополнительного профессионального обучения специалистов, а анализ их результатов позволяет обучение сделать целенаправленным и непрерывным.

Грамотная политика предприятия в отношении обучения должна сочетать цели предприятия и работника, потому что мотивированный сотрудник лучше усваивает полученный материал и применяет его на практике. Встает вопрос о

стремлении работника получить образование за счет предприятия и затем «продать» себя как более квалифицированного специалиста за более высокую заработную плату. Но практика показывает что, если сотрудник получает заработную плату, соответствующую его квалификации, и имеет возможность реализовать свои цели, то он не покинет свою фирму после обучения. Квалифицированные работники зачастую увольняются по причине того, что они не могут применить полученные знания, реализовать свои амбиции, либо их не устраивает морально-психологический климат в трудовом коллективе. Именно по этой причине политика в сфере обучения персонала не должна замыкаться на самой себе (обучение ради обучения), а являться продолжением политики в сфере мотивации персонала.

Для оценки качества обучения специалистов промышленного предприятия весьма эффективна известная в HR-менеджменте модель Д. Киркпатрика⁴, включающая 4 уровня контроля качества обучения: оценку реакции участников на обучение, контроль уровня полученных знаний, демонстрацию полученных знаний и навыков на практике, оценку результатов обучения.

Первый уровень направлен на оценку удовлетворенности образовательным процессом слушателей. Полученная на этом уровне информация имеет важное значение, так как негативная реакция слушателей на процесс обучения отрицательно сказывается на мотивации обучаемых и применении полученных знаний и навыков на практике⁵.

На втором уровне осуществляется измерение полученных в процессе обучения знаний. По результатам обучения специалистов можно контролировать знания как традиционными методами (зачет, экзамен, защита выпускных работ), так и с применением экспресс-диагностики в форме тестирования до, в течение и после обучения.

Цель третьего уровня — оценка применимости полученных знаний и навыков в практической деятельности. Качественно практическое применение результатов обучения можно оценить с помощью выпускных работ слушателей, тематика которых связана с решением проблем конкретного подразделения предприятия, являющегося местом работы слушателя.

Четвертый уровень контроля дополнительного профессионального образования в рамках промышленного предприятия

нацелен на выявление его эффективности. Если внешнее образовательное учреждение может оценить качество предоставляемых им образовательных услуг по количеству слушателей, то бизнесу необходимы изменения в экономических показателях предприятия. Оценить экономический эффект от образовательных услуг сложно, поскольку на повышение прибыли, к примеру, может повлиять множество факторов, не связанных с обучением, изолировать которые невозможно.

Достижение стратегических планов современного промышленного предприятия возможно, на наш взгляд, только при условии непрерывного повышения образовательного уровня персонала. Анализ системы дополнительного профессионального образования промышленного предприятия показал, что весьма эффективна организация образовательного процесса, основанная на целевой структуре организации. Реализовать стратегию обеспечения и поддержания высокого качества образовательного процесса позволяет оценка эффективности обучения с использованием статистических методов управления. Разработка инструментария управления обучением персонала важна как для научных целей, так и для принятия управленческих решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лазарева О. В., Денисова И. А., Цухло С. В. Наем или переобучение: опыт российских предприятий. М., 2006.

² См.: Морозов Е. И. Методология и методы анализа социальных систем. М., 1995.

³ См.: Архипенко А. Ю. Социологические методы управления процессом обучения в корпорации // Материалы XIII международ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Т. I. М., 2006. С. 270—272.

⁴ См.: Правиков Ю. М., Архипенко А. Ю. Оценка эффективности обучения специалистов промышленных предприятий // Качество, инновации, образование и CALS-технологии: Материалы международ. симпозиума. М., 2006. С. 104—107.

⁵ См.: Архипенко А. Ю., Архипенко Р. А., Правиков Ю. М. Управление качеством обучения специалистов промышленных предприятий с использованием статистических методов // Опыт работы предприятий по подготовке к сертификации СМК: Материалы науч.-техн. конф., март 2006 г. Ульяновск, 2006. С. 85—89.

Поступила 20.07.07.

Н. Н. МИХАЙЛОВА

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ВУЗАХ РЕГИОНА

Полоролевая социализация (гендерная социализация) — процесс усвоения индивидом культурной системы гендера общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Дифференцированная социализация подчеркивает, что в общем процессе социализации мужчины и женщины формируются в различных социально-психологических условиях¹.

Полоролевая социализация предполагает освоение принятых моделей мужского и женского поведения, отношений, норм, ценностей и гендерных стереотипов, а также воздействие общества, социальной среды на индивида с целью привития ему определенных правил и стандартов поведения, социально приемлемых для мужчин и женщин. Усваиваются, прежде всего, коллективные, общезначимые нормы, они становятся неотъемлемой частью личности и подсознательно направляют ее поведение. Вся информация, касающаяся дифференцированного поведения, отражается в сознании человека в виде гендерных схем².

Общество при формировании половой роли и полового самосознания, четко ориентируясь в воспитании на стандарты феминность-маскулинность, как правило, относится терпимо к маскулинному поведению женщин, но осуждает фемининное поведение мужчин. Эффективным способом полоролевой социализации и преодоления гендерного конфликта является тренинг полоролевой идентичности³.

Взросший интерес к проблемам взаимоотношений мужчин и женщин в обществе обусловлен рядом причин. Изменения социально-экономических, демографических и других условий

МИХАЙЛОВА Наталья Николаевна, старший преподаватель кафедры социальных и экологических наук филиала Ульяновского государственного университета (г. Димитровград).

коренным образом изменили социальную структуру общества. Традиционные социальные институты (семья, культура, образование, власть) подвергаются значительным позитивным и негативным трансформациям⁴. Если гендерные различия удастся обнаружить, то они недостаточно велики, чтобы считать, что мужчины и женщины «диаметрально противоположны», и тем более они не дают права относиться к представителям разных полов дискриминационно.

Агентами гендерной социализации в нашем исследовании стали преподаватели Ульяновского государственного университета, Государственного педагогического университета, Ульяновского государственного технического университета, а также филиала УлГУ в г. Димитровграде, Димитровградского института технологии, управления и дизайна. Результаты анкетирования среди преподавателей (26 % мужчин, 74 % женщин) не выявили существенных различий по вопросам проблемы организации учебного процесса в вузах, престижности работы в вузе, необходимости поиска дополнительного заработка, оценки престижа профессии преподавателя, загруженности учебным процессом, повышения квалификации, материального статуса и т. д.

Существует типично асимметричная связь между брачной парой и ее профессиональной структурой. Это асимметричное соотношение, очевидно, имеет чрезвычайно важное функциональное значение и является источником напряжения при моделировании половых ролей.

Актуальность анализа влияния научно-профессиональной деятельности на структуру семейных отношений обусловлена, во-первых, необходимостью теоретико-методологической концептуализации гендерного подхода в исследовании профессорско-преподавательского состава высшей школы в условиях динамики социальных процессов; во-вторых, радикальными структурными изменениями в гендерных ценностях и возрастанием значимости изменений социального института гендерных отношений в модернизации общественной жизни; в-третьих, востребованностью специалистов, способных оперативно оценивать, прогнозировать и моделировать социальные изменения. Исследуя влияние научно-педагогической деятельности на структуру семейных отношений, выявлено, что наиболее серьезное отношение мужчин и женщин связано с проблемами отрицательного

влияния научно-преподавательской деятельности на семейные взаимоотношения, отсутствия свободного времени, нехватки времени для культурно-развлекательного отдыха, реализации ценностных ориентаций, а также несоответствия социальных статусов супругов и технологической оснащенности бытовой жизни.

Объективные законы общественного развития сокращают социальную дистанцию между женщинами и мужчинами, а социально-психологические барьеры в восприятии женщин как равных мужчинам социальных субъектов все еще остаются. Подобная ситуация создает некий элемент напряженности во взаимодействии социальных ролей мужчин и женщин. Но вместе с тем следует констатировать, что социально-экономические преобразования, проводимые в России, политическая трансформация общества в значительной степени ухудшили положение российских женщин. Тогда как именно женщины призваны и способны сыграть значительную роль в экономических, политических и социальных реформах в стране.

Были выявлены ярко выраженные гендерные различия по проблеме сохранения семьи. Для большинства разведенных женщин-преподавателей (68 %) педагогическая деятельность стала причиной распада семьи. Научно-профессиональная деятельность преподавателей не ограничивается рамками вуза: приходится заниматься и дома, готовясь к лекциям, читая новую литературу, тем самым преподаватель постоянно думает о работе, при этом уделяя меньше внимания супругу и детям, результатом чего являются сложности в семейных отношениях. Возникают дефицит близости и доверия, отсутствие тепла в отношениях, проблемы общения, взаимное недовольство, различного рода конфликты, связанные с распределением супружеских ролей и обязанностей. Все это часто ведет к измене, ревности, распаду семейных отношений, служит причиной развода.

Гендерная роль женщин, формально признанная в нашем обществе, долгие десятилетия основана на их социальной пассивности и не всегда заинтересованности в работе ввиду более низкой оплаты труда по сравнению с мужчинами. Патриархальные социальные отношения, существующие в нашем обществе, не позволяют женщине быть равной среди «сильного пола». До сих пор у многих его

представителей преобладает патриархальное сознание, при котором большое значение имеет так называемое «женское предназначение» — дом и семья, женщина номинируется как «воспитательница и охранительница порядка внутренней, семейной, домашней жизни». В современной России процесс консервации патриархальных взглядов на место и роль женщины в социальном пространстве в значительной степени связан с деятельностью средств массовой коммуникации, показывающих стереотипизированные гендерные стратегии поведения. Сегодня достаточно большой процент женщин стремится к совмещению выполнения ролей по домохозяйству и карьерному росту.

Таким образом, результаты исследования позволяют констатировать, что формы и методы развития рыночных отношений в стране блокируют профессиональные возможности женщин. Комплексная ценность работы превращается в однозначную функциональность — финансовую поддержку семьи. Наблюдаются гендерные изменения в профессиональной стратификации общества. Наиболее закрытыми для женщин остаются институты власти. Трансформации подвергается и нормативно-ценностная структура общественного сознания: формируются новые гендерные модели поведения мужчин и женщин в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.

² См.: Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. СПб., 2000.

³ См.: Красова Е. Ю. Словарь гендерных терминов. М., 2002.

⁴ См.: Малкина-Пых И. Г. Семейная терапия. М., 2006.

Поступила 27.09.07.

С. Н. АЛЯМКИН

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

Бизнес крупных, средних и малых предприятий не может действовать в отрыве от общества и работать исключительно ради финансовой выгоды. Хозяйствующие субъекты вплетаются в социальную и экологическую системы регионов и в силу этого несут ответственность в разной степени перед всеми участниками экономической деятельности, в которую прямо или опосредованно включено население регионов. Экономическая деятельность предприятий, организаций, фирм непосредственно влияет на состояние и развитие региональных экономических систем. Другими словами, развитие социально-ответственного бизнеса становится условием эффективности региональных экономических систем.

Современные международные стандарты корпоративной отчетности включают в себя не только требования о представлении финансовых показателей, но и данных о социальной деятельности компаний, их вкладе в устойчивое общественное развитие. Подобные требования распространяются и на российский бизнес, заинтересованный в западных инвестициях и кредитах, повышении капитализации. Можно говорить о появлении такого понятия, как «социальная репутация», все в большей степени влияющей на капитализацию крупных корпораций, вовлекающих в свою деятельность регионы, большие группы населения¹. В этих условиях крупный бизнес, работающий в России, понимает необходимость вносить в процветание регионов своей деятельностью гораздо больший вклад, чем того требуют законодательство или сиюминутные коммерческие интересы.

АЛЯМКИН Сергей Николаевич, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения Мордовского государственного университета.

Из разовых благотворительных акций, зачастую вынужденных, сложилась практика четко спланированных и последовательно осуществляемых программ социальных инвестиций. Они увязываются с долгосрочными целями компании в регионах ее деятельности и согласовываются с местной властью, интегрируются в общую бизнес-стратегию компании. Их эффективность можно отслеживать, а расходы контролировать. Именно так действуют в социальной сфере ведущие российские корпорации — «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «Норильский никель», ТНК-ВР, РУСАЛ, «Северсталь» и др. Исследователи Ассоциации менеджеров России определяют социальную ответственность бизнеса как добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, напрямую связанный с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законодательного минимума².

Мы выделяем 3 уровня социальной ответственности бизнеса, которые наглядно характеризуются на примере деятельности «Горно-металлургической компании „ОАО „Норильский Никель“» в Красноярском крае³.

Первый уровень — основание социально ответственного поведения. Его требования заключаются в добросовестном выполнении своих прямых обязательств перед обществом и государством в соответствии с требованиями закона: регулярно выплачивать заработную плату, размер которой должен обеспечивать нормальное воспроизводство рабочей силы; соблюдать нормы трудового законодательства; своевременно и в полном объеме уплачивать все положенные налоги; обеспечивать установленные стандарты качества продукции.

Политика компании «Норильский Никель» в области вознаграждения персонала, включая высшее руководство, предусматривает соответствие оплаты труда коллективным и индивидуальным ключевым показателям эффективности — росту объемов производства, производительности труда, снижению плановых затрат на производство, сокращению непроизводительного расходования ресурсов, состоянию техники, безопасности и охране труда, трудовой дисциплине, соблюдению норм корпоративной культуры и др.

Работникам предприятий, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в до-

полнение к оплате труда по тарифной сетке производятся выплаты в соответствии с установленными районными коэффициентами и северными надбавками. Размер выплат по районному коэффициенту для работников Заполярного филиала составляет 80 % тарифной ставки. Эти выплаты зависят от стажа работы на Крайнем Севере и могут достигать 80 % тарифной ставки. Совокупные затраты на предоставление работникам дополнительных выплат, связанных с работой на Севере, составляют около 61,3 % всех затрат на оплату труда.

Налоговые платежи ОАО «ГМК „Норильский никель”» и его дочерних предприятий в консолидированный бюджет Красноярского края составили 34 559 млн руб., в консолидированный бюджет Таймырского автономного округа — 1 696 млн руб., в бюджет г. Норильска — 6 756 млн рублей.

Стратегия устойчивого развития Компании требует гарантий высокого качества продукции и надежности ее поставок. В декабре 2004 г. Правлением Компании одобрена корпоративная политика в области качества, что явилось важнейшим шагом на пути создания системы менеджмента в соответствии с международными стандартами. Прояснены цели и задачи Компании в области менеджмента качества. Одновременно принято решение о внедрении Интегрированной системы менеджмента качества и экологического менеджмента (ИСМКиЭМ) в соответствии с требованиями международных стандартов.

С целью обеспечения законодательно установленного уровня защиты здоровья человека и окружающей среды все стадии жизненного цикла продукции проходят процедуру оценки риска возникновения негативных последствий ее производства и внешнего воздействия. Требования к безопасной реализации производственных процессов по изготовлению, транспортировке и продаже продукции формализованы в Компании в соответствующих технических документах, начиная с технических заданий на проектирование и заканчивая действующими технологическими инструкциями для конкретных процессов и операций.

Сбытовым комплексом Компании проводится ежегодное анкетирование потребителей с целью определения их пожеланий к качеству продукции и услуг Компании. Для повышения

результативности работы с потребителями и обеспечения информирования заинтересованных сторон принято решение о формировании развернутой базы данных по претензиям потребителей по всем видам продукции Компании.

Второй уровень социальной ответственности бизнеса связан с развитием партнерских внутрифирменных отношений и предполагает непосредственный учет интересов работников на основе переговорного процесса. В дополнение к соблюдению перечисленных базовых обязательств этот уровень гарантирует предоставление работникам некоторого набора льгот и социальных услуг, т. е. реализацию целевых социальных инвестиций.

В ОАО «ГМК „Норильский никель”» отношения с работниками строятся на основе сложившейся, но при этом постоянно развивающейся системы социального партнерства.

Наряду с льготами, распространенными на всех работников, Компания предлагает дополнительный социальный пакет лучшим работникам, достигшим высоких результатов. В 2006 г. дополнительный социальный пакет предоставлялся работникам в рамках социальных программ: «Корпоративные дополнительные отпускные выплаты на проезд», «Льготное кредитование» и «Солидарная корпоративная пенсия». Организовано взаимодействие с негосударственными финансовыми институтами (негосударственные пенсионные фонды, страховые компании), с помощью которых обеспечено действие реализации социальных программ.

Компания признает право работников на объединение и создание организаций, представляющих их интересы. В Компании действуют профессиональные союзы, социально-трудовые советы и другие общественные объединения, представляющие интересы всех работников или их отдельных категорий. В целях объединения и координации усилий менеджмента и трудовых коллективов по выработке и реализации решений, связанных с жизненно важными вопросами функционирования и развития Компании, создаются и работают коллегиальные органы, например, комиссии по охране труда, состав которых формируется на паритетной основе из представителей работников и работодателя.

Задачи сохранения и повышения кадрового потенциала Компании и развития образовательного уровня населения находятся в зоне совместных долгосрочных интересов Ком-

пании и местного сообщества. В их число входит поддержание эффективного сотрудничества с ГОУВПО «Норильский индустриальный институт». В 2006 г. подписано Совместное постановление и определена Программа мероприятий, направленных на повышение качества и результативности подготовки специалистов. В рамках реализации Программы организована производственная и преддипломная практика для 550 студентов. В 2006 г. Компания выделила 13,6 млн руб. на приобретение для института учебного оборудования. Осуществлено развитие корпоративной системы дистанционного обучения: внедрены механизмы предоставления доступа к обучающим курсам работникам подразделений Компании разных уровней управления.

В целях повышения качества подготовки молодых рабочих на базе Профессионального училища № 105 и Профессионального лицея № 17 реализуется совместный с Администрацией г. Норильска, Центром занятости населения города проект по целевой подготовке молодых рабочих. Сформирован целевой заказ Компании по наиболее востребованным рабочим профессиям, в соответствии с которым около 60 учащихся, наряду с базовой профессией, получают целевую подготовку. Организована производственная практика для 200 учащихся, проведены профориентационные встречи с учащимися общеобразовательных школ, осуществляется развитие учебно-методической и материально-технической базы учебных заведений за счет средств Компании. В 2006 г. на развитие базы и ремонт аудиторий училищ Компания выделила 6,7 млн рублей.

Достигнутый уровень развития внутрифирменной системы обучения позволил перейти в 2006 г. на качественно новый уровень организации профессионального развития персонала предприятий группы. Решением Правления ОАО «ГМК „Норильский никель“» от 17 октября 2006 г. на базе основных учебных активов Компании создано Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) «Корпоративный Университет „Норильский никель“» (НОУ КУ). НОУ КУ должен стать ведущим научным и учебно-методическим центром дополнительного профессионального образования в области горно-металлургического и связанного с ним производства и осуществлять обучение кадров высшей квалификации, прово-

дить фундаментальные и прикладные научные исследования, оказывать необходимую консультационную, научно-методическую и информационно-аналитическую помощь. В составе НОУ КУ создан Норильский филиал в г. Норильске.

Программами оздоровления, действующими на предприятии, в 2006 г. охвачены большинство работников и членов их семей. Обеспеченность работников льготными путевками на санаторно-курортное лечение предусмотрена Коллективным договором.

Третий уровень социальной ответственности бизнеса, внешний по отношению к отдельной компании, охватывает программы и направления деятельности, сфера действия которых выходит за рамки предприятия. Объектом социальных инвестиций в данном случае становится население территорий, либо отдельные его категории, где разворачивается деятельность корпорации. Деятельность ОАО «ГМК „Норильский никель“» в сфере социально-экономического развития местного сообщества осуществляется в рамках взаимодействия с органами местного самоуправления, региональными органами государственной власти и общественными организациями.

Представители Компании участвуют в деятельности рабочих групп и комиссий, создаваемых администрациями территорий по вопросам социальной политики, в рамках которых координируется деятельность органов власти и крупных работодателей по социально-экономическому развитию городов присутствия Компании. ОАО «ГМК „Норильский никель“» с учетом интересов населения территорий хозяйствования реализует целевые программы, содействующие развитию социальной сферы территорий — образованию, здравоохранению, жилищно-коммунальному хозяйству, транспорту и связи.

В рамках содействия развитию местного сообщества только в 2006 г. Компания оказала содействие Администрации МО город Норильск в модернизации и ремонте 45 объектов социальной сферы.

Фокус поддержки постепенно смещается от укрепления материально-технической базы детских садов и школ (материальная поддержка при проведении ремонтов, закупке оборудования, инвентаря, мебели) к выделению средств на приобретение современных учебных пособий, мультимедийной, видео-, аудио- и фотоаппаратуры, комплектующих

изделий к компьютерной и оргтехнике, развивающих игр, спортивного инвентаря в целях создания и улучшения в подшефных учреждениях условий, способствующих эффективной реализации учебного процесса, развитию детей и их трудовому воспитанию. Компания помогает государственному общеобразовательному учреждению — кадетской школе-интернату «Норильский кадетский корпус», где получают качественное образование дети из общеобразовательных школ Норильска и Красноярского края.

ОАО «ГМК „Норильский никель“» оказывает поддержку отдельным группам социально уязвимых слоев населения (инвалидам, пенсионерам, ветеранам войны, малообеспеченным гражданам, детям из многодетных семей, детям-сиротам и др.), координируя свою работу с Администрацией г. Норильска. Поддержка осуществляется в основном через общественные организации, представляющие интересы соответствующих групп, что создает условия для сохранения социальных связей и целевого использования средств Компании, выделяемых на благотворительность.

Компания уделяет внимание и вопросам поддержки физической культуры и спорта. В 2006 г. в рамках этого направления сотрудничества создана совместная рабочая группа, представляющая на паритетной основе Администрацию города и филиал Компании. Под эгидой рабочей группы проведена ревизия спортивных объектов города, определены пути дальнейшего развития спортивной инфраструктуры Норильска, подписано Соглашение между Администрацией города и Компанией о совместной реализации и финансировании на паритетных условиях Программы развития материально-технической базы физической культуры и спорта в МО город Норильск на 2007—2010 годы. Объемы общего финансирования Программы в 2007 г. составили 100 млн рублей.

В 2006 г. Компания продолжила реализацию Программы «Охрана и воспроизводство агроландшафтов и сохранение природных ресурсов на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа на 2004—2007 гг.». Компания оказала содействие Ассоциации коренных малочисленных народов Таймырского автономного округа в организации съезда представителей коренных малочисленных народов.

Конечно, социальная ответственность бизнеса сильнее развита в таких крупных корпорациях, как «Норильский

Никель» и регионах-реципиентах. В отличие от большинства компаний и фирм малого и среднего бизнеса, крупные корпорации имеют большие доходы, группируют внутри и вокруг себя значительные массы людей и нередко являются градообразующими. От их деятельности во многом зависит состояние социальной сферы города, а нередко и региона.

Вместе с тем единство национальной экономики обеспечивается эффективным функционированием всей совокупности региональных экономических систем, каждая из которых по уровню социально-экономического развития, природно-климатическим условиям, обеспеченности ресурсами в рамках такой огромной страны, как Россия, существенно отличается друг от друга. Поэтому в настоящее время назрела необходимость в поиске и аргументации новых путей решения важной задачи, имеющей существенное значение для теории и практики управления экономическими системами — разработке концептуальных основ социальной ответственности бизнеса в регионе.

Эта цель достигается решением ряда задач: уточнение содержания и составляющих процесса управления развитием социальных функций бизнеса в регионе, его смыслового значения для населения (федеральных, региональных, муниципальных органов власти, субъекта хозяйствования и экономики региона); поиск путей преобразования системы государственного регулирования развитием социально ответственных бизнес-структур в регионе и ориентацией ее на повышение социальной защищенности населения; разработка механизмов бюджетной поддержки социально ответственного бизнеса, формирование других экономических механизмов и управленческих технологий, вытекающих из природы новых социальных функций бизнеса, особенностей их реализации в рыночных условиях, способных сделать эффективным участие бизнес-структур в решении социальных проблем населения региона; выявление, классификация и государственное стимулирование услуг, оказываемых социально ответственным бизнесом другим организациям, развитие которых влияет на качество исполнения социальных функций бизнеса в регионе; разработка методики и основных показателей оценки эффекта от участия бизнес-структур в благотворительных и иных социальных программах в регионе, создание и использование кодекса социальной от-

ветственности бизнеса крупных корпораций, своеобразного социального стандарта их обязательств перед собственными коллективами и населением регионов; создание условий формирования региональных центров гражданской активности — одной из эффективных форм контроля общества за реализацией социальных функций бизнеса; переориентация российского предпринимателя с «интенции на максимизацию прибыли в сфере обращения, на производстве и без функции социальной полезности и ответственности бизнеса»⁴ на осознание того обстоятельства, что социальная защищенность обеспечивается не только государством в лице местной власти, но и личными действиями, реализуемыми посредством регионального бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Иванов М. Репутация не бывает бесплатной // Рос. газ. 2006. 16 нояб.

² См.: Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / Под ред. С. Е. Литовченко, М. И. Корсакова. М., 2003. С. 20.

³ Данные о социально-ответственной деятельности ОАО «ГМК „Норильский никель“» приведены из: Социальный отчет ОАО «ГМК „Норильский никель“» 2003—2004 гг. // Электрон. ресурс [режим доступа: www.nornik.ru/investor/report/social]; Социальный отчет ОАО «ГМК „Норильский никель“» 2005 г. // Электрон. ресурс [режим доступа: www.nornik.ru/investor/report/social]; Социальный отчет ОАО «ГМК „Норильский никель“» 2006 г. // Электрон. ресурс [режим доступа: www.nornik.ru/investor/report/social].

⁴ См.: Гагаев А. А., Гагаев А. П. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Демографические и эстетические основания космо-психо-логоса. Система философии. Т. II. Ч. 2. Историческая культурно-типическая антропология. Учение Христа, Мухаммада, Талмуда. Евразийский космо-психо-логос. Саранск, 2005. С. 343.

Поступила 08.11.07.

А. М. ПРИЛУЦКИЙ

ВЛИЯНИЕ ЭКУМЕНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РЕЛИГИОЗНУЮ СИТУАЦИЮ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ

С момента зарождения экуменического движения Православная и Евангелическо-лютеранская церкви становятся непременными участниками и инициаторами основных программ и направлений экуменического диалога. Несмотря на имеющийся широкий спектр оценок существующих форм экуменического движения, как в Лютеранской, так и в Православной церквях, невозможно обойти молчанием, например, роль Церкви Швеции в устройении конференций «Жизнь и Деятельность» и «Вера и Церковное Устройство» или избрание православного митрополита Никодима Президентом на V Ассамблее ВСЦ в Кении¹.

Развитие экуменизма как церковно-социального движения привело к формированию экуменической терминологии, без анализа которой невозможно изучать историко-герменевтические аспекты экуменического развития.

Лексема «экуменизм» восходит к древнегреческому *οἰκουμένη*, обозначавшему населенную часть мира в противопоставлении к незаселенным землям. Изначально концепция экумены была преимущественно географической, но позднее в ней стали развиваться культурно-политические аспекты. Одновременно с развитием религиозной, философской и политической мысли в античном мире сформировалась концепция социума, в результате чего экумена стала обозначать границы культурного (цивилизованного) мира².

Начало современного экуменического движения положено в 1910 г. на Эдинбургской Миссионерской конференции³. В современном религиоведении термин «экуменическое движение», как правило, определяется как «движение за воссоединение

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович, докторант кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

христиан различных вероисповеданий»⁴, а «экуменизм» как принципы церковного воссоединения. Экуменическое движение, предпосылки которого можно видеть уже в событиях церковной жизни XIX в., — новый фактор жизни христианства XX в. Можно согласиться с концепцией, согласно которой экуменическое движение обусловлено особенностью социального праксиса современного христианства как религии, «заново предлагающей себя нехристианскому миру; человек, в акте личного выбора становящийся христианином, все реже наследует конфессиональную культуру своих предков, но и взаимные счёты конфессий, уходящие в века, становятся для него все менее актуальными»⁵.

Экуменисты позиционировали себя именно как сторонников определенной *программы действий*, а экуменические организации задумывались как инструмент, при помощи которого данная программа должна воплотиться в жизнь. При этом экуменическое движение не было полностью ориентировано на праксис внутрицерковной жизни, оно преследовало и задачу влиять на развитие социальных отношений, в которые вовлечены как практикующие верующие, так и более широко — носители европейской культурной традиции, которая понималась как *par excellence* христианская.

Более тысячи лет северо-западный регион является духовным и цивилизационным центром Европы. Благодаря ряду историко-географических факторов, северо-западные страны не знали угрозы военной экспансии со стороны нехристианских народов. Так, озабоченность возможным турецким вторжением, отчетливо прослеживавшаяся в Застольных речах М. Лютера, была бы вряд ли понятна его современникам в Швеции. Несмотря на то, что христианство на северо-западе достаточно поздно (по сравнению с другими европейскими регионами) стало господствующей религией, в целом северо-запад был и остается регионом с выраженными национально-конфессиональными доминантами. Например, в Норвегии к Евангелическо-лютеранской церкви принадлежит 86 % населения страны, примерно таково же отношение лютеран ко всему населению в Швеции, а данные по Финляндии даже несколько превышают этот показатель. В этом отношении северо-западные страны бывшего СССР характеризуются более выраженной поликонфессиональностью (за исключением Литвы), но, так или

иначе, сосуществование Православия, Лютеранства и Католицизма на Северо-западе Европы определяет особенность религиозной ситуации региона. Причем наличие исторических этноконфессиональных центров создает конфессиональную самобытность северо-западного региона.

Естественно, что эта особенность влияет и на развитие экуменических отношений в регионе, если под экуменизмом понимать самый широкий спектр межцерковных и межконфессиональных отношений. В настоящее время основными экуменическими организациями, действующими в северо-западном регионе, являются Конференция Европейских Церквей (КЕК), Балтийское Церковное Содружество «ТЕОБАЛТ» и Совет по Сотрудничеству Христианских Церквей Баренц-региона.

КЕК объединяет 67 церквей Европы, в этой организации представлены Православные церкви (в том числе Русская Православная Церковь), Лютеранские церкви (в том числе Церковь Ингрии и Евангелическо-лютеранская Церковь России), различные протестантские конфессии. Римо-католическая Церковь структурно не участвует в работе КЕК, но направляет наблюдателей на основные мероприятия КЕК, проводит совместную работу в рамках ряда проектов. Основными направлениями работы КЕК являются проведение исследований и конференций, посвященных изучению возможностей участия церквей-членов КЕК в разрешении социальной напряженности и конфликтов Европейского Сообщества, разработка социальных программ, борьба с различными формами проявления дискриминации и защита прав различных миноритетных групп, издание соответствующей литературы и буклетов пропагандистского характера. В подготовленном КЕК и Европейской Епископской Конференцией документе утверждается принцип совместной ответственности европейских церквей не только за духовное состояние общества, но и за развитие общественно-политических тенденций в европейских государствах. В частности, в этом документе акцент делается на то, каким образом «наша вера помогает нам учиться у прошлого тому, как сделать нашу Христианскую веру и любовь для наших соседей источником надежды в области морали и этики, образования и культуры, политической и экономической жизни в Европе и во всем мире»⁶.

Центральный комитет КЕК состоит из множества комитетов, комиссий и рабочих групп, имеется детально разработанный Устав КЕК (Constitution) и Регламент (Standing orders), что позволяет говорить о КЕК как о выраженной бюрократической структуре.

Содружество церквей Балтики «ТЕОБАЛТ» — организация более молодая, и в силу этого менее бюрократическая. Работа ее построена по региональному принципу, определенному в названии организации. Это экуменическое содружество объединяет Лютеранские, Православные церкви, представленные в регионе, и балтийские Католические епархии. До настоящего времени в фокусе интересов Содружества «ТЕОБАЛТ» были вопросы межцерковного сотрудничества, направленные на культурное, социальное и экономическое развитие стран Балтии, охрану окружающей среды и т. д. В «ТЕОБАЛТ» входят следующие российские Церкви: Русская Православная Церковь, Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии и Евангелическо-лютеранская Церковь России. Организатором данной экуменической инициативы выступает епархия Готланда лютеранской Церкви Швеции. Либеральные тенденции, отчетливо наметившиеся в церкви Швеции в последние годы, особенно принятые решения о благословении «однополых партнерств», привели к тому, что Русская Православная Церковь в октябре 2006 г. приняла решение о приостановке отношений с Церковью Швеции⁷. Данное решение одобрено Константинопольским Патриархом Варфоломеем, заявившем, что «мы нисколько не одобряем, а наипаче осуждаем упомянутое решение Шведской церкви», но вместе с тем выразил надежду, что Церковь Швеции «опомнится и исправит принятое ошибочное решение»⁸. Позиция Московского Патриархата поддержана рядом православных церквей, в том числе Польской Православной Церковью⁹, ранее участвовавшей в работе ТЕОБАЛТа. Возможный выход из ТЕОБАЛТа православных участников приведет к прекращению организацией своего существования.

В 1996 г. в шведском городе Альта принято решение о создании Совета по сотрудничеству Христианских церквей Баренц-региона. В эту организацию вошли северные епархии Лютеранской Церкви Швеции, Норвегии и Финляндии, Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии на территории России, а также епархии Православной Церкви Финляндии

и северные епархии Русской Православной Церкви Петрозаводская, Архангельская и Мурманская. Изначально целью создания Совета были желание объединить людей, живущих в странах Баренц-региона, установление контакта между христианскими церквями и работа в сфере социального служения обществу. В настоящее время основной задачей Совета стало развитие сотрудничества церквей в сфере экологии, социального служения и решения проблем коренных народов Севера. Эта организация в меньшей степени бюрократична и в меньшей же степени политизирована.

Очевидно, что экуменические организации являются, с одной стороны, фактором, влияющим на развитие религиозной ситуации, с другой — состояние межконфессионального диалога позволяет делать выводы о различных аспектах религиозной ситуации соответствующего региона. В связи с этим состояние экуменических отношений — весьма показательный индикатор северо-западной европейской религиозности.

Можно отметить некоторые тенденции развития экуменических организаций региона. Политизация экуменического движения, проявляющаяся, прежде всего, в выборе тем международных экуменических конференций. Особенно данная тенденция усилилась после создания Евросоюза. Следствием этого стало не критическое принятие европейскими экуменическими организациями системы либеральных этических, нравственных ценностей, на которых основана современная европейская концепция светских (гражданских) свобод. Некритичность принятия заключается в том, что организаторы экуменических мероприятий зачастую не учитывают то, как некоторые взгляды и концепции оцениваются традиционным христианством. Акцентирование социальной проблематики проявляется в призывах к построению справедливого социального мира, что часто приобретает карикатурные формы: требования подчинить интересы и права законопослушного большинства корпоративным и эгоистическим требованиям социальных и экономических маргинальных групп (недобросовестных эмигрантов, неплательщиков, различных леворадикальных обществ, сексуальных меньшинств и т. д.). Бюрократизация экуменического движения в значительной степени обусловлена предыдущей. Мы видим на примере экуменического сообщества подтверждение правоты М. Вебе-

ра, утверждавшего, что «растущая «социализация» сегодня неизбежно означает «растущую бюрократизацию»¹⁰.

Однако положение экуменических организаций на политической сцене, как правило, само по себе остается маргинальным — весьма ограничено их влияние на развитие политических процессов. В чем причина этого? Представляется, что основной причиной стал глобальный кризис «бюрократического экуменизма», который, с одной стороны, приводит к утрате духовной составляющей всего экуменического движения, с другой — проявляется в неспособности (причем неспособности концептуальной) стать фактором политического влияния. Причины этой неспособности следует, по нашему мнению, искать в истории.

Развитие христианства на северо-западе (прежде всего — в протестантских странах) иногда иллюстрируют следующей схемой: Ортодоксия — Рационализм — Пиетизм — Либерализм — Экуменизм (с различными вариациями). Ошибкой данной схемы является даже не то, что обозначенные как последовательно сменявшие друг друга этапы часто существовали параллельно, причем достаточно длительное время. Каждая схема имеет право на некоторое упрощение. Главная ошибка в том, что схема отражает не логику естественного (т. е. обусловленного внутрицерковными процессами) развития церковной жизни, а вынужденную реакцию церкви на привнесенные в ее жизнь чуждые тенденции и взгляды извне.

Современный западно-церковный либерализм стал естественным результатом развития тех процессов, начало которым положила европейская конфессионализация, ставшая следствием (или скорее — побочным продуктом) Реформации. Понятие конфессионализации введено историками Реформации для изучения социополитических последствий церковных реформ, начатых в рамках католической традиции XVI в. Конфессионализация не тождественна образованию конфессий. Если возникновение конфессий — событие церковной истории, то изучение конфессионализации происходило главным образом методами социальных наук. Поэтому под конфессионализацией понимается «фундаментальный социальный ход событий, глубоко перепавший общественную и частную жизнь в Европе, часто параллельный, но иногда протекавший и в противоположном направлении с созданием государств нового времени, и с формированием

характерного для нового времени общества дисциплинированных подданных, которое, в отличие от средневекового общества, было не персональным и фрагментированным, а институционализированным и стратифицированным»¹¹.

Конфессионализация характеризуется коренной реорганизацией ранее устойчивых социально-экономических связей, государственных институтов и т. д. из-за размежевания общества по религиозному принципу, т. е. из-за того, что границы конфессиональной общности верующих из чисто духовной сферы переносятся в общественную жизнь государства. Естественно, что утверждая себя в качестве независимой церкви, каждая конфессия, включенная в общественно-культурные отношения с представителями иных исповеданий, вынуждена определить себя через противопоставления, разработать свой оригинальный конфессиональный код и соответствующий ему знаковый язык, служащий как для самоидентификации конфессии, так и для идентификации вообще. В крайнем случае общественная самоидентификация конфессии приводит к существенному разрыву устойчивых социальных отношений, в которые традиционно вовлечены представители данной общности. Таким образом конфессионализация приобретает семиотическое измерение — в процессе ее развития неизбежно создается новая знаковая система, реализуемая в новых коммуникативных общностях. Создается конфессиональная терминология, литургия, этика и т. д. Возникновение нового коммуникативного сообщества предполагает переориентацию информационных потоков, «степень радикальности» этой переориентации позволяет классифицировать новообразованные коммуникативные сообщества по степени их открытости: от церкви (наибольшая открытость) до секты (наибольшая степень замкнутости). Разумеется, чем радикальнее происходит этот процесс, тем больше вероятности социальной и культурной маргинализации новой конфессии, исключения ее из национального информационного пространства. Выраженная заинтересованность лидеров современных неопротестантских конфессий в деятельности экуменических организаций — свидетельство того, что упомянутая опасность маргинализации неопротестантских групп в пространстве традиционных европейских социумов осознается лидерами соответствующих конфессий. В условиях глобализации экуменические организации вос-

принимаются ими как инструмент преодоления устойчивой тенденции противопоставлять традиционные конфессии новым религиозным движениям.

Концепция глобализации не стала логическим развитием постмодерна, но явилась его радикальным переосмыслением, поскольку постмодерн, как апогей эклектики, оказался неспособным ни к какому позитивному парадигматическому синтезу. Нельзя игнорировать тот факт, что постмодерн, как социокультурная парадигма, не оправдал возлагаемые на него ожидания ни в сфере развития науки, ни творчества, ни создания этических ценностей, ни даже построения общества социальной стабильности.

В этом отношении глобализация стала попыткой преодоления концептуальной несостоятельности постмодерна, основанной на ряде неоправданных, с нашей точки зрения, парадигматических упрощений. В контексте нашего исследования основной проблемой концепции глобализации является представление о «культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации»¹², поскольку окружающий нас мир свидетельствует, что одновременно с глобальным развертыванием мирового рынка факторы этнического, культурного и религиозного многообразия не только не теряют актуальности, но все больше приобретают ее. При этом в условиях глобализации всякий «бюрократический экуменизм» обречен на невостребованность как церквями, так и сильными мира сего, поскольку с одной стороны — утрачивает духовное содержание, с другой — остается чуждым «метафизики мирового рынка».

Либерализм европейской церковности XIX—XX вв. не только был реакцией церкви на изменившиеся общественные условия. С точки зрения церковной истории, либерализм стал своеобразной «надконфессиональной контрреформацией». То, что не удалось Тридентскому Собору сделали тюбингенские профессоры в XIX в. Поскольку в основе Реформации был герменевтический принцип истолкования Писания, он (и сделанные на его основе «открытия») и положен в основание конфессиональных границ протестантского мира. Либерализм-«контрреформация» — начался с ревизии роли Библии в жизни отдельных верующих и их сообществ. Естественно, что это привело не к созданию «свободной герменевтики», а к расшатыванию конфессиональных границ протестантских

церквей, и как реакции на это — возникновению христианского (зачастую оппозиционного) фундаментализма. В той степени, в которой «бюрократический экуменизм» есть продукт либерализма — его ждет короткая жизнь.

Какие, на наш взгляд, существуют сценарии развития экуменического сообщества? *Дальнейшая бюрократизация, политизация и угасание экуменических организаций.* Кризис может приобрести затяжной характер, если политизация экуменического сообщества будет проходить одновременно с политизацией жизни крупных европейских церквей. *Переосмысление целей и задач* экуменического движения, перенос акцентов с политических вопросов на духовные, и как следствие — новая востребованность экуменических организаций церковным сообществом. *Формирование параллельно с «бюрократическим экуменизмом» неформального духовного экуменизма*, который, возможно, пройдет те же стадии развития.

О структурном кризисе бюрократического экуменизма говорит и следующая тенденция. Исходя из логики экуменического движения, можно предположить, что степень близости взглядов участников экуменического движения зависит от их конфессиональной принадлежности. Однако на практике это не всегда так. Так, на экологическом семинаре «ТЕОБАЛТ», проходившем весной 2004 г., представители российских церквей выступили с совместным докладом, в котором утверждалось, что техногенный компонент не главная причина экологического кризиса. Сам экологический кризис — свидетельство духовного кризиса общества, который может быть преодолен только на основе норм христианской веры. Это заявление, прозвучавшее диссонансом на фоне «покаяния христианства за допущения экологического кризиса», свидетельствует о том, что российские христиане ближе друг к другу в оценках социальных явлений и тенденций, чем можно было предполагать. Возможно, это свидетельствует о начальных этапах формирования «консервативного экуменизма», который будет не столько стремиться к снятию межконфессиональных различий, а к неформальному объединению мирян и священнослужителей христианских исторических конфессий на основе их отношения к глобальной секуляризации мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иаков Стамулис*. Знакомство с Православной Церковью // Православная Миссия сегодня: Сб. текстов по курсу «Миссиология» / Сост. В. Федоров. СПб., 1999. С. 98.

² *Kittel G., Friedrich G.* Theological Dictionary of the New Testament. Vol. V. P. 157.

³ The Oxford Dictionary of the Christian Church. Ed. F. A. Cross and E. A. Livingstone. Oxford University Press 1997. P. 529.

⁴ Христианство // Энцикл. словарь / Ред. С. С. Аверинцев. М., 1995. Т. 3. С. 471.

⁵ Ibid.

⁶ Charta Oecumenica. Guidelines for the Growing Cooperation among the Churches in Europe. III, 7.

⁷ См: Информ. бюл. Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2005. № 12. С. 12.

⁸ Информ. бюл. Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2006. № 6. С. 102.

⁹ Информ. бюл. Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2006. № 4. С. 108.

¹⁰ *Вебер М.* Господство чиновников и политическое лидерство // Политические работы. М., 2003. С. 129.

¹¹ Цит. по: *Лавров А.* Колдовство и религия в России (1700—1740 гг.). М., 2000. С. 66.

¹² *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 213.

Поступила 28.05.07.

**Ж. В. КУЗНЕЦОВА АГРЕССИВНОСТЬ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ИНТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ
6—10 ЛЕТ В УСЛОВИЯХ
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Пытаясь понять природу такой интегральной характеристики личности, как толерантность, мы отталкиваемся как от базового определения, принятого в медицине и гуманитарных науках, согласно которому толерантность — это характеристика физиологической, психологической и социальной устойчивости человека к различным воздействиям, так и от определения толерантности как интегральной характеристики индивида, определяющей его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и с окружающим миром. Формирование качеств толерантности невозможно без изучения и преодоления различных форм интолерантного поведения, таких как ксенофобия и агрессивность.

Для правильного понимания проявлений агрессивности у детей в условиях межэтнического взаимодействия необходим комплексный подход к этому феномену. Говоря об агрессивности в целом, можно определить ее как свойство личности, целенаправленное, разрушительное поведение, заключающееся в наличии деструктивных тенденций, с целью нанесения вреда тому или иному лицу. Это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения.

А. А. Романов выделяет следующие факторы, провоцирующие агрессивность ребенка: наследственно-характерологические, т. е. наследственно-конституциональную

КУЗНЕЦОВА Жанна Викторовна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Московской государственной академии физической культуры, кандидат психологических наук.

предрасположенность к агрессивному поведению (психопатоподобное, эпилептоидное, аффективно-возбудимое, конституционально обусловленное поведение родителей или родственников, а также наличие выраженной тревожности и гиперактивности у ребенка); резидуально-органические, т. е. минимальная мозговая дисфункция, травмы головного мозга и т. п.; социально-бытовые (неблагоприятные условия воспитания в семье, школе, неадекватно-жесткий родительский контроль, враждебное или оскорбительное отношение к ребенку, конфликт между супругами, ситуации налаживания совместной деятельности, провоцирующие конфликт или агрессивность и т. п.); реактивность или ответная агрессивность на присутствие новых взрослых или сверстников; введение ограничений в поведение ребенка; новизна, увеличивающая тревогу или привыкание, снижающее ответственность за агрессивное поведение; нарастание утомления и пресыщения и др.¹

Ситуации межэтнического взаимодействия, как показали исследования последних лет, часто являются для детей фактором, провоцирующим агрессивность.

Дело в том, что в возрасте 6—10 лет идет активное формирование этнического самосознания, и потому противопоставление по принципу «мы» и «они» приобретает особую актуальность. Говоря о данном противопоставлении, Б. Ф. Поршнев отмечает, что всякое «мы» конструируется не иначе как посредством сопоставления (противопоставления) с каким-либо «они»². Все ситуации, попадающие под принцип «мы» и «они», Поршнев условно разделил на две формы. В одном случае определенность имеет та сторона, которая обозначается термином «они», тогда как «мы» — это всего лишь те, кто не входит в эту область, обозначаемую как «они». Иными словами, в этом случае «мы» не имеет никакой собственной определенности и мысленно конструируется только через противопоставление категории «они», охватывая безразлично или потенциально всех, кто «не они». Во втором случае, наоборот, имеет некоторую определенность лишь общность людей, обозначаемая через «мы», а остальные составляют неопределенную негативную общность, конструируемую посредством выражения «не мы», «не наши». Б. Ф. Поршнев отмечает, что исходной для этнических групп является первая (в отличие от общепринятого

мнения) форма противопоставления, а вторая появляется с развитием макро-этносов.

По мнению Б. Ф. Поршнева, глубочайшей сущностью этнических противопоставлений является граница. Этническое самосознание одной общности и ее представление о другой выступают как производные от этого инициального факта: от наличия между ними рубежа. Таким образом, всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет: мера противопоставления есть мера объединения³.

Самосознание личности — это психологическая структура, представляющая в самой себе такое понятое единство, которое находит выражение в каждом из структурных звеньев и потому может быть рассмотрено на основе каждого из них.

Структурные звенья самосознания личности В. С. Мухина понимает как глобальные ценностные ориентации, соответствующие наиболее важным сферам ценностно-ориентационной деятельности личности в окружающем мире. Именно ценностно-ориентационная природа самосознания личности открывает, что ее отдельные звенья представляют собой не куски личности, а ее ориентированность на ценности определенной жизненной сферы и ориентировку среди них, в которую включена вся целостная личность, а не отдельные ее элементы⁴.

Этническое самосознание представляет собой лишь одно из множества «мы», чувство принадлежности к которым может испытывать личность. Национальные общности представляют собой наиболее важные, насыщенные ценностные комплексы, поэтому чувство принадлежности к такой общности наиболее емкое по своему психологическому содержанию. Его раскрытие связано с определением универсального структурного минимума самосознания общности. Используемая концептуальная схема понимания самосознания личности позволяет выделить структурные подразделения самосознания общности, поскольку именно они выступают для личности как объективная реальность, обуславливая присвоение определенной структуры индивидуального самосознания.

Используя аналогию с индивидуальным самосознанием, в соответствии с положениями о «трех измерениях» социальной жизни субъекта, можно выделить, во-первых, психологический образ «мы» этнической общности. Он проявляется, прежде всего, этнонимом — самоназванием этноса⁵, а также

комплексом представлений об особенностях членов этноса и этноса в целом, служащими для идентификации его членов друг с другом (язык, территория, специфический способ производства). Сюда же включены представления, отражающие этноспецифическую половозрастную дифференциацию ценностных ориентаций и нормативность внутренней жизни этноса. В сущности, психологический образ «мы» отражает конкретный образ жизни общности.

Во-вторых, представления о своем этносе в социальном пространстве, расположенном с другими этническими общностями, внутри более крупных общностей, имеющих иную общественно-историческую природу, притязания на уникальность своего этноса и различные проявления этноцентризма, представления о нормах отношений с другими этническими группами. В их основе — исторические особенности межнациональных отношений: существование «других», отношение к «ним».

В-третьих, представления, отражающие жизнь этноса во времени (в прошлом — его история, в настоящем — действительность), во всем многообразии социально-экономической и культурной жизни этноса, со всеми ценностными ориентациями, характеризующими этнос и определяющими его развитие, обозримые перспективы этноса, которые формируются как отражение исторической деятельности людей. Таким образом, в этническом самосознании общности отражены ее образ жизни, межнациональные отношения и их временные изменения.

Принадлежность к данной общности, выражаемая понятием «мы», оказывается связующим звеном, обеспечивающим непрерывность перехода между индивидуальным и коллективным сознанием и их рефлексивными формами, единство личности и общности, выражающееся во взаимосвязи их социальной жизни.

Этническое самосознание формируется в результате меж-этнического взаимодействия. Одновременно от сформированности этнического самосознания, от осознания личностью своей неповторимости, уникальности своей этнической группы зависят адекватность и успешность межэтнического взаимодействия.

Исследования, проводимые на материале русской, мордовской и татарской этнических групп показали, что дети

6—10 лет, как правило, знают свою этническую принадлежность и выделяют ее значимые признаки. В ситуациях депривации звеньев структуры самосознания у детей наблюдается усиление межэтнического обособления, проявляющееся в увеличении количества негативных реакций по отношению к «другим».

Дети 6—10 лет в проективных ситуациях депривации сверстниками «своего» этноса дают выраженные реакции агрессии. В случае депривации сверстниками других этносов эта тенденция усугубляется, причем отмечается дифференциация отношения к представителям «других» этносов, которая коррелирует с объективной степенью близости-удаленности культур. К представителям этносов с более близкой культурой дети более лояльны. Так, у русских детей наблюдались 35,5 % агрессивных реакций по отношению к «своим», 44,7 % и 40,9 % по отношению к мордве и татарам; у мордовских детей 32,1 % по отношению к «своим», 41,8 % по отношению к татарам и 37,2 % по отношению к русским; у детей татар 30,28 % по отношению к «своим», 41,9 % по отношению к мордве и 36,2 % по отношению к русским. Даже в нейтральных ситуациях представители «других» этносов вызывают у детей большую фрустрацию, чем представители «своего» этноса.

Кроме того, уровень агрессивности детей зависит от социальных условий. В ситуации депривации «своими» и «другими» этносами городские дети более агрессивны, чем их сельские сверстники. У мальчиков всех этнических групп выражена тенденция к более высокой агрессии, чем у девочек. У девочек всех этнических групп сильнее, чем у мальчиков выражены неадекватно-лояльные реакции.

Сравнительный анализ реакций на депривирующие ситуации относительно звеньев структуры самосознания показал, что в ситуациях депривации имени и депривации притязаний на признание отмечается наибольшее количество агрессивных реакций по сравнению с ситуациями депривации других звеньев самосознания. В ситуациях депривации пола отмечается наибольшее количество игнорирующих реакций, а в ситуациях депривации, определяющих уровень адаптированности к фрустрации, отмечается наибольшее количество неадекватно-лояльных реакций по сравнению с ситуациями депривации других звеньев структуры самосоз-

нения. В ситуациях депривации притязаний на признание противоположным полом у детей всех этнических групп отмечается наибольшее количество пассивных реакций по отношению к «другим», что, по всей вероятности, говорит о малой актуальности данного признания для детей этого возраста, особенно у представителей «других» этносов⁶.

Таким образом, можно найти особо уязвимые точки в этническом самосознании детей, прикосновение к которым провоцирует агрессию в межэтнических отношениях. Это помогает более адресно развивать психологическую устойчивость детей к фрустрирующим и стрессогенным факторам межэтнического взаимодействия, вовремя прогнозировать возможные причины возникновения межэтнических конфликтов, и в результате более успешно формировать толерантную личность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Романов А. А. Направленная игротерапия агрессивности у детей. М., 2001. *Он же*. Коррекция расстройств поведения и эмоций у детей. М., 2001.

² См.: Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Мухина В. С. Проблемы генезиса личности. М., 1985.

⁵ См.: Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР. Этническая ономастика. М., 1984.

⁶ Топоркова Ж. В. Особенности этнического самосознания детей 6—10 лет в условиях межэтнического взаимодействия (На материалах исследования детей русской, мордовской и татарской этнических групп). Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.

Поступила 27.11.07.

К. О. ЧЕПЕЛЕНКО ОПЫТ ВИЗУАЛЬНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ЗРИТЕЛЯ

Попытка экспонировать направленность визуальной практики театрального зрителя в социокультурном ключе, впечатления от одной из театральных постановок подтверждают правоту тезиса: «искусство становится влиятельным, только приобретя отрефлексированные формы потребления»¹. Такого рода задача предполагает комплексный подход к решению.

Следует подчеркнуть особое значение качественного метода и того, что принято называть «социологической восприимчивостью». Качественная парадигма обращена к индивидуальному сознанию. «В социальное действие, являющееся здесь началом любой социальности, входят ситуационное толкование, субъективность, рефлексивность, внезапное появление нового, непредсказуемость»². Изучение социального содержания сценической реальности в нашем случае осуществляется на основе зрительского опыта, индивидуальной художественной практики театрала — эмпирта и социолога в одном лице. При этом, с одной стороны, автор исследования находится «внутри» эмпирического материала, а с другой — стремится обобщить собственный эмпирический опыт. «Понимание» выступает как методологическая константа проводимого социологического исследования. Она оказывает стимулирующее воздействие на сущность авторской интерпретации анализируемого явления. «Здесь и теперь» в качестве эмпирического материала выступают нематериальные объекты: театральные наблюдения, впечатления — воспоминания о спектакле, виденном не однажды (это Саратовский академический театр им. Слонова). Они сфокусировались вокруг идеи визуальной репрезентации, которая воспринимается как своеобразный лейтмотив режиссерской «партитуры». Речь идет об интерпретации А. И. Дзекуном пьесы чешского поэта, публициста и дра-

ЧЕПЕЛЕНКО Ксения Олеговна, аспирант кафедры социологии и социальной антропологии Саратовского государственного технического университета.

матурга П. Когоута «Игра королей», репертуарной пьесы многих отечественных и зарубежных театров. В рамках реалистического подхода качественной социологии³ возможно рассмотрение определенных параметров жизненного пространства — времени, воспроизводимого в постановке.

В стремлении выявить полноту визуальных впечатлений обратимся к сценографическому тексту спектакля, памятному еще и потому, что он в виде серии фотоснимков отдельных мизансцен сохранился в нашем архиве. Свое отношение к предмету интереса определим ссылаясь на понятие «студийум», принадлежащее Р. Барту. Изначально присущий этому термину смысл («изучение») обогащается эмоциональным оттенком, выражающим «пристрастие к чему-то, привязанность к кому-то»⁴.

Проблематизация моментов осмысления визуального текста на основе трансформации визуального в вербальное означает не только то, что увиденное подлежит вербализации, но и то, что вербальная коммуникация не обходится без визуального опосредования. Понятийно-дескриптивные ракурсы выступают как взаимодополняющие.

В качестве следующего шага необходимо введение в ход рассуждений понятия «концепт» и «перцепт». Перцепт, т. е. визуально воспринимаемый образ, «создаст эффект возникновения уже не просто общего представления о каком-либо явлении или событии, но определенного «концепта» — идеологии». Становится возможным «перцептуальное конструирование идеологических концептов»⁵. Таким образом поэтапно выстраивается драматургический сценарий: наблюдение, осмысление, концептуализация.

Дешифровка визуальных объектов сценографии — одна из аналитических целей. Подходы фотовизуалистики, определившиеся у Р. Краусс, легко проецируются на сферу театрального. Исследовательница предлагает рассматривать «отношения между фотографическим образом и реальностью», с одной стороны, и «культурные значения и всевозможные интерпретации фотографического образа» — с другой. И тот, и другой способ возможны в плане репрезентации визуальной стихии «на театре», репрезентации, что «замещает реальность, воспроизводит присутствие реальности в культуре, преобразует онтологическое в символическое»⁶. Реконструкция социокультурного контекста выступает как

необходимое условие дешифровки визуальных сценографических образов.

Рассматривая фотокадры мизансцен спектакля, оживают «заповедные места памяти», впечатления «давно минувших дней». Постановка, в общем и целом, воспринимается как своеобразный «сценический документ», с высокой степенью художественности запечатлевший одну из мрачных страниц чешской истории, относящуюся к эпохе третьего рейха. История и современность предстают здесь в полифоническом сплетении нескольких временных модусов. Об этом красноречиво свидетельствует сценографическая экспликация.

Вещественно-предметные реалии рабочего кабинета Франса несут отпечаток духовной связи с хозяином: это по преимуществу предметы роскоши, произведения искусства: портреты, фотографии в рамках, музыкальная шкатулка, старинная мебель, шахматный стол с резными фигурами, большое количество раритетных трудов в области шекспироведения, пианино с подсвечниками (сценическое пространство малой сцены позволяет увидеть все до мельчайших деталей, вызывая поразительное ощущение со-присутствия, со-причастности происходящему).

Необычна транскрипция темы «война и мир» в контексте спектакля. Вальтер Склепович (еврей), как и много лет назад, скрывается от расправы нацистов в подполье дома, принадлежащего его другу, не подозревая о том, что война уже давно закончилась. В субботние встречи друзей — соперников (в творчестве и любви) «декорации» меняются: окна кабинета тщательно драпируются (как во время бомбежки), на одной из стен появляется портрет фюрера, на пианино — радиоприемник военного образца, а на кресле — униформа немецкого офицера. Стилизуя повседневность военного времени, Франц варит для ужина ячменный кофе и сервирует стол жестяной посудой (он словно инсценирует «демонстративное потребление» с обратным знаком).

Представим себе такую колоритную жанровую сценку спектакля: сквозь полумрак громоздкой лампы с зеленым абажуром просматривается немудрящий натюрморт — небольшие картофелины в кожуре в алюминиевой тарелке, стоящей на застеленном старой газетой столе. Идет приготовление к незамысловатой субботней трапезе. Реакция зрительного зала

свидетельствует о силе эмоционального воздействия этой сцены. В памяти представителей разных возрастов оживают эпизоды кинофильмов военной тематики. Визуальный опыт более ранних репрезентаций срывает, «завязывается» диалог эпох, прошлое проецируется в современность.

В связи с визуальным анализом «партитуры» спектакля особый интерес вызывает его заключительная сцена. Теперь, когда правда известна, незачем скрывать «улики». TV — предмет прежде зачехленный не потому только, что так было принято, модно, но главным образом потому, что являлся знаменем нового времени. Вещи, предметы интерьера в напряженной драме характеров словно «мимикрируют» под воздействием человеческих страстей.

Язык сценической визуальности полифонически многосложен. Прием видеорепрезентации, прослеживаемый в драматургии, сближает, синтезирует приметы различных эпох: рядом с «телеоком», прямо на зрителя, из елизаветинской эпохи «смотрит» В. Шекспир (портрет кисти неизвестного мастера), со стен кабинета взирают немymi свидетелями происходящего визуальные двойники героев — их портретные изображения, относящиеся к годам молодости.

Авторами постановки последовательно инспирируется идея активного визуального наблюдения, причем «работать» она начинает еще до начала спектакля. На экране включенного телевизора (того, что находится на сцене) демонстрируется небольшой видеосюжет об исторических достопримечательностях Праги, места действия пьесы (на изображении в нижнем левом углу значится время съемки — апрель 1994 г.; в некоторых кадрах присутствует и режиссер-постановщик спектакля с видеокамерой). Благодаря этой зарисовке зрители имеют возможность включиться в соответствующий историко-культурный контекст, «настроить» оптический канал художественной коммуникации.

Необходимость перехода от дескрипции визуально воспринимаемого плана постановки к логически обобщающему звену обуславливает направленность заключительного вывода, где анализ визуальной компоненты завершает выход на более высокий уровень осмысления проблемы. Обратимся к известному немецко-французскому кинофильму В. Беккера «Гуд Бай, Ленин». В этой киноленте получает развитие сходная идея реставрации эпохи посредством включения

документально-достоверного «антуража»: старых вещей, предметов, одежды, продуктов питания — всего, что отражает идеологизированный слой прошлого, воскрешая его атмосферу через предметно-вещественный мир, в котором живут персонажи.

В пьесе П. Когоута для своих негуманных целей главный герой фальсифицирует новости, сочиняет неправдоподобные истории о том, как Гитлер продолжает успешное наступление на всех фронтах. Коллизия кинофильма построена примерно по тому же канону с той разницей, что реальность в нем искажается «во благо», во спасение: немка-коммунистка за время болезни «выпадает», выключается из контекста времени. Ей неизвестно, что Берлинская стена пала, что «на дворе» капитализм: заботливый сын создает вокруг матери мифологическое пространство, «консервируя» приметы недавнего прошлого, интерпретируя происходящее с позиций вчерашнего дня.

Репрезентация прошлого, реставрируемого в настоящем, в том и в другом случае связана не только с реконструкцией вещественного мира, сколько через него выражением социальной идеи. Не случайно в сюжетах «задействованы» государственные лидеры: Гитлер и Ленин. Они — синонимы своего времени, его репрезентанты и символы.

Рассмотрение некоторых граней визуальной компоненты драматического спектакля необходимо обобщить, памятуя однако, насколько неоднозначны сегодня представления о том, каковы должны быть выводы качественного исследования. В доказательство сошлемся на высказывание К. Панч: «Сегодня считается, что итогом исследования может быть и теоретическая концепция, и комментарий к «сырым» данным, и полное «насыщенное» описание, максимально приближенное к языку информанта, и даже сам текст интервью, дневника, полевых заметок в своем первоизданном виде»⁷. Степень доказательности исследования, проблема достоверности выводов «в качественной социологии преобразуется в критерий глубины понимания в соответствии с нацеленностью на понимание смыслов изучаемых людей как главной целевой задачи»⁸.

Проанализированные театрально-визуальные образы интерпретируются как «первичный измеритель социальной действительности, задающий основные траектории ее (ре)конструирования и репрезентации»⁹. В сценическом действии, в

соответствии с оригинальным замыслом авторов постановки, участвуют вещественные атрибуты, «реликвии» военного времени, воспринимаемые как его репрезентанты. Бытовые реалии прошлого приобретают в данном контексте почти музейный статус. Очевидно, что «повседневная вещь на всем протяжении культурной истории человечества являла собой гораздо больше, чем просто материализованную функцию того или иного действия»¹⁰. Мысль о том, что вещи, как и люди, проживают социальную жизнь, не нова. Британские антропологи А. Аппадурай и И. Копытофф не исключают возможность появления биографических описаний вещей¹¹.

Эскизно обозначив визуальную идею спектакля в рамках концепции социологии вещи, обратимся к высказыванию Г. С. Кнабе, размышляющему о социокультурном аспекте специфического «языка» вещей: «знаковая выразительность бытовых вещей и среды представляет собой особый язык — язык культуры: не только потому, что здесь находит себе выражение в материальных формах духовное содержание, но и потому еще, что текст на этом языке читается лишь на основе культурно-исторических ассоциаций»¹².

Реконструкция в сценическом произведении далекой эпохи сопряжена с исторически достоверной обрисовкой ее бытовых сторон, репрезентирующих, в свою очередь, идеологию того времени. Визуальные образы произведений искусства (изобразительного, театрального, фотографии, кинематографа) остаются одним из источников «воспроизводства ресурсов» исторической памяти, связующей поколения. Именно такие «старомодные» провинциальные спектакли имеют огромный социологизирующий потенциал, способствующий гуманизации зрителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Мень Е.* Еще раз об умной толпе // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2003/3/men.htm>].

² *Готлиб А. С.* Основные черты качественного подхода в социологическом исследовании // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://ecsosman.edu.ru/images/pubs/2005/07/27/0000217281/002.GOTLIB.pdf>].

³ См.: *Silverman D.* Doing Qualitative Research London, 2000.

⁴ *Барт Р.* CAMERA LUCIDA / Реферативный перевод эссе о природе фотографии. М., 1989 // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://photoscore.iatp.by/critic7.htm>].

⁵ *Сарна А.* Визуальная метафора в дискурсе идеологии // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.viscult.by.com/article.php?id=555>].

⁶ *Краусс Р.* Дискурсивные пространства фотографии / Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / Пер. с англ. А. Матвеевой, К. Кистяковской, А. Обухова. М., 2003.

⁷ *Готлиб А. С.* Основные черты качественного подхода в социологическом исследовании // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://ecsosman.edu.ru/images/pubs/2005/07/27/0000217281/002.GOTLIB.pdf>].

⁸ Там же.

⁹ Визуальная социология. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>].

¹⁰ *Николаева Е., Николаева Т.* Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной среде // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Nik_PovVe.php].

¹¹ См.: *Appadurai A.* Introduction: Commodities and the politics of value / The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective / Ed. by A. Appadurai. Cambridge UP, 1996. P. 3—63; *Kopytoff Y.* The cultural biography of things: commoditization as process // The social life of things. Cambridge, 1996. P. 66—67.

¹² *Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 36.

Поступила 09.12.06.

Е. С. РОМАНОВСКАЯ

ВНЕДРЕНИЕ КОНКУРСНЫХ МЕХАНИЗМОВ РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РЕГИОНА

Предоставление социальных услуг за счет бюджетных средств оказывалось исключительно на основе сметно-бюджетного финансирования государственных и муниципальных учреждений. Таким образом, эти учреждения обладали свое-образной монополией на расходование бюджетных ресурсов в реализации социальных программ. Практика привлечения муниципалитетами сил некоммерческих общественных организаций, коммерческих структур, а также частных лиц для оказания социальных услуг населению за счет средств бюджета отсутствует. Государственный и негосударственный сектора функционируют отдельно, результатом этого стало недостаточно эффективное использование и без того ограниченных ресурсов, низкое качество предлагаемых услуг.

Стратегия реформирования социальной сферы предполагает ее децентрализацию и демонополизацию, она нацелена на расширение возможностей граждан выбирать производителей услуг через диверсификацию форм их предоставления на основе активного привлечения негосударственного сектора. Стратегия предполагает переход к финансированию социальных услуг в зависимости от их объема и качества на основе программно-целевых и конкурсных механизмов¹.

Сегодня в России применяются две схемы конкурсного финансирования социальных услуг из средств бюджета муниципального образования. Одна из них предполагает целевую поддержку проектов, осуществляемую в виде бюджетного финансирования негосударственных учреждений, например,

РОМАНОВСКАЯ Елена Сергеевна, заведующая кафедрой социального управления Магаданского института Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кандидат социологических наук.

в форме целевого финансирования отдельных общественно полезных программ общественных организаций. Такое финансирование может проводиться, например, в виде грантов на социальные проекты, реализуемые силами общественных организаций. Вторая предусматривает заключение возмездного договора между органом местного самоуправления и любыми физическими или юридическими лицами. В зависимости от характера задания договор будет относиться либо к виду договоров подряда, если предполагается создание некоторого материального результата, продукта, либо к виду договоров возмездного оказания услуг, если предполагается осуществление определенной деятельности, услуг, не воплощающихся в материальном результате. В социальной сфере чаще всего будут использоваться договоры на возмездное оказание услуг. Данный механизм стал основой муниципального социального заказа².

Основные отличия муниципального социального заказа от целевой поддержки социально значимых проектов (грантов) в следующем: социальный заказ направлен на реализацию конкретной задачи в социальной сфере, выполнять которую могут любые организации и учреждения, поэтому он включает конкретное техническое задание, задает количественные и качественные параметры работы и определяет соответствующие расценки; при целевом финансировании социально значимых проектов конкурс может проходить по номинациям и адресовать участников к определенной проблеме. Техническое задание конкурса на получение целевого муниципального гранта лишь определяет круг рассматриваемых проблем, оставляя простор участникам конкурса для самостоятельной разработки методов работы.

Целевые муниципальные гранты предоставляются с учетом ст. 17 ФЗ об общественных объединениях и являются средствами, выделяемыми муниципалитетом (как грантодателем) либо на реализацию предложенных «извне» программ или проектов, либо на целевую поддержку деятельности какой-либо общественной организации. Средства для проведения конкурса по поддержанию социально-значимых проектов должны быть заложены в бюджет соответствующего года отдельной строкой в виде целевой программы по разделу «социальная политика». Решение об использовании средств целевой программы через организацию конкурса муници-

пальных социальных грантов принимается органами местного самоуправления в соответствии с росписью бюджета (ст. 85 Бюджетного Кодекса). Финансирование проектов-победителей осуществляется на договорной основе.

Существуют две наиболее распространенные схемы финансирования победителей. Средства могут быть первоначально выделены, например, Управлению социальной защиты населения на реализацию целевой программы. Управление в свою очередь организует конкурс, администрирует его, заключает с победителями договоры о предоставлении гранта, проводит мониторинг и оценку исполнения проектов. Средства также могут быть выделены через субвенции и субсидии физическим и юридическим лицам. Причем целевые субсидии предоставляются физическим или юридическим лицам на условиях долевого финансирования целевых расходов, а целевые субвенции его не предусматривают. Однако субвенция может быть предоставлена только юридическому лицу. Использование целевых субсидий и субвенции позволяет переводить средства грантов получателям как напрямую из финансово-экономического отдела или казначейства, так и через другие муниципальные структуры.

Муниципальный социальный заказ — это совокупность муниципальных контрактов (договоров подряда или возмездного оказания услуг) на поставку товаров, производство работ, оказание услуг за счет средств бюджетного раздела «Социальная политика» и других отраслей социальной сферы, предусмотренных бюджетом муниципального образования.

Правовые рамки муниципального социального заказа определены Гражданским и Бюджетным Кодексами Российской Федерации, федеральными законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации», «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Положением об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд, утвержденного Указом Президента РФ от 8 апреля 1997 г. № 305, а также Федеральными законами «О государственной социальной помощи», «Об основах социального обслуживания населения», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» и др.

В муниципальном заказе могут участвовать бюджетные учреждения, некоммерческие и коммерческие организации и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью (например, по социальному обслуживанию населения) без образования юридического лица.

Договор может быть заключен органами местного самоуправления и бюджетным учреждением или организацией, уполномоченными органами местного самоуправления действовать от имени муниципального образования. Договор, заключенный в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, предусмотренных в расходах соответствующего бюджета, является муниципальным контрактом.

При формировании социального заказа обычно задаются перечень и спецификация конкретных работ и услуг, выставляемых на конкурс; требуемый результат и качество обслуживания; квалификационные стандарты для исполнителя; расценки — удельная стоимость обслуживания. Поэтому конкурс муниципального заказа на социальное обслуживание населения отличается от конкурса грантов, так как является конкурсом наиболее эффективных исполнителей конкретной работы, а не конкурсом поддержки проектов.

Наиболее приемлемая организационная форма, через которую реализуется социальный заказ, — целевая социальная программа, разработанная в соответствии с общими требованиями Порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594.

В настоящий момент в Магадане отсутствуют законодательные акты по внедрению социального заказа. Однако в городе действуют Постановление Администрации г. Магадана от 4 августа 1997 г. «Об утверждении „Положения о муниципальном заказе города Магадана”» и «Положение о конкурсе». В положении «О муниципальном заказе города Магадана» установлено, что «муниципальный заказ — это форма хозяйственно-договорных отношений между администрацией города Магадана и предприятиями, организациями, учреждениями, иными юридическими лицами, определяемая городской администрацией с целью наиболее выгодного использования средств города и создания равных исходных условий для потенциальных исполнителей, независимо от форм их соб-

ственности». Это определение полностью соответствует основополагающим принципам муниципального заказа, так как, во-первых, к участию в конкурсе допускаются организации всех форм собственности; во-вторых, направлено оно на наиболее эффективное использование бюджетных средств.

«Положение о конкурсе» достаточно четко оговаривает порядок организации конкурсных процедур, определяет круг возможных участников конкурса и критерии отбора победителей. Единственным упущением положения можно считать отсутствие пункта, оговаривающего состав экспертной комиссии конкурса, что может привести к возникновению конфликта интересов.

Опыт разработки нормативно-правовой базы, определяющей существование муниципального заказа в г. Магадане, может быть использован и при составлении пакета документов, необходимых для социального муниципального заказа.

По данным Минюста РФ по Магаданской области, в г. Магадане зарегистрировано 269 общественных объединений. Это профессиональные союзы (166), общественно-политические объединения (47), спортивные объединения, национально-культурные, благотворительные и другие организации, имеющие статус некоммерческих. Однако число фактически действующих организаций не совпадает с количеством зарегистрированных. Так, из 55 объединений, зарегистрированных в период с 1995 по 1997 г., подтвердили свою деятельность только 18. По оценке мэрии, на данный момент реальную работу в городе ведут порядка 100 некоммерческих организаций. При этом около 70 из них в той или иной мере работают с вопросами социальной сферы. Это в первую очередь различные детские и молодежные объединения, женские организации, союзы инвалидов, благотворительные фонды и объединения, филиалы международных общественных организаций.

Среди основных направлений деятельности НКО в области социальной защиты населения можно выделить оказание адресной помощи нуждающимся категориям населения, организацию благотворительных акций, оказание психологической и информационно-консультативной помощи.

НКО часто внедряют новые инициативы при решении проблем социальной сферы и уже смогли добиться некоторых результатов, например, проведение благотворительных

марафонов, сборов и распределение гуманитарной помощи, участие в открытии социальной столовой. Однако наличие инициативы недостаточно для ведения эффективной деятельности. Перед НКО много проблем финансового, материально-технического и организационного характера. Проблема, на которую чаще всего ссылаются сами НКО, — недостаток финансирования. Для финансирования деятельности НКО, согласно Федеральному закону «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ, могут быть использованы регулярные и единовременные поступления от учредителей (участников, членов); добровольные имущественные взносы и пожертвования; выручка от реализации товаров, работ, услуг; дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам; доходы, получаемые от собственности некоммерческой организации; другие, не запрещенные законом поступления.

В Магадане спонсорская помощь некоммерческим организациям со стороны бизнеса весьма незначительна и носит разовый характер. Население оказывает НКО материальную помощь в виде пожертвований или бесплатного труда добровольцев. Безусловно, поддержка со стороны населения чрезвычайно важна для НКО, однако этой помощи недостаточно для решения проблем финансирования общественных и благотворительных организаций. Ряд организаций, в первую очередь филиалы международных и всероссийских некоммерческих объединений, работают за счет грантов от международных благотворительных фондов. Однако большинство НКО в благотворительные фонды не обращаются, так как не знают об их существовании и основных принципах работы, не умеют писать заявки или относятся с недоверием к деятельности этих организаций.

Многие НКО получают поддержку со стороны мэрии, в первую очередь через предоставление помещений. Так, порядка 9 тыс. м² площади переданы мэрией в безвозмездное пользование НКО. Именно вопрос государственного финансирования оказался основной причиной непонимания, возникающего между НКО и органами местного самоуправления. НКО нередко рассматривают властные структуры только как источник финансирования. Однако они, безусловно, не могут поддерживаться посредством прямого сметно-бюджетного финансирования из средств городского бюджета.

Согласно федеральному законодательству, органы местного самоуправления могут осуществлять экономическую поддержку НКО лишь в следующих формах: предоставление в соответствии с законодательством льгот по уплате налогов, таможенных и иных сборов и платежей; предоставление иных льгот, в том числе полное или частичное освобождение от платы за пользование государственным и муниципальным имуществом; размещение среди некоммерческих организаций на конкурсной основе муниципальных социальных заказов; предоставление в соответствии с законом льгот по уплате налогов гражданам и юридическим лицам, оказывающим некоммерческим организациям материальную поддержку; целевое финансирование проектов.

Проблемы функционирования НКО не могут объясняться только недостаточностью материально-технического обеспечения. Причины многих неудач — низкий уровень организационного развития. По оценкам специалистов мэрии, только 20 % руководителей городских НКО имеют квалификацию, необходимую для организации успешной и эффективной работы. Безусловно, такая оценка может быть субъективной, однако она характеризует позицию потенциального заказчика. Работа многих НКО носит хаотичный характер, мало внимания уделяется повышению квалификации специалистов и руководителей организаций. Отсутствует стратегическое планирование деятельности, недооценивается важность работы по созданию имиджа организации, работа со СМИ не имеет системного характера. В результате население города слабо информировано о деятельности НКО, неактивно участвует в их работе и редко пользуется предоставляемыми ими услугами.

Важная задача НКО города — повышение координации их деятельности, что является одним из основных условий эффективной работы третьего сектора в целом. На данный момент степень координации НКО города различна: есть положительные примеры, например, при мэрии города действует координационный совет по работе молодежных общественных организаций и учебных заведений. Однако действия многочисленных городских объединений инвалидов недостаточно согласованы между собой, а порой противоречат друг другу.

В городе действует Магаданская областная общественная информационно-просветительская организация «Живущая Арктика», выполняющая функции ресурсного центра по развитию третьего сектора города. Организация работает с НКО и социально активными гражданами города, осуществляет деятельность по поддержке общественных объединений и гражданских инициатив, а также по развитию социального партнерства и укреплению международных партнерских связей. «Живущая Арктика» имеет опыт работы с благотворительными фондами, проведения тренингов и консультаций и может сыграть важную роль в консолидации усилий всех некоммерческих организаций города.

В мэрии нет структурного подразделения, координирующего связи с НКО. Однако рассматривается возможность создания органа взаимодействия мэрии и НКО, который поставил бы сотрудничество НКО и органов местного самоуправления на постоянную основу.

В городе отсутствует практика лицензирования деятельности НКО по социальному обслуживанию населения. Лицензирование НКО — важное условие внедрения муниципального социального заказа. В связи с этим мэрии города совместно с администрацией области необходимо разработать областное положение о лицензировании на основе «Положения о лицензировании деятельности по социальному обслуживанию населения» от 7 декабря 2000 г. № 933.

Сегодня уровень развития некоммерческого сектора города недостаточен для исполнения НКО социального заказа в соответствии с установленными законодательством стандартами и спецификациями. Чтобы внедрение механизма муниципального социального заказа стало возможным, необходима работа по повышению потенциала городских НКО в социальной сфере. Здесь можно обратиться к опыту сотрудничества органов местного самоуправления и третьего сектора, накопленному в других городах.

Важным шагом к росту потенциала некоммерческих организаций города, а также к развитию сотрудничества между НКО и органами местного самоуправления, может стать проведение конкурса малых грантов на реализацию социально-значимых проектов, в который, помимо номинаций по социальным проблемам, можно включить номинацию

по организационному развитию НКО. Например, средства подобных грантов могут быть использованы на обучение персонала организации, ее лицензирование, улучшение материально-технического, методологического и информационного обеспечения, на прочие нужды, которые будут способствовать развитию организации как службы социальной поддержки.

Для обеспечения максимальной эффективности программ развития третьего сектора важно согласовывать работу, проводимую муниципалитетом и ресурсным центром. Например, в случае проведения конкурса малых грантов ресурсный центр может быть нанят для консультирования заявителей (по оформлению заявок, составлению проектов, получению лицензий, юридическим вопросам и т. д.).

В целом некоммерческий сектор г. Магадана находится на этапе становления. Имеется много организаций, занимающихся реальной деятельностью, в том числе деятельностью по социальной поддержке населения. Для многих из них характерно наличие инициативы и желания работать. Однако это желание зачастую не подкреплено ни необходимой квалификацией, ни должной методологической базой. Крайне низка степень их включения в социальную сферу города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу, Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года // «Коммерсантъ». 2000. 12 мая.

² См.: Толмасова А. Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы. М., 1998.

Поступила 29.03.07.

М. С. АХМЕТОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНЕ

Изучение социального положения пожилых людей в современном обществе может быть более глубоким в случае, если его рассматривать в широком социальном контексте, в сложной сети детерминирующих его факторов и условий.

Рассмотрение самооценки условий жизни в поколенческом разрезе и представления о людях в пенсионном возрасте дополняет анализ социального положения пенсионеров.

Исходные материалы получены в ходе исследования, проведенного органами государственной статистики в Республике Башкортостан. Базой выборочной совокупности для массового опроса стала сеть обследования бюджетов домашних хозяйств. Сбор первичной информации осуществлялся уполномоченными работниками (интервьюерами) методом анкетирования по месту жительства респондентов, лиц старше 18 лет. Объем выборочной совокупности составил 905 чел., из них 412 пенсионеры.

Оценки населением различных сторон своей жизни можно рассматривать и в качестве косвенной характеристики его адаптированности к происходящим в стране изменениям. При ответах на вопросы «Ваша жизнь лучше, чем была у Ваших родителей?» и «Жизнь Ваших детей лучше, чем была Ваша?», считающие, что жизнь стала лучше, в 2,2 раза преобладают над респондентами, давшими отрицательные ответы. В целом можно констатировать, что современники оценивают жизнь своих детей менее благоприятно, чем свою при сопоставлении с поколением своих родителей. Это связано, скорее всего, с незавершенностью процессов трансформации общества, требующих освоения новых жиз-

АХМЕТОВА Марина Сергеевна, ведущий специалист Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

ненных стратегий. При оценке жизненного уровня (особенно следующего поколения) в сравнении с предшествующим поколением, существенная доля респондентов выбрала «другие» варианты ответов, подразумевающие более сложный и неоднозначный характер оценки, чем «да» и «нет». При этом суждения старшего поколения занимают более четкую позицию — у них меньше всего неоднозначных ответов, количество которых в возрастных группах по мере снижения возраста увеличивается.

Положительная оценка своей жизни в сопоставлении с поколением родителей наиболее высока у пожилых людей, что в контексте событий военных и послевоенных лет вполне закономерно. Наряду с этим относительно завышенные социальные оценки старшего поколения могут быть объяснены причинами субъективного характера. Так, с возрастом снижается уровень требований, пожилые люди имеют склонность не показывать свою неудовлетворенность жизнью.

Жизнь последующего поколения оценивается пожилыми людьми негативнее, чем другими возрастными группами — 36,5 % пессимистических ответов. Согласие с такой точкой зрения выразили также 28,4 % молодежи и 33,5 % представителей среднего поколения. В целом можно констатировать, что субъективное восприятие реалий, представленное в оценках жизни, позитивно и означает относительно успешную адаптированность населения к новым социальным условиям.

Важным фактором, воспроизводящим неравенство между пожилыми и другими возрастными группами, стало отношение к первым общества: негативные стереотипы, предрасудки определяют пожилых людей как бедных, больных и немощных, одиноких, нуждающихся, неспособных к активной и полноценной деятельности и пр., дискриминируют их и их семьи. Стереотипы старости в общественном сознании оказывают значительное влияние на пенсионеров по возрасту, во многом определяя их активность и отношение к своей жизни на пенсии, своим возможностям и способностям, правам и обязанностям.

В связи с этим предложен вопрос «Людей в пенсионном возрасте называют по-разному. С каким определением Вы скорее всего согласны?». Наиболее распространенной характеристикой в ответах всех поколений оказалась «пенсионер»

(53,7 %). Другими словами, восприятие осуществляется в институциональном аспекте, в соответствии с легитимными возрастными практиками, изменением статуса человека после выхода на пенсию. Ответы «зрелый человек», подчеркивающие жизненный опыт и мудрость в старшем возрасте, авторитет, самоуважение и уважение со стороны современников, находятся у пожилых людей на 2 месте (19,1 %), в отличие от молодежи и людей среднего возраста (11,9 и 11,4 % соответственно).

Ассоциации по возрастному признаку («пожилой», «старик», «престарелый») молодежи свойственны в большей мере, чем представителям среднего поколения, а им, в свою очередь, чем представителям старшего поколения. Объяснением этому может стать понимание обозначенного Э. Е. Чекановой противоречия «между субъективным ощущением внутренней молодости и внешним процессом биологического старения»¹.

В условиях кардинальных трансформаций особый интерес представляет перечень собственных вариантов определения людей в пенсионном возрасте. Тех, кто не ограничился предложенными вариантами (1,3 % ответивших или 25 чел.), можно условно разделить на позитивно воспринимающих пожилых и негативно воспринимающих.

Имеющая позитивную направленность номинация «умный» по содержанию близка, на наш взгляд, варианту «зрелый человек». Самоотождествление «бабуля (дедуля)» предполагает выполняемые семейные роли. Пожилые люди рассматриваются и как индивиды, отличившиеся заслугами за общественно-полезную деятельность: в представлении молодого поколения — «заслуживший отдых», в представлении среднего поколения — «трудом заслуживший отдых», «уважаемый», «уважаемый пенсионер». Примечательно, что пожилыми людьми не обозначены позиции их социальной значимости, т. е. они не ощущают своих трудовых или военных заслуг перед обществом, Родиной.

Как в сознании пожилого человека, так и других людей получают выражение и негативные стереотипы старости. Выделяется точка зрения, акцентирующая бедность пожилых людей, их уязвимое материальное положение — «нищий». Пожилой человек характеризуется как «больной», т. е. через состояние здоровья. Следующие интерпретации отражают

практики игнорирования пожилых людей обществом, государством, людьми, репрезентирующие у них «синдром ненужности»: в представлении молодого поколения — «старый лом», «обездоленный государством», в представлении людей среднего возраста — «никому не нужный», «списанный», в представлении самих пожилых людей — «брошенный человек», «негодные обществу люди». Некоторые опрошенные, не согласные с определениями в анкете, не смогли дать свои ответы.

Результаты проведенного социологического исследования показали, что в общественном сознании наблюдается устойчивая ассоциация между выходом на пенсию и пожилым возрастом, переходом в «старость». Вместе с тем не изжиты проявления эйджизма, возрастных стереотипов в отношении пожилых, осложняющие адаптацию к статусу пенсионера, жизни на пенсии. На наш взгляд, очевидна необходимость мер, способствующих формированию и развитию в социальных установках «восприятия жизни на пенсии через призму обновленного смысла жизни»², толерантности, эмпатии, позитивного отношения и большего уважения к согражданам старшего поколения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чеканова Э. Е. Социальное конструирование старости в современном обществе: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов 2005. С. 26.

² Словарь-справочник по социальной геронтологии / Отв. ред. Б. Г. Тукмцев; Министерство образования Российской Федерации [и др.]. Самара, 2003. С. 162.

Поступила 02.10.07.

Ш. Г. СЕИДОВ **ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА**

Информационное пространство отличается от общества, в котором преобладают традиционные промышленность и сфера услуг тем, что информация, знание, информационные услуги и все отрасли с их представлением (телекоммуникационная, компьютерная, телевизионная) растут более быстрыми темпами, являясь источником новых рабочих мест, доминируя в экономическом развитии¹.

В современных условиях, когда информация стала не только средством познания, предметом коммуникации, но и средством управления, влияния на социально-экономические отношения, возникают проблемы формирования информационного пространства; особенностей этого процесса в региональном социуме; регулирования социальных отношений, опосредованных через коммуникации в информационном пространстве.

В условиях разнонаправленности социальных процессов, множества вариантов их развития возникает необходимость разработки такой концепции исследования формирующегося единого информационного пространства, которая позволит создать и основу концепции его управления.

При разработке концепции необходимо иметь в виду, что информационное пространство проникает в структуры социальной, политической, экономической сфер страны в целом и регионального социума, в частности. При сравнительном анализе и типологии региональных социумов имеется множество индикаторов. Следует учитывать роль исторических традиций, культуры, уровень социально-экономического развития региона при анализе информационного пространства и факторов его формирования в регионе. Надо также учитывать нелинейный характер социальных и политических изменений современного общества.

СЕИДОВ Шахрутдин Гаджиалиевич, доцент кафедры политологии и основ права Пензенского государственного университета, кандидат философских наук.

Важным является выбор методологического подхода, позволяющего поставить задачи и сформулировать концептуальные гипотезы. На наш взгляд, перспективен в этом отношении институциональный подход, весьма распространенный сейчас не только в исследованиях, например, государственной и муниципальной службы², но и макросоциологических изысканиях. Несомненный интерес представляет концепция институциональных матриц³.

Каким образом возможно регулирование социальных и политических отношений в информационном пространстве? Как информационное пространство влияет на изменение социальной и политической реальности? Какие образцы поведения, кодексы складываются в информационном пространстве?

Отвечать на эти вопросы, на наш взгляд, следует с классификации регионов по их возможностям интеграции в информационное пространство. К концу XX — началу XXI в. оно развивается на глобальном, или мега-уровне, выходящим в сферу международных отношений; государственно-общественном, ограниченным не только территориальными рамками конкретной страны, но и представленным обществом, которое исторически сформировалось в пределах данного государства, или ряда государств (средний, или мезо-уровень); региональном, охватывающим условия жизнедеятельности регионального социума, т. е. части населения конкретного государства (микро-уровень).

Такая типология выступает в качестве необходимой методологической предпосылки. Можно заметить, что современные средства коммуникации настолько меняют обычное понимание территории, пространства, увеличивают возможность и активность социальных контактов, что все чаще приходится говорить о виртуальных сущностях, успешно заменяющих реальные.

Результатом таких исследований может стать создание «Информационного атласа современного российского общества». Такое исследование требует междисциплинарного подхода, реализуемого в сочетании политологических, социологических и математико-статических методов исследования.

Классификация регионов (субъектов РФ) по их возможностям и перспективам интегрирования в единое информационное пространство, на наш взгляд, должна быть проведена с помощью создания системы индексов, к кото-

рым могут относиться индекс развития информационной инфраструктуры, включающий обеспеченность ПК на 1 тыс. чел., обеспеченность радиоприемниками и радиостанциями, обеспеченность телевидением и количество телеканалов, количество пользователей Интернет и доступных сайтов, обеспеченность юридических и физических лиц телефонами, факсами, модемами; индекс качества жизни населения региона, включающий на душу населения уровень доходов населения, структуру расходов населения, уровень образования населения, обеспеченность жильем, государственные затраты на здравоохранение, образование, социальное обеспечение на душу населения; индекс социальных коммуникаций в сфере управления, включающий показатели деятельности отделов по связям с общественностью в системе государственного управления, результаты опросов общественного мнения о важнейших управленческих решениях (законодательных инициативах, целевых программах); индекс интеллектуального потенциала регионального социума, включающий доли населения с профессиональным (начальным, средним, высшим) образованием, количество образовательных учреждений (по уровням подготовки), выпуск специалистов (по группам специальностей и уровням подготовки), характеристики научной деятельности и ее показатели; индекс информатизации сфер жизни общества государства, региона), включающий показатели наличия и использования информационных систем в различных сферах жизнедеятельности общества (производство, образование, здравоохранение, управление и др.), виды рекламы (в зависимости от назначения и сферы применения).

Такой подход и мониторинг системы индексов создадут концептуальные основания регулирования информационных процессов в обществе и региональных социумов, с целью интегрирования их в единое информационное пространство.

Содержание понятия «единое информационное пространство» означает не только то, что оно охватывает все общности, слои и социальные коммуникации, но и экономическое, социальное, политическое пространства, участвующие в процессе накопления и передачи информации. Более того, информация посредством обратной связи влияет на деятельность всех общественных акторов, социальное поведение. Уровень воздействия современных СМИ на общественное

сознание дает основание предположить, что происходит политизация информационной сферы.

По результатам исследований участия бизнеса в избирательных кампаниях, проведенных в 2005 г. Государственным университетом — Высшей школой экономики и Фондом содействия законодательному обеспечению стратегий развития регионов к факторам, определяющим размер избирательного бюджета политических партий, относятся (среди прочих) доступность информационных каналов и наличие развитой агитационной сети, причем значительные средства направляются не только на освещение деятельности партий в СМИ, но и на обеспечение лояльности журналистов и даже лидеров общественного мнения⁴. Для избежания стихийности, нужны продуманные управленческие решения, использующие действительно демократические механизмы управления.

Средствами регулирования процесса формирования единого информационного пространства, постепенно становящегося неотделимым от политического, возможно, станет использование различных каналов демократического влияния (участие в массовых движениях, социальная экспертиза, формирование общественного мнения и его учет при разработке и реализации управленческих решений).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Писачкин В. А., Поверинов И. Е. Информационное пространство социума: структура, трансформация и региональная специфика. Саранск, 2005 С. 59.

² См.: Зинченко Г. П. Социология государственной и муниципальной службы: институциональный подход // Социол. исслед. 1996. № 6. С. 102—109.

³ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

⁴ См.: Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Механизм «политического инвестирования» // Полит. исслед. 2006. № 2. С. 110—121.

Поступила 16.10.07.

В. А. НЕЧАЕВ

Т. Е. ИЗОСИМОВА

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И РЕСУРСЫ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Решение многих вопросов в области экономики, образования, социальной сферы, политики невозможно без массового внедрения и использования информационно-коммуникационных технологий. На обеспечение взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с гражданами и хозяйствующими субъектами направлено большинство проектов информатизации Республики Мордовия, различающихся как по конечному результату, на которые они нацелены, так и по техническим и программным подходам к их реализации. Особое место среди них занимают социально-ориентированные проекты («Создание системы персонального учета населения Республики Мордовия», «Создание электронного социального регистра населения Республики Мордовия», «Создание системы мониторинга социально-экономического развития Республики Мордовия» и др.). Эти проекты призваны удовлетворить потребности

НЕЧАЕВ Виктор Анатольевич, заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия, доктор технических наук, профессор.

ИЗОСИМОВА Татьяна Евгеньевна, соискатель отдела социально-экономического развития Республики Мордовия НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

граждан в информационных ресурсах и государственных услугах, а также обеспечить социальную ответственность государства перед населением.

В Мордовии в настоящее время имеется большое количество разноуровневых и разнофункциональных информационных ресурсов и систем, в том числе по учету населения, составляющих значительный потенциал. Однако его использование пока недостаточно эффективно, так как имеются и проблемы, например, дублирование отдельных показателей. Орган, производящий первичный сбор информации, вынужден в целях однозначной идентификации заносить определенный набор данных, содержащийся в документе, представленном гражданином в качестве удостоверения личности. Остальные собираемые персональные данные являются информацией, необходимой для реализации социально-экономических задач и других функций, возложенных на конкретный государственный орган. Имеет место несовместимость баз данных. В различных информационных системах используются разные форматы представления данных, собственные классификаторы и справочники, что приводит к усложнению информационного взаимодействия в автоматизированном режиме и требует разработки специальных средств автоматического перекодирования.

Невозможность однозначного соотнесения записей о физическом лице из-за несовместимости баз данных различных ведомств иногда ведет к ошибочным решениям при оказании услуг гражданам, а также при разработке и реализации социально-экономической политики органами государственной власти и местного самоуправления. Невозможность полного охвата всех групп населения, подлежащих обязательному учету по тем ли иным основаниям из-за отсутствия эффективного межведомственного информационного взаимодействия, что связано с реализацией соответствующих функций министерств и ведомств и необходимостью решения широкого круга задач, связанных с проведением социально-экономической политики и оказания услуг гражданам.

Неэффективность использования средств бюджетов всех уровней, направляемых на нужды государственного управления, связана с дублированием различными органами функций в области сбора персональных данных. Имеет место несовместимость программно-технических платформ различных

информационных систем, что предполагает дополнительные сложности при автоматизированном межведомственном обмене. Не улучшает ситуацию несовершенство нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы сбора, хранения, использования, распространения и уничтожения персональной информации. Отсутствуют стандартизированные общероссийские системы справочников и классификаторов, используемых при формировании персональных данных.

Указанные проблемы значительно сдерживают повышение качества и эффективности обслуживания населения. Это, в частности, касается неполного охвата населения, низкого уровня автоматизации, невозможности своевременного получения полной, достоверной и актуальной информации о населении. Более того, наличие этих проблем демонстрирует разобщенность информационных систем в стандартах функциональности и технологий. В ряде случаев присутствует разработка собственных стандартов обмена и управления информацией, ибо соответствующих регламентирующих этот процесс документов просто нет. При этом технологические решения обычно довольно удачны с точки зрения решения локальных задач. Однако подавляющее число внедренных информационных систем спроектировано без учета единой функциональной модели государственной деятельности. Узкая целевая направленность существующих систем, как правило, порождает низкую степень поддержки межфункционального взаимодействия ведомств.

Таким образом, можно констатировать необходимость обеспечения единого порядка сбора и использования персональных данных, а также создания некоей системы, обеспечивающей интеграцию существующих автоматизированных систем учета населения в рамках единого информационного пространства.

Создание такой системы в Мордовии началось с 2003 г. в рамках ФЦП «Электронная Россия 2002—2010 годы» совместно с Минэкономразвития России. Работы продолжаются и сегодня. Участие республики в качестве пилотного региона в реализации этого проекта позволило привлечь из средств федерального бюджета более 30 млн руб., из средств республиканского бюджета выделено около 30 млн рублей. Система персонального учета населения (СПУН) создается как территориально распределенная информационная система

на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, обеспечивая взаимодействие автоматизированных систем учета органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций в части сбора, хранения, передачи и использования персональных данных граждан¹.

Основными источниками данных для систем персонального учета стали службы, ответственные за регистрацию событий естественного жизненного цикла человека и миграции населения. В разработанной в 2006 г. Концепции системы персонального учета населения Республики Мордовия, определяющей роль и место системы в структуре государственных и муниципальных информационных систем Мордовии и их ресурсов, цели, архитектуру, структуру, функции и основные этапы создания и развития системы, в республике в качестве таких служб выступают органы ЗАГС, органы паспортных столов ЖЭО, органы ЖКХ, а также органы местного самоуправления.

Наиболее массовое распространение и внедрение в республике получила АИС «САО». Это обусловлено рядом причин, в том числе и наибольшим количеством объектов автоматизации (городские и сельские администрации муниципальных районов республики, формирующие свой информационный ресурс на местах). Общее по республике количество объектов, автоматизированных АИС «САО», более 400. Развертывание АИС «САО» происходило в несколько этапов. Положительный результат и опыт, накопленные при внедрении системы в пилотных зонах (всего 7 сельских администраций 5 муниципальных районов республики), позволили за короткое время внедрить систему по всей республике. Основной задачей, решаемой при внедрении АИС «САО», является 100 % создание электронных баз данных похозяйственных книг в каждой сельской и городской администрациях и агрегирование этой информации на муниципальном и республиканском уровнях.

Сопоставимые по объемам и значимости результаты достигнуты при внедрении в Республиканской службе ЗАГС, а именно МАИС «ЗАГС». Система внедрена с 2003 г. и функционирует на региональном (в Архиве Республиканской службы ЗАГС) и муниципальном уровнях (в отделах ЗАГС, Дворцах бракосочетания, Дворцах торжественной регистра-

ции рождений, отделах ЗАГС по регистрации смерти, филиалах отделов ЗАГС). Информация, созданная в районных отделах ЗАГС, передается для использования в регулярном режиме в налоговую инспекцию (по рождению и смерти), пенсионный фонд (по смерти), систему «ГАС Выборы» (по смерти), районные отделы социального обеспечения (по рождению и смерти), фонды медицинского страхования (по рождению и смерти), паспортно-визовую службу МВД Республики Мордовия (по рождению и смерти), военкомат (по смерти). Кроме того, в регулярном режиме формируются 52 вида справок и отчетов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 31 октября 1998 г. № 1274. В рамках формирования данного элемента СПУН в основном создан республиканский информационный ресурс. Главная задача в настоящее время — создание агрегированного информационного ресурса и его сопряжение с другими информационными ресурсами, например, МВД РМ (миграционной службы, паспортно-визовой службы), органов социальной защиты населения РМ.

Необходимо отметить масштабы внедрения систем. АИС САО и МАИ ЗАГС внедрены на соответствующих объектах по всей республике, включая сельские и городские поселения муниципальных районов. При этом налажены взаимосвязи подсистем низшего и верхнего подуровней, так, в частности, информация сельских филиалов отделов ЗАГС, где регистрируются отдельные акты гражданского состояния, передается отделу ЗАГС муниципального уровня посредством электронных административных регламентов (ЭАР).

Как показывает практика, внедрение информационных систем на отдельных объектах автоматизации не дает целостной картины и часто приводит к коллизиям. Полномасштабная реализация проекта дает полную социально-значимую агрегированную информацию о каждом жителе республики. Безусловно, все это требует значительных капитальных вложений, однако руководству республики, понимая важность вопроса и осуществляя грамотную политику информатизации и социально-экономического развития региона, удастся из года в год обеспечивать всестороннюю поддержку и соответствующее финансирование данного проекта. Способствует этому и развитая программно-техническая и телекоммуникационная инфраструктура. Можно также говорить об

определенной образовательной инфраструктуре, поскольку сотрудники администраций муниципальных районов прошли обучение, в том числе общей компьютерной грамотности и работе со специализированными приложениями. В связи с постоянной сменой кадров на муниципальном уровне персонал проходит дополнительное обучение. На текущий момент обучение прошли более 500 специалистов.

В рамках АИС «ЖЭО» автоматизирована в основном работа паспортных столов ЖЭО городского округа Саранск, начаты работы по массовому внедрению АИС на муниципальном уровне. В 12 муниципальных районах республики система уже сдана в опытную эксплуатацию. АИС «Паспортный стол ЖЭО» имеет две модификации: собственно для паспортного стола (участка), а также для объединенного паспортного стола муниципального и городского уровней, и функционально обеспечивает регистрацию граждан по месту жительства и месту пребывания; ведение жилищного фонда и лицевых счетов; информационно-справочное обслуживание граждан и организаций; информационное взаимодействие с АИС ПВС и органами жилищно-коммунального хозяйства; информационное взаимодействие с налоговыми органами, органами ЗАГС, статистики, социальной защиты населения, с АИС «Паспортный стол ЖЭО» верхнего (нижнего) уровня; интеграцию с системой персонального учета населения, муниципальным регистром населения.

Для обеспечения взаимодействия различных автоматизированных информационных систем, контроля обмена данными между ними создаются интеграционные компоненты, которые настраиваются в каждом конкретном случае в зависимости от прогнозируемых объемов загрузки, требований по обеспечению производительности и информационной безопасности взаимодействия. Для каждой вновь подключаемой региональной тематической информационной системы разрабатываются модули интеграции. В случае невозможности создания модуля интеграции с соответствующей ведомственной информационной системой, рассматривается вариант модернизации используемой информационной системы. С внедрением такого механизма к создаваемой системе учета подключается АИС органов социальной защиты населения республики.

Авторизация и исполнение информационных запросов пользователей, доставка персональных данных из раз-

личных автоматизированных систем учета населения до пользователя, актуализация содержащихся в них данных на основе утверждаемых регламентов их взаимодействия, присвоение и хранение идентификатора персональных данных (ИПД) вместе с соответствующими им первичными идентификационными сведениями в СПУН осуществляются посредством отдельного информационно-коммуникационного компонента — репозитория СПУН.

Репозиторий СПУН создается на федеральном и республиканском уровнях и включает в себя регистр населения, содержащий ИПД и соответствующие им первичные идентификационные данные; метабазу, размещающую сведения о наличии персональных данных в отдельных автоматизированных системах учета населения на всех уровнях, условиях и процедурах доступа к ним, способах и интерфейсах их взаимодействия между собой; систему реализации ЭАР (сервисов) (исполнения запросов) для получения персональных сведений в рамках СПУН в соответствии с административными регламентами, утверждаемыми нормативными правовыми актами; единую систему справочников и классификаторов; портал СПУН; подсистему информационной безопасности СПУН. Кроме того, в репозитории федерального уровня хранятся все идентификаторы персональных данных с соответствующими им первичными идентификационными данными.

При наличии каналов связи, обеспечивающих непрерывный доступ (on-line), и соответствующих Web-интерфейсов, возможно подключение к репозиторию регионального уровня информационных систем и баз данных служб муниципального уровня. Это в первую очередь касается информационных систем и баз данных ЗАГСов, ПВС, ЖКХ, военкоматов. В связи с этим особое внимание уделяется вопросу защиты персональных данных на всех уровнях в соответствии с категорией информации, а также использованию современных методов защиты информации. В рамках этих работ в Мордовии разработана Концепция информационной безопасности системы персонального учета населения республики.

Репозиторий в Мордовии внедряется на республиканском и муниципальном уровнях. Основная цель такого разделения — реализация принципа децентрализации хранения

информации, уменьшение риска несанкционированного доступа ко всем персональным данным при осуществлении различных типов транзакций.

Репозиторий обеспечивает выполнение следующих видов сервисов (электронных государственных услуг, предоставляемых системой): сервисы межсистемного взаимодействия; сервисы обращений граждан к системе персонального учета населения; сервисы по ведению регионального регистра населения; аналитические (управленческие) сервисы (сервисы по сбору и хранению агрегированных аналитических данных о населении России в целом или в различных разрезах).

Сервисы системы персонального учета населения, в частности обращений граждан к системе персонального учета населения, обеспечивают реализацию целей создания системы. Основными целями при этом являются защита конституционных прав и свобод граждан; реализация государственной политики и правоустанавливающей деятельности, планирование деятельности органов власти и контроль ее результативности на основе анализа комплексной и агрегированной информации о социально-демографической структуре и составе населения; выполнение органами государственной власти контрольно-надзорных функций, а также правоприменительных функций, включая предоставление государственных услуг населению; улучшение информационного обслуживания населения и сокращение потерь времени при обращении граждан в органы государственной власти и местного самоуправления.

За счет создания информационной системы персонального учета населения и обеспечения в ее рамках регламентированного доступа уполномоченных органов власти к данным о населении возможно проведение анализа развития территорий в целях формирования социально-экономической политики республики, в том числе проведение государственной политики в части мониторинга и планирования социально-экономического развития Мордовии и ее муниципальных районов, а также планирование и реализация мероприятий по социальной защите и охране здоровья населения, проведение политики в области создания и поддержания социальной инфраструктуры в сфере образования, здравоохранения и др.

Кроме того, учет показателей естественного движения населения на основе достоверных и актуализированных

персональных данных позволит прогнозировать демографические процессы, что будет способствовать выработке мер государственной политики в этой области. Обеспечение учета временных и постоянных иммигрантов в рамках системы и доступа к этим данным уполномоченных органов власти позволит осуществлять эффективную государственную миграционную политику.

Обеспечение эффективного контроля за экономической деятельностью граждан в рамках системы персонального учета поможет проводить взвешенную и сбалансированную фискальную политику, совершенствовать системы сбора налогов и распределения доходов бюджета, повысить эффективность мер в области борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями. Создание системы и обеспечение учета граждан позволит составить достоверные списки избирателей, сформировать списки призывников для военкоматов, а также более эффективно решать задачи социального обеспечения, трудоустройства, образования и охраны здоровья граждан. Обеспечение мотивированного доступа к персональным данным населения правоохранительных органов повысит эффективность проводимых ими оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время имеется возможность значительно расширить функции системы и использовать программно-аппаратную и телекоммуникационную составляющие для решения других важных вопросов. В последнее время особенно актуальны вопросы консалтингового сопровождения национальных проектов. В связи с этим по инициативе Правительства РМ принято решение о создании в республике Инжиниринго-консалтингового центра (ИКЦ), деятельность которого предполагает предоставление широкого спектра услуг: инжиниринговых, консалтинговых, информационных. В настоящий момент ведется совместная работа с администрациями муниципальных районов республики с целью открытия представительств (филиалов) в районах, городских, сельских поселениях и организации адресной работы ИКЦ. На персонал администраций районов (операторов комплексов средств автоматизации СПУН) возлагаются функции представителей ИКЦ. Важным положительным аспектом при этом является наличие достаточной квалификации персонала, что особенно важно для сельской местности.

Однако проблема широкого доступа населения к ИКТ до сих пор полностью не решена и приобретает социальное значение. Большая часть населения не имеет доступа к информационным системам и ресурсам, что приводит к так называемому «цифровому неравенству», а оно, как и социальное неравенство, может дестабилизировать нормальное функционирование взаимосвязей государства и общества. С целью достижения «цифрового равенства» необходимо обеспечить возможность доступа населения к персональным компьютерам, в том числе в общественно доступных местах (почта, публичные библиотеки и т. п.).

В Мордовии готовится к реализации проект по внедрению технологии Wi-Max, обеспечивающей универсальный беспроводной доступ к услугам информационных и коммуникационных технологий. Посредством широкого спектра устройств (рабочих станций, портативных устройств и мобильных телефонов, бытовой техники «умного дома») и их логического объединения, локальных сетей появится дополнительная возможность доступа граждан к предоставлению государственных услуг.

Вместе с тем проблема «цифрового неравенства» заключается не только в трудностях физического доступа к технологиям, но и в уровне компетентности в области информационных технологий широких масс населения. Поэтому важным становится создание образовательных и просветительских программ и центров для обучения широких кругов населения использованию ИКТ. В Мордовии эту задачу предполагается решать посредством реализации программы «e-Citizen-Электронный гражданин», в рамках которой человек, прошедший обучение и успешно сдавший тест, получает международный сертификат — «Паспорт Электронного гражданина», подтверждающий, что знания и навыки обращения с персональным компьютером и основными программными приложениями его обладателя соответствуют мировому стандарту. К реализации такой программы приступили в Ханты-Мансийском автономном округе, Нижнем Новгороде, ряде других субъектах России, а также в Великобритании, Финляндии, Норвегии и других странах Европы.

Таким образом, в Республике Мордовия идет активный процесс формирования и интеграции информационных систем

и ресурсов на основе применения новых информационных технологий. Координация этого процесса и его участников осуществляется на уровне органа власти, реализующего государственную политику в области информатизации. Важное значение при этом имеют создание новых и эффективное использование имеющихся систем. Созданы и совершенствуются основы правовой поддержки процесса формирования и использования информационных систем и ресурсов на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделяется системе информационной безопасности СПУН. Осуществляется постоянная подготовка и повышение квалификации персонала, ответственного за формирование и использование информационных систем и ресурсов. Обеспечиваются постоянные сопровождение и программно-техническая поддержка функционирования СПУН Республики Мордовия специалистами республиканских компаний.

Система персонального учета населения Мордовии как совокупность информационных систем и информационных ресурсов республики может и должна стать катализатором социально-экономического развития региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее использовано Технико-экономическое обоснование создания СПУН.

Поступила 11.02.07.

В. Н. РОМАНОВ

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТАРНОСТИ

В последние годы вновь заговорили о целесообразности возврата к государственному планированию, механизмам управляемой экономики, необходимо помнить, что все экономически развитые страны используют смешанные формы хозяйственно-экономической деятельности: от прямого государственного управления до участия государства в виде держателей пакетов акций многих ведущих корпораций той или иной страны или трансконтинентальных корпораций. Одновременно создаются широкие возможности для развития индивидуального предпринимательства в сфере услуг и питания, ограничивая доступ в некоторые сферы тяжелой индустрии, науки и культуры. В науке и культуре заложены основы государственной и общественной безопасности, сохранения морали, национальных традиций и духовности сообщества.

Мы не претендуем на детальное рассмотрение взаимовлияния макроэкономических процессов с социально-политическими и культурно-мировоззренческими свойствами цивилизаций. Понимая, что именно они сопряжены с этнической ментальностью и национальным мировоззрением, трансформирующимися в мыслительную и поведенческую форму, умышленно не затрагиваем тему этнического предпринимательства. Здесь нет безоговорочного отказа от рассмотрения существования в этническом социуме конвергентированных мыслительных свойств. Тем не менее, имеющиеся некие особые ментально-мыслительные свойства этносов затрагиваются лишь вскользь, как социокультурное наследие.

Последователи В. О. Ключевского связывают с природно-экономическими факторами тип хозяйственной дея-

РОМАНОВ Василий Николаевич, доцент кафедры журналистики Ульяновского государственного университета, доктор философских наук.

тельности русских, характер земледелия, выбор русскими типа государственности и взаимоотношений с соседними народами. Безусловно, эта позиция не лишена научности и актуальности. Тем не менее, объяснять формирование ментальности народов только ландшафтным фактором, на наш взгляд, недостаточно. В. В. Ильин несколько иначе трактует принципы формирования этнокультурной, в частности, восточной ментальности. В отличие от западных цивилизационно-экономических форм развития, он выделяет восточную генеративную основу: выработку политарной (кратократической) жизнепродуктивности. Он считает, что необходимость налаживания затратного воспроизводства на аллювиальных почвах предполагала контингентирование трудовой кооперации, которая в качестве приводных ремней социальности акцентировала такие комплексы, как деспотизм, централизм, администрирование, этатизм, общинность. Исторически сплачиваясь, уплотняясь, структурно они воплотили незападный путь развития¹.

В определенной степени выбор способов хозяйственно-экономической жизнедеятельности зависит и от свойств цивилизационного наследия в социуме. В российском культурном пространстве этим может стать коллективная форма труда, предполагающая более эффективное управление экономикой в суровых условиях жизнедеятельности, чем индивидуальная форма работы. Россия исторически была тесно связана с Востоком политико-экономическими отношениями. Историческая взаимосвязь России и Востока породила не только универсализм духовности российской культуры, но и вывала способы экономического хозяйствования.

Драматизм интеракции Восток—Запад для России проявлялся и в том, что истоки своей судьбы Русь—Россия изначально связывает с Византией, которая на протяжении всей своей истории находилась во внутренних противоречиях и постоянном внешнем противостоянии к Риму. Русь связала себя со всегда стоявшей на подступах к крушению или возвышению социальной системой Византии. Россия связала себя с неустойчивой социальной технологией государственного строительства. Парадоксальным было и то, что у этого старого тела, построенного на разваливающемся фундаменте римской империи, в то же время имелось молодое, сильное и агрессивное в ту пору духовное нача-

ло — христианское духовное ответвление — православие. Как и всякая молодая культура, молодой социум и молодая душа, возникшее православие имело собственный культурный потенциал, обладало агрессивным стремлением для реализации-воплощения себя в греко-славянском социуме того времени. Как социальный организм эта духовная система со своим возвращенным общественным сознанием византийского толка стала бороться против фальшивого высокомерия Запада, гласящего: падет Рим, и придет конец миру. Поэтому охраняйте Римскую империю и сохраняйте ее в единстве, а раскольников-византийцев гоните прочь. То есть, еще в те далекие времена в Римской империи ковались истоки будущего цивилизационного противостояния и «прозападного» общественного сознания, гласящего, что только консолидация усилий всех римлян против Византии сохранит жизнь на Земле, поскольку византийцы — олицетворение востока и дикости, а значит варварства и зла. Уже тогда Запад (в лице Рима) видел в Востоке (в лице Византии) своего смертного противника — «империю зла», как сказал Запад через сотни лет устами США в адрес СССР, — а в последующие исторические эпохи это отношение трансформировалось во взаимоотношения с «новой Русью» — Россией-СССР. Но византийцы не только не вняли уговорам римлян, более того, создали собственное государство по образу и подобию Римской империи².

Сказанное ведет к осмыслению вопросов приоритетности в цивилизационном процессе России, как в историческом, так и в современном социальном аспекте. Именно возникшая в социальном пространстве Византийской империи восточная духовность сыграла для России одну из ведущих ролей в формировании социальной и политической культуры, а также способов хозяйствования. Возникшие в последующем монастыри использовали способы коллективного (общинного) труда, воспитывали коллективистское (соборное) сознание. Именно эта философско-хозяйственная парадигма в процессе своей эволюции заложила в России основы монастырского способа хозяйствования — коллективизм и общинность. Это связано с тем, что именно общинный труд давал возможность получить больших результатов, чем труд индивидуальный. С точки зрения форм и способов хозяйствования монастыри в России, по- существу, были крупными коллективными

сельхозпроизводителями-колхозами. Поэтому в голодные годы в России светская власть всегда обращалась к монастырям за помощью в поставках хлеба и других продуктов. Именно поэтому в годы коллективизации в СССР «монастырская» хозяйственная структура в виде колхозов была поддержана большинством народов. С конца 80-х гг. XX в. современные российские «евроцентристы» и антикоммунисты начали борьбу с коммунистической (как им кажется) идеологией коллективизма, «общинной» по своей содержательности и формой жизнедеятельности. Как и «западники» 30—50-х гг. XIX в., и эти реформаторы никак не могут осознать парадигму российского социального сознания, сформированного православной церковью в русском этническом социуме в течение тысячелетия, а в многоэтническом российском сообществе это мировоззрение подкрепляется еще и трудовыми традициями ислама, буддизма и язычества.

В советский период страны общинная идеология «природопользования» претерпела «светскую» социальную трансформацию в виде колхозов, которые привели страну к значительным успехам и в технологии сельхозпроизводства, и в духовно-культурном прогрессе. Дух «коллективизма» в идеологии коммунизма был не чем иным, как идеологией «общинности» православной церкви, а также в некотором трансформированном виде и ислама. С точки зрения гносеологии, если рассмотреть духовно-организационную парадигму деятельности в пастве православия и парадигму «коммунистичности» в миру, то можно вывести почти что «слепок» двух парадигм: только одни действуют в духовном мире, другие — в светском.

Уже по прошествии веков некоторые идейные ответвления католицизма стали проповедовать идеи накопительства, стяжательства, облекая их в формулировки о «свободе личности». В то же время в православном и в исламском мире идея «свободы» воспринимается как свобода от греха. Ведь в современном теологическом пространстве только католицизм и некоторые его ответвления проповедуют дух индивидуализма, но и эти проповеди в последние века претерпевают содержательную трансформацию.

По поводу восточных политарных культур, коллективных способов хозяйствования и западного индивидуализма, частнособственничества специалисты разных областей социаль-

ного знания размышляют давно. В. В. Ильин, полагает, что «европеизм» и «азиатчина» — квалификации не цельные, не одномерные, не плоскостные. «Европеизм» неправильно напрямую связывать с «культурой», «просвещением», «прогрессом», равно как «азиатчину» — с «неразвитостью», «отсталостью», «регрессом». Качества лидерства, пионерства, превосходства применительно к цивилизациям транзитивны; степенная дилемма «отставание» — «опережение» не константа. Было время, когда Восток был неизмеримо выше Запада не только благодаря превосходству своей цивилизации, но и благодаря гораздо более высокому уровню хозяйственной жизненной энергии. Соответственно в настоящий момент Япония превосходит США по компьютерным технологиям, США опережает Германию, но Германия, в свою очередь, не имеет равных себе в механике. Таков капитальный закон сохранения: в одном месте убудет, а в другом прибудет»³.

Высший смысл русские мыслители всегда искали за пределами реального мира. Порок органической модели цивилизаций, уподобляющий социальный прогресс индивидуальному росту, заключается в иллюзорности аналогии: не удастся ввести ясных оснований апогея и перигея состояний социумов, задать понятие поворотных, развилочных, кульминационных точек развития; установить циклику фазовых изменений⁴.

Взаимосвязь Востока и Руси берет свое начало с первых опытов создания своей государственности. Первые образцы подобного созидания она (Русь) получила из рук властителей Золотой Орды и Византийской Империи. Хотя отношения с Византией у Руси были налажены раньше, чем до нашествия монголов, но собственного опыта и теоретических знаний в государственностроении русичам не хватало для имперостроения. С приходом в этносферу русских Золотой Орды, совместное с монголами соуправление государством стало для русских огромной школой имперостроения. Безусловно, и это детерминирует приоритеты развития общественного сознания, формирования способов хозяйственного развития, эволюционных особенностей народов России.

О феномене культурной и этноэкономической предрасположенности народов ученые спорят давно. Их взгляды по этому поводу значительно отличаются друг от друга. В одних случаях этот феномен объясняется вынужденным характером этнического предпринимательства, в других — определяет

как «тотальное освоение территории под собственные экономические уклады»⁵.

Как бы там ни было, этническое сознание способствует мобилизации этносом своих внутренних ресурсов и оказывает содействие эволюции мыслительных свойств этнического субъекта, будь это предпринимательские черты, или же иные интеллектуальные особенности человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин В. В. Российский цивилизационный космос // Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 28—29.

² См.: Боголюбов Н. Ислам, его происхождение и сущность по сравнению с христианством. Самара, 1881; Браславский Л. Ю. Ислам в Чувашии. Чебоксары, 1997.

³ Ильин В. В. Российский цивилизационный космос... С. 37—38.

⁴ Там же.

⁵ См.: Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Обществ. науки и современность. 1996. № 1. С. 111.

Поступила 08.12.06.

**Е. С. БАХМУСТОВ СЕКТА БЕГУНОВ —
РАДИКАЛЬНЫЙ ТОЛК РАСКОЛА**

Секта, известная в истории инаковерия под названиями бегуны, или странники (подпольники, скрытники, скитальцы и др.), является одним из поздних проявлений беспоповских согласий и последних звеньев в цепи расслоения и трансформации беспоповского крыла Раскола. Дифференциация беспоповцев на различные группы вызвана разногласиями между старообрядческими харизматическими начетчиками, ослаблением строгостей и отступлением в основном согласии установленных правил, прежде всего этических. Человеческий фактор вкупе с отсутствием четкой организационной структуры в беспоповстве привели к упадку поморства, а затем и его преемника, гораздо более радикального и неуступчивого филипповского толка.

Несмотря на весь спектр «жесткости», демонстрировавшейся филипповцами, нашелся проповедник, который пришел к заключению, что и они пошли на соглашательство «со властью антихриста». В послепетровскую эпоху «древнее благочестие» взялся охранять бывший солдат Евфимий, основатель новой секты — одной из самых непримиримых и воинственных в истории религиозного инаковерия в России — секты бегунов.

Уроженец Переяславля Залесского, Евфимий несколько лет прожил среди филипповцев Москвы. Наблюдая своих одноверцев, он вскоре пришел к выводу, что они двуручнически пошли на компромисс с мирским и духовным начальством и подчинились «законам градским». Составив так называемое «Разглагольствование» из 39 вопросов, он послал свое сочинение-запрос московским вождям филипповцев А. Балчужному, Н. Спицыну и др., настаивая на объяснении их соглашательства и неувязки теоретических вероисповедальных постулатов с практикой отношений с «антихристовым воинством». Не получив ответа, Евфимий выступил с проповедью полного социального нигилизма и

БАХМУСТОВ Евгений Сергеевич, аспирант кафедры философии для гуманитарных факультетов Мордовского государственного университета.

анархизма. Основой его учения стало олицетворение антихриста в конкретном лице, а именно — в недавно умершем императоре Петре I. Евфимий не был в этом оригинален: к такому же выводу приходили и расколоучители конца XVII — начала XVIII в., и еретик Григорий Талицкий, казненный за учение о Петре-антихристе. Евфимий оказался в этом вопросе не менее последовательным, чем предшественники. Более того, он распространил антихристово-клеимо на всю власть: «Апокалиптический зверь — есть царская власть, икона его — власть гражданская, дело его — власть духовная», — учил новый проповедник богословских крайностей. Поэтому, по логике Евфимия, следовало порвать всякую связь с обществом и государством, не брать паспортов, не идти на военную службу, не обращаться в суд, не платить налоги, но «достоить таиться и бегать», то есть не иметь дома, семьи, а только постоянно скрываться и избегать всякой связи с людьми, носящими печать антихриста, в том числе и со старообрядцами. Так зародился новый толк странников, или бегунов, который сначала развивался в знаменитом за столетие перед этим своими гарями Пошехонье, на юге Ярославской губернии. В отличие от филипповцев, учивших, что от преследования властей надо спастись в огне гарей, бегуны проповедовали, что от преследований надо просто бежать.

Бегуны никогда не отличались многочисленностью, но сразу после своего появления при Екатерине II быстро распространились в Костромской, Ярославской, Олонецкой и Владимирской губерниях, чуть позже — в Тверской, Вологодской губерниях и в Западной Сибири, а в XIX в. и в нескольких губерниях Среднего Поволжья.

Новое согласие дошло до крайности в деле отрицания устоев окружающего мира. Все существовавшее на Руси, говорило это учение, или произведено антихристом, или заклеяно его скверной печатью: учреждения, установления, порядки, обычаи, образ жизни, разговоры и т. д.¹ По учению бегунов считалось грехом даже жить среди православного населения, равно как среди раскольников другого толка или согласия. В 1772 г. Евфимий пришел к заключению, что подлинный «православный» должен сам принимать новое крещение и при этом сам себя крестить, чтобы быть уверенным, что никто, связанный с антихристом, не оскверняет таинства.

Неофитам Евфимий объяснял, что тот, «кто измывается в истинной купели Христа Бога», поистине воскресает и чист и светел от тьмы бывает; кто же во антихристову купель измыватися слазит, то ровно в кал главня омочится, паче скверней и смрадной оттуда возникает... Все, которые во Христа крещаются, в правду и премудрость облачаются, а те, которые в сатану погружаются, облачаются в стыд и срамоту». При этом он ссылался на текст из слова Кирилла Иерусалимского о еретическом крещении².

По своему поведению бегуны отчасти напоминали монахов, что признавали и исследователи, видевшие параллель между бегунскими начетчиками и иноческим священством. «Сан свой странники считают иноческим, и поэтому все мужчины и женщины обязуются вести жизнь безбрачную и целомудренную по древнему уставу Соловецкого монастыря... Странники-мужчины обыкновенно называются между собой братьями и старцами, а женщины — сестрами и старицами», — отмечал в своем труде об инаковении архимандрит (впоследствии митрополит) Макарий³.

Отдельно стоит сказать о вопросе безбрачия в учении бегунов. Подобно монашескому уставу, учение сектантов-странников отрицало возможность брака, но в отличие от православных, для которых брак — священный союз перед Богом, брак для бегунов «большой грех, чем блуд», потому что «общение с законною женой не осудят, потому с ней легче и грешить, а блуд осуждают, и тем отчасти искупают грех» жизни в браке. Впрочем, за блуд полагалась епитимья, составлявшая, кроме строгого поста, множество земных поклонов на братской трапезе⁴. Даже сам Евфимий в этом отношении был небезгрешен. Известно, что его всегда сопровождала некая крестьянка Ирина Федорова. Следовательно, он, подобно большинству беспоповцев, снисходительно смотрел на блуд («не согрешишь — не покаешься»), но строго осуждал законный брак и семейную жизнь.

Говоря об объективных причинах такого жесткого принципа безбрачия, стоит упомянуть интересный факт. В некоторых местностях, где позже укрепились бегуны, существовал обычай брать с крепостных женщин откупные по 100—150 руб. за право не выходить замуж за немилого. В таких местах у секты бегунов всегда находились активные сообщники⁵. Рассуждая об объективных причинах появления

бегунства, нельзя не обратить внимания на политико-географический фактор. Одной из причин начала бегунства сам Евфимий называл петровские ревизии. Он замечал, что «описью Петр хотел собрати народ в единую крупу и в руке его держати»⁶. От этой руки и бежали странники в леса. Кроме всего прочего, имело значение и то, что центром бегунства являлась Ярославская губерния — промышленный и зажиточный край. Оставляя женщинам домашние и полевые работы, многие ярославцы шли в города и там оседали, зарабатывая более легкие, чем хлебопашеские, деньги. Это поголовное скитальчество ярославского населения нельзя не сопоставить если не с происхождением, то хотя бы с распространением секты бегунов. Таким образом становится понятно, почему некоторые исследователи называют странников порождением Раскола и трактирной цивилизации⁷.

После смерти Евфимия в 1792 г. его преемником стал крестьянин Крайнев, который для привлечения большего числа сторонников счел за лучшее несколько ослабить аскетические требования Евфимия в угоду богачам и молодежи. Крайнев предлагал: «Можно быть Христовым человеком и не расставаясь с деньгами, лишь бы кормить и давать приют действительным странникам». Этим было положено начало новому этапу в истории секты бегунов — «жиловому странничеству» (что даже по названию звучит абсурдно) или странноприимничеству. Теперь одни перекрещенные в бегунскую секту живут оседло, на виду и в семье, другие живут у них в подполах или находят ночлег, стол и кров.

Это сразу вызвало раскол в среде самой секты. Крестьянин Василий Петров с единомышленниками восстал против владения имуществом и денег, основав толк «безденежников». В это же время появилось еще одно любопытное согласие — «статейники», которые ввели особую странническую иерархию, во главе которой стоял основатель согласия под почетным званием патриарха. Однако влияние Крайнева и его привлекательных нововведений оказалось сильнее: «жиловое странничество» утвердилось и вытеснило все остальные толки.

Крайневское новшество, как полагают некоторые исследователи, положило начало моральному разложению секты. Теперь сочувствующие, нередко состоятельные люди, охотнее помогали бегунам, среди которых появлялось все

больше жуликов и аферистов. «У странноприимцев странники складывают захваченное ими при побеге из общества; сюда же стекаются разные подаяния, производимые часто в больших размерах богатыми людьми для содержания странников»⁸. «Понятно таким образом становится, почему в народе смотрят на странников как на людей высшего разряда, почему эти странники, очевидно нередко ловкие плуты и хитрецы, умевшие извлекать из души народа свою пользу, обыкновенно находимы были одетыми, несмотря на свое убогое странничество, очень хорошо и даже роскошно для своего быта», — это обстоятельство подмечали многие исследователи Раскола⁹.

С 30—40-х гг. XIX в. пропаганда бегунства заметно усилилась. С одной стороны, причиной этому стала бóльшая неразборчивость и снисходительность при приеме в секту. Ряды бегунов широко пополнялись беглыми каторжниками, дезертирами, не помнящими родства, распутными женщинами, высланными из сельских обществ и т. п. С другой стороны, в это время явились особенно деятельные и начитанные наставники бегунов — Кувшиновы и Никита Семенов. Ярославский крестьянин Никита Семенов даже писал сочинения, в которых доходил до такой мысли: «Крест терпения, носимый странниками, важнее креста Христова, которым искуплен и спасается грешный род человеческий».

С пополнением бегунской секты всякими отщепенцами в ней расцвели разврат и преступления. В 50-х гг. XIX в. бегуны активно занимались разбоем в Ярославской губернии, что вызвало особые экспедиции, снаряженные правительством. В это время странничество преимущественно распространялось в Поволжских губерниях: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской, особенно в двух последних, так как многочисленные рыбные ватаги охотно принимали беспаспортных.

Как утверждал С. Пономарев, в Пензенский край бегуны проникли из Саратовской губернии, густо заселенной старообрядцами разных толков. Как и в других случаях, ересь попала в край через отходников, причем первыми бегунами стали бывшие сектанты Спасова согласия¹⁰. Странничество однако не смогло здесь широко распространиться, но крепко осело в с. Соколовке Саранского уезда (80 душ), а также в Городищенском уезде в с. Мордовский Качим (до 9 душ),

Аришка (7 душ) и особенно Козарка (до 100 душ)¹¹. Статистический учет старообрядцев, особенно сектантов, страдал неточностью, что уж говорить о бегунах, для которых скрываться от учета стало смыслом жизни. Даже странноприимников подсчитать было почти невозможно, так как они или уклонялись от учета, или, что гораздо чаще, ввали о характере своего вероисповедания. Определить местонахождение бегунов можно было лишь по внешним наблюдениям (например, в доме жило 4 чел., а белья стиралось на 10), либо их ловили случайно.

Есть возможность проследить судьбу бегунов с. Соколовки. Впервые бегуны зафиксированы здесь в октябре 1884 г. Арестант Григорий Музыкалин, сидевший в саранской тюрьме, сообщил, что в его родной Соколовке у крестьян Никиты Малыгина и Ивана Страдымина в специально устроенных подполах проживают неизвестные лица из разных местностей и ведут себя подозрительно. Дознание показало, что такие подполы действительно существуют. В них были найдены различные богослужебные реквизиты. Там же проживали в общей сложности 7 чел. из Соколовки и из сел других уездов и губерний. Из них две сектантки до последнего момента утверждали, что родились на небе, а 30 сентября спустились в подпол одного из домов Соколовки (дознание показало, что обе они уроженки с. Ковалейки Городищенского уезда, и что фамилия их Данилины). Подполья были запечатаны, все найденные лица разосланы по местам рождения. История однако на этом не закончилась. Малыгин и Страдымин настойчиво просили распечатать их избы и позволить им открыто совершать свои сектантские богослужения. Их просьба вызвала необходимость в более подробных справках о новой для Саранского уезда секте, для чего в Соколовку был направлен миссионер священник с. Пятина Саранского уезда Порфирий Зарин¹². В ходе беседы с соколовскими старообрядцами (на тот момент там было до 200 старообрядцев — главным образом Спасова согласия и значительная община молокан) миссионеру удалось выяснить, что новые сектанты учат о господстве в мире антихриста и во властях видят его главных слуг. Учат, что нужно бежать и скрываться от мира, преисполненного духом антихриста. Сами сектанты наотрез отказались общаться с православным миссионером. Несмотря на общую

неприязнь большей части населения села к новым сектантам, их число быстро росло и к 1886 г. по официальным данным уже составляло 38 чел. только местных, так как сектанты-чужаки село покинули¹³. Однако некоторые местные исследователи, например А. Л. Хвощев, небезосновательно считали эти цифры заниженными. Подсчет бегунов по понятным причинам затруднялся, а иногда вовсе был невозможен. А. Л. Хвощев приводил цифру, более чем вдвое превышавшую официальную.

Однако ультрарадикализм секты бегунов выражался не только в яром отрицании Русской Православной Церкви и общественного уклада в целом. Анализ ряда работ по истории секты заставил обратить внимание еще на одну особенность, на которой авторы не заостряли внимания или подвергали ее сомнению. Однако постоянное упоминание в разных источниках одного и того же термина «красная смерть» невольно наводит на соответствующую мысль. Слухи о том, что колеблющихся в своих рядах бегуны подвергали «красной смерти», т. е. удушению специальной красной подушкой, слишком часто встречались в разных исследованиях. С. Зеньковский полагал, что «эти рассказы, видимо, обосновывались на фантазии врагов бегунов»¹⁴. Опять же неподтвержденные данные приводил священник с. Соколовки П. М. Соколов: «Говорят, что некоторые из бегунов, желая избавиться от новорожденных детей, морят их голодом или душат, предварительно окрестив»¹⁵. И снова о детях: «Странническая жизнь не допускает брака. Если странники приживают детей — бремя их скитальческой жизни — то избавляются от них всеми способами. Раз в одной местности, населенной бегунами, при чистке пруда найдено было 30 младенческих тел, и это при том, что в иных страннических местностях из 50 беременных женщин рождают только пять»¹⁶.

Несмотря на относительно слабое распространение секты бегунов на территории современной Мордовии, представляется, что утверждение типа: «бегуны стали курьезным эпизодом, местечковой экзотикой в нашем крае» является сильным преуменьшением. Несколько приведенных фактов изуверства бегунов, случившихся уже в конце XIX в., доказывают, что изуверства среди раскольников не прекратились даже в эпоху активного развития единоверчества

и лояльного отношения к старообрядцам в целом. Если не все толки могут быть признаны фанатичными и способными на изуверства, то, несомненно, таким толком должен быть признан толк странников, или бегунов, один из наиболее крайних по своему учению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пономарев С. Секта бегунов // Пензенские епархиальные ведомости. 1886. № 6. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Макарий, митр. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1889. С. 309—310.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870. С. 176.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Макарий, митр. История русского раскола... С. 310.

⁹ Андреев В. В. Раскол и его значение... С. 179.

¹⁰ Пономарев С. Секта бегунов... С. 9—10.

¹¹ Хвощев А. Л. (А. Х.) О местном расколе и сектантстве по официальным данным 1889—1997 гг. // Пензенские епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 44.

¹² См.: Православная Мордовия в лицах: Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». Вып. 1. Саранск, 2003. С. 129—130.

¹³ Пономарев С. Секта бегунов... С. 1—4.

¹⁴ Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен. 1970. С. 471.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Хвощев А. Л. (А. Х.) Очерки современного раскола и сектантства // Пензенские епархиальные ведомости. 1897. № 14. С. 500—502.

Поступила 17.09.07.

О. А. ДОРОФЕЕВА

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Мифы, мифологические представления народов всегда были объектом пристального научного внимания. Говоря о мировой мифологической системе, Е. Доброва указывает на фигурирование в древних сказаниях слова в качестве мифологемы, подчеркивая, что «слово принимает участие в создании частей космоса, человек может быть сотворен путем словесного называния его имени»¹. Е. М. Мелетинский полагает, что «порождение предметов богами путем их словесного называния (номинации) не есть чистое творение из ничего, а скорее некая духовная эманация божества, основанная на мифологическом отождествлении предмета и имени»². По мнению А. Н. Афанасьева, «богатый и можно сказать единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями»³. Ф. И. Буслаев отмечает, что «слово — не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшими ощущениями, которые природа и жизнь в человеке возбудили. Творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии. Религия есть та господствующая сила, которая дает самый решительный толчок этому творчеству, и древнейшие мифы, сопровождаемые обрядами, стоят на пути созидания языка и поэзии, объемлющей в себе все духовные интересы народа»⁴.

Понимание многих черт исконно мордовского (мокшанского и эрзянского) видения мира невозможно без анализа родственной культуры ближайших соседей финнов — славян. Со всей очевидностью можно констатировать, что мифология мордвы недостаточно изучена, исследования находятся

ДОРОФЕЕВА Оксана Алексеевна, соискатель кафедры культурологии Мордовского государственного университета.

в стадии становления, в то время как представителями русской мифологической школы собран большой фактологический материал. Перспективным в этом отношении представляется метод сравнительного анализа двух близких мифологий (мордовской и русской, шире — финно-угорской и славянской), имеющих тенденции взаимопроникновения. Следует отметить, что сравнение следует осуществлять на основе выявления характерных для каждой из культур особенностей созерцания и восприятия мира. Обе мифологии созданы народами, занимавшими близлежащие территории, находившимися в постоянном культурном контакте. Приведем следующий факт из мордовской мифологии о Нишкепазе — боге неба, солнца, света и тепла. «Черт заставляет людей убить Нишкепаза (мокш.)⁵, который подобно Иисусу Христу воскрешается и возносится на небо. Так представляется грехопадение человека, перекликающееся с христианскими верованиями о смерти Спасителя»⁶.

П. И. Мельников присоединяется к этому мнению и приводит множество примеров в подтверждение влияния христианства на мордовскую веру. Например, Николай-Чудотворец, особенно уважаемый русским народом, сделался и предметом почитания мордвы. «Он даже явился в числе пазов и называется Никола-паз»⁷. Православная церковь празднует память Николая-Чудотворца 9 мая и 6 декабря. В те самые дни мордва празднует Николе-Пазу. 17 апреля, или в ближайшую пятницу, мордва молится Нишкенде-тейтерь, богине пчеловодства. В этот же день православные молятся св. Зосиме, покровителю пчел.

На Руси многие языческие праздники также вытеснялись христианскими. Чтобы заставить христиан забыть языческие традиции, «священнослужители учреждали христианские праздники в дни, совпадавшие с языческими. Так, Илья Пророк заменил Перуна, а Параскева Пятница — Макошь»⁸. В христианской Богородице мордва признала свою богиню воды и деторождения Ведяву, в Илье Пророке — бога Атямшкой (мокш.), Пурьгинепаз (эрз.).

Мордва пережила длительную и сложную историю, отчасти донныне сохранив самобытные религиозно-мифологические традиции. В них «сочетаются отголоски древнейших форм верований и черты архаических религиозных систем (например, культа женских божеств-покровительниц, куль-

та семейно-родовых предков), влияния других древних, ныне почти полностью исчезнувших традиций (например, славянского язычества) и мировых религий, особенно христианства»⁹.

По мере персонификации сил природы верхний мир становится обителью верховных божеств Шкая (мокш.), Чипаза (эрз.), Нишкепаза (эрз.), Пурьгинепаз (эрз.), для которых характерны антропоморфные черты.

Специфика мордовской мифологии — преобладание женских божеств. Н. Ф. Мокшин считает, что «названия божеств, возникавших в эпоху материнско-родового строя, предки мордвы производили из названия олицетворяемой силы природы или места обитания людей с прибавлением слова «ава», так как это олицетворение было в образе женщины, матери»¹⁰. Покровительницей Земли являлась Маторава, ее помощницей — Модава (мокш., эрз.). Богиня леса — Вирява, земли — Модава и т. д. Богини леса и воды, занимали особое место в пантеоне мордвы. По функциям мордовская Вирява схожа с русской Бабой-Ягой. У них, по воззрениям мордвы, «имеются мужья и дети, но они самостоятельной роли не играют, выступают только помощниками богинь, исполнителями их воли»¹¹.

Следует отметить, что верховные божества мордвы уступали по значимости божествам средней части мироздания — земли, которые находились ближе к человеку, и, следовательно, необходимее. Это духи природы, ремесел, дома и хозяйства. Дух, живущий в доме, именовался Куд-ава. Божеством, покровительствующим земле, была Модава, обладательница плодородной силы. Ей посвящали много жертвоприношений. Во время цветения ржи особенно заботились о покое покровительницы пашни, боялись ее рассердить.

В представлениях мордвы, нижняя зона — мир усопших, место для душ грешников. Понятие о потустороннем мире первоначально было нечетким. Мордва не различала ада и рая (эти представления пришли позднее, с принятием христианства). Верили в единый загробный мир, где обитают предки, который мог находиться и на небе, в подземном царстве и где-то там, далеко. Владыкой мертвых был Шайтан, от которого происходило все злое в человеке. Правит подземным миром Маторпаз (эрз.), Маторатя (мокш.) (бог-покровитель подземного царства).

Религиозная система славян была многоступенчатой, боги занимали в ней высшую ступень. В древнерусских книгах, обличающих языческие верования, перечисляются боги и низшие мифологические существа, которым поклонялись восточные славяне. Набор этих имен почти полностью повторяется в разных источниках: Перун (обитает на небе и повелевает небесным огнем), Хорс или Хорс Дажьбог (олицетворял собой все то, что современный человек обозначает выражением «весь белый свет», подарил он жизнь и самому человеку, бог «разновидности огня» — Солнца), Стрибог (бог-распределитель, распространитель всеобщего блага), огонь-Сварожич (бог или дух огня), Волос (властвовал в нижней части и подземном мире, покровительствовал плодородию, богатству, торговле, скотоводству), Мокошь (единственный женский образ в славянской мифологии — повелительница темноты, нижней части мироздания, покровительница женским занятиям), а также Вилы (тридцать сестриц, т. е. упыри и берегини), Род и Рожаницы (божества рода с неясными функциями). В отличие от антропоморфных высших богов мордвы, не все славянские боги верхней сферы были таковыми. Например, волос изображался в виде змеи или в облике медведя.

Основными божествами среднего ранга у славян были Ярило (его имя означало весну, а также состояние любви и готовность произвести потомство) и Купала (первоначально божество, а позднее обряд празднования, объединивший поклонение двум противоположным стихиям — солнечному огню и воде).

Из языков, представленных в Центральной России, мордовские находятся в ключевом положении по нескольким причинам: они самые западные и географически ближе всех расположены к говорящим на прибалтийско-финских и балтийских языках. Их древние этапы близко связаны с древней историей таких же более обширных районов, чем современная Мордовия, исторически является центральной территорией мордовских языков. С доисторических времен нет возможности указать на соответствующие миграции, кроме как во времена Российского государства, когда мордовский народ переселился на довольно обширную территорию.

Совместная хозяйственная, политическая, культурная жизнь мордвы и русских привела к культурному взаимодействию этих народов, следовательно, и к языковому. Например,

в славянской мифологии Перун (создатель молнии) получил свое имя от своих молний (стрел) — перунниц. Примечателен здесь тот факт, что в греческой мифологии молнии верховного божества Зевса зовутся перунами. В мордовской мифологической системе владельцем грома и молний является Пурьгинепаз (эрз.) (пурьгине — гром; паз — бог); Атямшкай (мокш.) (атяма — гром; атя — муж, старик; шкай — бог). Антагонист Перуна Велес (Волос), имя которого созвучно с глаголом «велеть». Как считает А. Е. Наговицын, имя этого божества сводится к знанию и пониманию верховных небесных повелений. Исходя из сохранившихся обрядов, видно, что Велес (позднее святой Власий) был одним из основных, самых близких богов крестьян. Относительно второго имени (Волос) подобной конкретики нет. Большое количество растительности на лице и теле в народе — символ богатства, Велес отвечает за богатства, он тотем рода. Из этого можно повторить вывод ряда ученых, что его прототипом, скорее всего, был медведь. В «Слове о полку Игореве» Баян назван велесовым внуком, что может «отражать древнюю связь культа Велеса с обрядовыми песнями и поэзией»¹².

Вторая точка зрения состоит в том, что миф о Перуне, восстановленный по белорусской и некоторым другим славянским традициям, гласит, что он первоначально на коне или колеснице поражает своим оружием змеевидного врага или существо, которое олицетворяется Волосом/Велесом. Змеевидный враг (полоз) созвучен с именем божества. Волос властвовал в подземном мире.

Не менее интересен персонаж славянской мифологии — Сварог. Мы знаем, что Сварог связан с небесным огнем. Такие слова, как сварить, сварганить и т. д., говорят о делании чего-либо. По аналогии с другими мифологиями можно считать, что Сварог — небесный кузнец (соответствует Вулкану, Гефесту). Словом «сварга» можно назвать небо, а также «сварганить» (разговорное), т. е. сделать. Видимо, Сварог сковал небесный купол — второе небо — и пустил по нему Солнце и Луну.

Ко времени этнографических записей первоначальные функции практически единственной великой богини славянского пантеона — Макоши/Мокоши были аграрными («Макош» — «мать урожая»). Впоследствии они сократились и

Макошь стала покровительницей женских работ. Самая общая ее функция — мать небесная, круговое направление и перемещения. Из ряда примеров в работах А. Е. Наговицына назовем некоторые: кошель (деньги в нем то появляются, то уходят); кошевой атаман (походный атаман); кошка (гуляет сама по себе).

В мордовской мифологической системе Нишке-паз, Инешкипаз подобен верховному богу, богу солнца, сотворителю мира, земли — Чипазу. Его имя произошло от слова нешке — улей, пчела; паз/паваз — бог, счастье. Терюхане и эрзяне Нижегородской губернии называют его также Инечипаз (ине — большой; Инечи — пасха), сыном бога. Ипостась этого божества в женском облике — Нешкеава (иначе Нишкенде тейтерь), ее функция ограничивается покровительством пчеловодства.

Правителем подземного царства был Маторпаз (эрз.), Маторатя (мокш.) (матор (мокш., эрз.) — земля, край). Маторава — женский образ этого божества (ава (эрз., мокш.) — женщина, мать), (мокш., эрз.), ее помощницами были богиня леса (эрз., мокш. вирь) — Вирява, земли (эрз., мокш. мода) — Модава, воды (эрз., мокш. ведь) — Ведява, огня (эрз., мокш. тол) — Толава, урожая (эрз. норв) — Норовава, ветра (эрз., мокш. Варма) — Вармава, посредница между подземным и земным миром. Характерно, что у некоторых из богинь есть мужья и сыновья с похожими именами и размытыми функциями.

Божество-покровительница рода, домашнего хозяйства Юрхтава (морд., Юртава, эрз. юр — мокш., эрз. — корень, основа; юрхт, мокш. — двор, место). Позднее в некоторых селениях Юртаву отождествляли с божеством дома Кудавай, Кудазоравой, мокш., эрз. (куд/кудо — дом, жилище, азор/азоро — хозяин, властелин). Божество-покровительница бани, здоровья, родов — Банява, Банязорава.

Таким образом, взаимодействие русского и финно-угорских языков выросло из длительных внешне- и внутрирегиональных контактов. Это влияние было взаимным. Участие в обогащении культуры Древней Руси, с одной стороны, и вбирание финно-угорским населением русских традиций — с другой, привело к культурному синтезу, что и позволяет говорить о синтезе мифологических систем этих народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Добрава Е. В. Популярная история мифологии. М., 2003. С. 25.
² Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 195.
³ Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси: поэтические воззрения славян на природу. М., 2005. С. 219.
⁴ Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М., 2003. С. 50.
⁵ Мокш. — мокшанский, эрз. — эрзянский.
⁶ Девяткина Т. П. Народные приметы мордвы (мокши и эрзи). Саранск, 1994. С. 42.
⁷ Мельников П. И. Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 57.
⁸ Добрава Е. В. Популярная история... С. 324.
⁹ Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: Этнограф. справ. Саранск, 2004. С. 51.
¹⁰ Там же. С. 135.
¹¹ Девяткина Т. П. Народные приметы мордвы... С. 40.
¹² Наговицын А. Е. Тайны славянской мифологии. М., 2003. С. 202.

Поступила 06.07.07.

А. Л. ФИЛАТОВА **РАЗВИТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
МУЗЕЕВ РОССИИ
В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД**

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в политической и культурной жизни России произошли значительные перемены, которые не могли не сказаться на развитии провинциальных музеев. «Эпоха директивных документов и обязательных установок в музейном деле закончилась. Музеи получили самостоятельность и свободу выбора. Однако далеко не все местные музеи оказались в состоянии ими воспользоваться. В особенности сложное положение попали краеведческие музеи: привычные, спускавшиеся сверху схемы и стереотипы отбора и подачи материала, оказались разрушенными, интерес у публики — потерян, культовые здания, где находилась значительная часть краеведческих музеев, были возвращены церкви»¹. В Саранске, например, встал вопрос о передаче здания Республиканского краеведческого музея в ведение епархии, а здание Музея редкой книги и комплекс «Макаровский погост» освобождены от экспозиций и переданы церкви. Примерно в это же время расформирован Музей интернациональной дружбы.

Ситуация с провинциальными музеями во многом отражает состояние общества и его культуры переходного периода, утративших прежние ориентиры и стоящих перед проблемой выбора и самоопределения. Универсальный тип краеведческого музея, в течение многих лет реализуемый в городах и весях России, утратил свою жизнеспособность. Смысл краеведения, многоаспектного по своей природе явления, сводился в музеях к унылому однообразию: типовой структуре и отражавшей ее экспозиции, начинавшейся чучелом медведя и зубом мамонта и заканчивающейся образцами продукции местной промышленности. Что касается музеев Мордовии, то в коллекции обязательно присутствовали предметы быта мордвы, мордовский костюм, награды воинов-земляков.

ФИЛАТОВА Александра Львовна, докторант кафедры культурологии Мордовского государственного университета.

«Новая общественно-политическая ситуация в 90-е годы привела к серьезным изменениям в отношениях центра и регионов, но только не к ожидавшемуся росту духовного потенциала провинции. На местах возникли национально-культурные объединения, товарищества художников, организуются выставки художников разных школ и направлений. Но без дотаций им не прожить. Редкими стали передвижные выставки столичных музеев. Новое поколение знает о столичных музеях из телевизионных передач или не знает совсем», — писал Л. Н. Коган².

К счастью, он оказался не прав. Столичные и провинциальные музейные сотрудники и галеристы постепенно восстановили прежние контакты и наладили новые. В ЦДХ и лучших московских галереях оказались востребованными работы провинциальных художников и дизайнеров. На примере саранских музеев заметно увеличение количества выставок художников из других городов, а местные художники, особенно объединение «Артома», часто экспонируют свои работы за пределами Мордовии, их произведения находят в государственных и частных собраниях России и зарубежных стран.

В перестроечные годы в Министерстве культуры РФ разработали экскурсионно-туристическую схему, которая предписывала какому краеведческому музею что пропагандировать, но не всегда учитывала местную специфику. Например, краеведческому музею в г. Порхов, основанном Александром Невским и расположенном в крепости XIV в., было предписано рекламировать успехи района в сельском хозяйстве. Отметим, что Порхов окружен кольцом старинных усадеб, где раньше отдыхали известные писатели и художники, среди них — П. В. Анненков, В. А. Милашевский, В. Ф. Ходасевич, М. М. Зощенко, О. Э. Мандельштам, К. И. Чуковский и др. Музейным работникам удалось сохранить прежнюю экспозицию, что позволило позже провести цикл выставок, посвященных порховским усадьбам. Можно сказать, что определенный консерватизм провинции часто на деле оборачивается разумной мерой в противовес унифицированному диктату столичных инстанций.

Это лишь один пример того, что в переходные времена повышается активность музейных сотрудников и краеведов. Несмотря на недостаток средств, оформляются новые вы-

ставки, разрабатываются инновационные формы музейной работы, из фондов извлекаются интересные материалы, в прессе публикуются заметки о хорошо забытом прошлом. Главное — появились новые виды музейных учреждений — детские художественные галереи (г. Волгоград), первый в России музей-завод (г. Нижний Тагил), экомuzeи в Сибири и многие другие.

Провинциальные музеи взяли на себя функции не выдержавших испытание социальных структур и институтов — клубных учреждений, творческих союзов, общественных организаций, например, музеи-библиотеки в малых провинциальных городах.

Рубеж веков — благоприятное время для российских музеев, так как в столице и провинции открывались новые музеи с оригинальной тематикой, например, Музей трудного детства (г. Псков), Музей новогодней игрушки (г. Великий Устюг), Музей желудка сома (рыбзавод на о. Балхаш), Музей воздуха (Тверская область), Музей человеческого варварства и свинства (г. Владивосток), Музей нечистой силы (г. Углич) и др. Многие из них создавались не на пустом месте: основная часть их фондов складывалась из коллекций местных энтузиастов и стараниями краеведов, нередко они вырастали из школьных, заводских, «народных» музеев.

В конце XX в. в музейной среде России отчетливо заявляет о себе тенденция к отысканию собственного, не похожего на другие, профиля. Активисты этого направления сами формируют музейные коллекции и собрания, отыскивая их не только в историческом прошлом, но и в народном фольклоре. Иногда обыгрывается этимология названия города: в 1991 г. в г. Мышкин появился «Музей Мыши», в г. Петушки — «Музей Петуха», в Тамбове — «Музей тамбовского волка».

Провинциальные музеи открываются на основе местных производств и ресурсов: музеи «Тульские самовары», «Тульские древности», «Тульский пряник» — Тула, «Музей кружев» — Мценск, «Музей золотого шитья» — Торжок, «Музей мороженого» — Белгород и др. Открытие таких музеев не только стимулирует интерес населения и туристов к истории края, города или села, но и способствует возрождению местных промыслов и оживлению производства.

В конце XX в. в России появляются первые частные музеи, где выбор тем и коллекционного материала индиви-

дуален, например, в Екатеринбурге открылись музей «Невьянская икона» Е. Ройзмана и «Музей камня» В. Пелепенко; в Ярославле — «Музей старинных часов, колокольчиков и музыкальных инструментов» Дж. Мостославского, Угличе — «Музей-библиотека русской водки» А. Соломонова, с. Троицкое-Антропово Чеховского района — «Музей палаты № 6» А. Суповой и др.

Многие провинциальные музеи отличаются не только оригинальной коллекцией, но и интересной концепцией развития музея и города. Поэтому, несмотря на то, что мемориальные предметы новых музеев разновременны, экспозиционный материал не в полной мере отвечает задачам и уровню коллекций, а подчас не соответствует названию музея, мемориальность большинства экспонатов сомнительна или откровенно вымышлена, об исторической типологии в предметах быта не может быть и речи, и все же музей действует и привлекает посетителей.

Следует отметить, что новые музейные технологии уже работают и дают результат. Конечно, не все музеи выдержат испытание временем, но перспективы — несомненны.

К концу XX в. в провинциальных российских музеях, сотрудничавших с лабораторией музейного проектирования при Российском институте культуры, которая дает развернутые характеристики различных методологических подходов, а также анализирует социально-проектную и исследовательскую деятельность музеев, заработали новые программы. Так, музейный комплекс «Нижнекамский конгломерат» (1988) разработан как территориальная программа развития комплекса разнопрофильных музеев Республики Татарстан; Музей-заповедник «Кижы» (1997) — как новое прочтение концепции музея; Музей-заповедник «Торум-Маа» (1994) — как модель развития новой генерации экомузеев, интегрированных в сообщество национальной интеллигенции; Ивановский музей-заповедник (1989) — переориентирован с военно-исторического на историко-культурное направление на фоне нарастающей напряженности межнациональных отношений на границе России и Эстонии; Музей освоения Севера в г. Губкинском (Ямало-Ненецкий автономный округ) (1998) — как музей-трансформер, адаптированный к условиям экстремальных ограничений экспозиционного пространства, обеспечивающий конструктивное взаимовлияние

нового учреждения культуры и динамичного городского сообщества; Детский музей в г. Ноябрьске (1996) — как развернутое теоретическое обоснование интерактивных методов музейного экспонирования; Музей-заповедник «Шушенское» в Красноярском крае (1995) — как проект модернизации мемориального комплекса и его преобразования в историко-этнографический музей-заповедник; Музей освоения Норильского промышленного района в г. Норильске (1995) — как оригинальная функциональная модель музея, рассматривающая его фондовую работу как ресурсоформирующую, экспозиционную, духовно-производственную, образовательную, продуктореализующую и др.

На базе 15 российских музеев «осуществлялся синтез ранее накопленных знаний и опыта с новыми представлениями и опережающими идеями, созданы новые модели музейных учреждений, исследовались новые технологии музейной деятельности и новые теоретические положения, разрабатывались новые подходы к организации музейной работы как культурной, социальной и экономической деятельности», — замечает Н. А. Никишин³.

Однако качество работы этой группы музеев находится на разном уровне. Новые тенденции прослеживаются в Ярославском музее-заповеднике, Музее-заповеднике «Шушенское», в экомузее «Оуэн сир Мах», Музее-театре в Ханты-мансийском автономном округе, Объединенном мемориальном музее Ю. А. Гагарина (г. Гагарин) и др. В остальных музеях экспериментальной группы новые подходы в музейной практике не дали таких явных результатов. М. Е. Каулен отмечает: «К сожалению, положение этих необычных и непривычных объектов в музеях сегодня сходно с положением музейных предметов в XIX веке, в тот момент истории музейного дела, когда не пришло еще осознание необходимости сохранения всего, что вошло в музейное собрание, и сложившиеся коллекции легко исчезали и распылялись. До сих пор в большинстве музеев весь комплекс видов деятельности, связанных с непредметными формами наследия, относят к «нетрадиционным видам культурно-образовательной деятельности», не отделяя от имитации, театрализации, музейных праздников и других форм работы с посетителями. Подлинные элементы живой традиции, чрезвычайно хрупкие и требующие бережного отношения, соседствуют с грубыми имитациями»⁴.

Разные мнения о деятельности музеев нового типа свидетельствуют, что не все из запланированного получается, но эксперименты не останавливаются. Более того, кроме музеев, курируемых лабораторией, появилось много самостоятельных музеев со своей оригинальной тематикой, что способствовало большему разнообразию в системе культуры вообще, и провинциальных музеев в частности, расширению «генофонда» воздействия, росту ее динамичности; именно эти факты позволили Д. Лихачеву говорить о «музейном ренессансе» в России.

Отметим, что при всех трудностях, переживаемых провинциальными музеями, их роль в культурной жизни общества не уменьшается, а возрастает. «Может устареть все: пьеса, спектакль, кинофильм, симфония, книга. Не стареют, но и постоянно возрастают в своей моральной и материальной ценности лишь музейные коллекции», — говорил А. Крейн⁵.

Можно сказать, что перемены в политической и культурной жизни России конца XX в. отразились на деятельности музеев, переориентировавших и активизировавших свою работу в соответствии с развитием современных социально-гуманитарных наук, решая задачу комплексного, полидисциплинарного подхода к исследованию и передаче информационного потенциала культурного наследия, хранимого в музее. В XXI в. российские провинциальные музеи вступили, не утратив своих позиций как феномена культуры, разрабатывая новые концептуальные решения и формы работы, учитывая опыт зарубежной музейной практики, адаптировав его к современным российским условиям.

Провинциальная культура большинства областей России в конце XX в. не была «чистым листом» или подражанием столичной культуре. Постоянно учитывалось, что наибольшие условия для усвоения культурно-исторического наследия дает та среда, которая окружает человека с детских лет и способствует раскрытию духовных связей и явлений, а также порождает чувство сопричастности миру провинциальной культуры. Именно привычная среда помогает воспринимать факты и события не только рационально, но и эмоционально.

«Непременным атрибутом общественного сознания является историческая память, которая в условиях коренных общественных сдвигов имеет тенденцию к оживлению своей

роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом. Нельзя сформировать новую российскую государственность, новое российское гражданское общество без определенного уровня знаний, понимания и уважения к собственной истории», — подчеркивал Ж. Т. Тощенко⁶.

Отметим, что любые новации исторического или культурного порядка в России неизбежно отражались в провинции, где они сталкивались, соприкасались, взаимодействовали с особенностями социокультурной среды региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Размустова Т. О. Феномен местного музея в контексте культуры российской провинции // Социс. 1998. № 5. С. 64.

² Коган Л. Н. Место и роль ментальности в системе национальной культуры // Культура и этноэтика. Вып. 1. Этноэтика: методологические проблемы определения. Киев, 1992. С. 60.

³ Никишин Н. А. Социальные проекты в музейной сфере // От краеведения к культурологии. М., 2002. С. 217.

⁴ Каулен М. Е. Нематериальные объекты наследия в современном музее // От краеведения к культурологии. М., 2002. С. 233—247.

⁵ Крейн А. З. Записки музейного работника // Советский музей. 1990. № 1. С. 13.

⁶ Тощенко Ж. Т. Историческая память и социология // Социс. 1998. № 5. С. 5.

Поступила 27.10.07.

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ РОССИИ

25—28 сентября 2007 г. в Курском государственном университете состоялась III Всероссийская конференция «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России», проводившаяся в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России» под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН. Руководитель этого масштабного научного проекта — член-корреспондент РАН Н. И. Лапин — стал председателем Программного комитета конференции. Финансовая поддержка конференции осуществлялась Российским гуманитарным научным фондом.

Цель конференции — апробация результатов изучения социокультурного развития около 15 регионов Российской Федерации, определение возможностей сопоставления полученных данных в межрегиональном и общероссийском планах, а также использование социологической информации по социальной и культурной эволюции регионов в управленческих целях, решение ряда методических проблем, связанных с проведением эмпирических исследований.

В работе конференции приняли участие свыше 50 специалистов и представителей органов власти из 18 регионов России (г. Москвы, Белгородской, Курской, Орловской, Смоленской, Тульской областей, Республики Карелия, Вологодской области, Республики Калмыкия, Волгоградской области, Республики Татарстан, Чувашской Республики, Ульяновской области, Пермского края, Свердловской, Тюменской, Ом-

ской областей, Республики Бурятия) и Харьковской области Украины.

Конференция открылась пленарным заседанием, где были сделаны доклады, актуализировавшие основную проблематику разработки социокультурных портретов регионов. Выступление профессора **Е. А. Когай** было посвящено характеристике Курской области как социокультурного сообщества, определению ее места в ЦФО. Заместитель председателя Тюменской областной Думы **Г. С. Корепанов** раскрыл особенности конкурирующих социально-экономических и политических контекстов региональных субъектов. Предметом выступления ведущего научного сотрудника ЦИСИ ИФРАН **Л. А. Беляевой** стали методы изучения социального расслоения в регионе и возможности сравнения данных, отражающих стратификационные процессы в отдельных регионах и России в целом. Член-корреспондент РАН, директор ЦИСИ ИФРАН **Н. И. Лапин** в докладе обозначил ценности и ценностные позиции населения в портрете региона.

В соответствии с задачами конференции проведены круглые столы: «Результаты разработки социокультурных портретов регионов», где обсуждались результаты исследований, осуществленных по типовой методике в различных субъектах РФ. В докладах Г. Ф. Ромашкиной (ТюмГУ, Тюмень), Е. Г. Плотниковой (ПермГУ, Пермь), Г. В. Манзановой (ИП СО РАН, Бурятия), М. Н. Мухановой (КалмыцГУ, Элиста), Ю. М. Пасовец (КурскГУ, Курск) и других представлены итоги начального этапа подготовки социологических портретов регионов. Повышенный интерес вызвали выступления по актуальным проблемам регионального развития: бедности (Н. В. Дергунова, УГУ, Ульяновск), повседневного мира се-

мьи (А. М. Старостенко, ОРАГС, Орел), миграционной привлекательности региона в историческом контексте (А. В. Тихонова, СФ ОРАГС, Смоленск) и т. д.

Круглый стол «Возможности использования социокультурного портрета в деятельности региональных органов власти. Социальные ресурсы региона и реализация национальных проектов» представил исследователей В. М. Пивоева, ПГУ, Петрозаводск; Л. А. Дремову, КФ ВЗФЭИ, Курск; В. С. Григорьеву, ЧГИГН, Чебоксары, В. А. Юдашкина, Тюменская областная Дума, Тюмень; Н. Г. Каминского, Курская областная Дума, Курск и др. В докладах участников подняты вопросы выработки продуктивных форм взаимодействия ученых и практиков, определения проблем реализации национальных проектов и инновационных программ, поиска путей их преодоления.

Круглый стол «Методики и алгоритмы анализа массивов эмпирических исследований для портретов регионов» был посвящен решению задач повышения эффективности проведения полевых социологических исследований, совершенствованию инструментария сбора и обработки эмпирических данных. Эта проблематика нашла отражение в выступлениях К. И. Богомазова (ОГУ, Омск), В. И. Мосина (ТГПУ, Тула), С. В. Туманова (МГУ им. М. В. Ломоносова) и других исследователей.

Итоги работы подведены на заключительном пленарном заседании, где принята резолюция конференции. В ней подчеркивается целесообразность дальнейшей разработки социокультурных портретов различных регионов России на основе типовой методики; отмечается актуальность конструирования стандартных индексов и шкал, позволяющих обеспечить наглядность и сопоставимость

портретов регионов; обозначается заинтересованность исследователей в активизации обмена базами данных региональных исследований и общероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990, 1994, 1998, 2002, 2006 гг.), проводимого ЦИСИ ИФРАН; говорится о необходимости повышать прикладное значение подготовки социокультурных портретов регионов, что определяет углубление сотрудничества исследователей коллективов с региональными органами государственной власти, СМИ, политическими партиями и общественными организациями; раскрывается потребность в создании Общероссийского научно-координационного совета «Социокультурные портреты регионов России» под руководством РАН; выражается пожелание включить в программу III Всероссийского социологического конгресса (2008 г.) тематическое направление «Успехи, проблемы и перспективы социокультурной эволюции регионов России» и т. д. Участники конференции единодушно поддержали инициативу проведения IV научно-практической конференции по построению социокультурных портретов регионов России в 2008 г. в г. Чебоксары на базе Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) при Правительстве Чувашской Республики.

По результатам конференции издан сборник научных работ, отражающих теоретико-методологические и методические проблемы разработки социокультурных портретов российских регионов.

Е. А. КОГАЙ,
доктор философских наук
(г. Курск)

Ю. М. ПАСОВЕЦ,
кандидат социологических наук
(г. Курск)

DJORDJEVIĆ Ksenija, LEONARD Jean-Léo. Parlons mordve (erzya et mokša). — Paris: L'Harmattan, 2006. — 292 p.

Книга К. Джорджевич. Ж.-Л. Леонарда, несомненно, привлечет внимание лингвистов и культурологов, занимающихся проблемами финно-угорских языков и культуры, поскольку представляет собой фундаментальное исследование ученых, по-настоящему глубоко интересующихся языками и культурой Мордовии.

В работе анализируются материалы, собранные авторами во время их посещения республики в 2003 и 2004 гг. и участия в фольклорно-языковых экспедициях Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Интерес ученых к полевым исследованиям 2004 г., организованным в рамках республиканских мероприятий, посвященных Году мордовского национального просветительства, обусловлен тем обстоятельством, что их маршрут совпадал с маршрутом экспедиции М. Е. Евсевьева 1892 г. и проходил по селам Теньгушевского и Кочкуровского районов республики.

Это не единственный факт проявленного из-за рубежа интереса к мордовским языкам и национальной культуре мордвы. Однако отличительной чертой рецензируемого издания является научная корректность, основательность и современный ракурс рассмотрения роли мордовских языков и культуры в полифоничном лингвокультурологическом пространстве России и Европы в целом.

Экстралингвистические факторы не стали фокусом внимания исследователей. Они выстраивают ход своих рассуждений в русле функциональной лингвистики, вовлекая читателя в научный диалог с помощью давнего, но все еще интригующего вопроса о количестве

мордовских языков: два или один? Ученые аргументированно отвечают на поставленный вопрос, с уверенностью признавая два мордовских языка: мокшанский и эрзянский. Их аргументы отличаются научной корректностью и детализированным анализом фонетического, морфологического и синтаксического строя эрзянского и мокшанского языков.

Следует отметить, что авторы упоминают и третью ветвь — шокшу, переживающую процесс ускоренного исчезновения, что требует продолжения экспедиционных фольклорных и языковых исследований с целью фиксации особенностей еще сохранившихся особенностей этой разновидности мордовского языка и образцов бытующего среди его носителей фольклора. При этом проводится интересный экскурс в историю становления мордовского этноса, сопровождающийся картами расселения мордвы по районам республики и фотографиями, представляющими, на наш взгляд, не только историческую, но и художественную ценность.

Значительное место в книге отведено анализу демографической ситуации в Мордовии на разных этапах развития (С. 55—65). Особенно ценно, на наш взгляд, в этом разделе то, что авторы показывают влияние межэтнических контактов на развитие мордовского этноса, причем говорится не только о постоянных, исторически сложившихся и традиционно анализируемых контактах с русскими, но и о взаимодействии с татарами, марийцами, коми и финнами и о том, как они сказывались на развитии мордовских языков (С. 68, 69). Раздел, безусловно, интересен ученым, изучающим проблемы интерференции и заимствования

элементов контактных языков, условий и форм возникновения дву- и многоязычия, механизмов функционирования нескольких языков в их взаимодействии и других смежных лингвистических проблем.

Очевидно, что в обществе, где функционируют множество языков, важно иметь четкое представление о том, в каких социальных сферах используются языки, каковы их взаимоотношения по статусу и функциям. Необходимость такой информации имеет практическую значимость при решении проблем и разработке мер языковой политики государственного образования. Ее реализация посредством создания законов о языках требует всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработанности его систем (системы специальных терминологий, научного языка, языка дипломатических документов, стиля официально-делового общения и т. п.), более или менее детального представления о возможностях данного языка в разнообразных социальных и каузативных условиях его употребления. Кроме того, эффективность языковой политики во многом зависит от того, насколько осуществляемые меры учитывают языковую ситуацию полиэтничного и многоязычного региона. В таких условиях языковая политика должна отличаться особой гибкостью и учитывать множество факторов, так как вопросы соотношения языков по их коммуникативным функциям, использованию в различных сферах социальной жизни тесно связаны с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности.

Анализируя эти положения на примере Республики Мордовия, следует отметить, что специфика языковой ситуации в регионе обусловлена

ст. 13 Конституции РМ, согласно которой ее государственными языками признаются русский и мордовский (мокшанский и эрзянский) языки. Такой подход использован не только для повышения социальной значимости мордовских языков, но и расширения сферы их функционирования, а также приобретения ими новых функций в соответствии с полученным статусом. Обстоятельство, при котором родным языком считают язык своей национальности 88,5 % мордвы, проживающей в республике, и 99,9 % русских, делает анализ особенностей использования языков этих народов в различных сферах их употребления на основе комплексного изучения функционального взаимодействия, прежде всего, русского и мордовского языков, безусловно, значимым и актуальным. Вместе с тем, на современном этапе своего развития Мордовия переживает значительные экономические преобразования, появление новых ориентиров в социальной и национальной политике. Результаты воздействия этих изменений, безусловно, отражаются на отношениях, в которых находятся компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей языковое сообщество Мордовии, что требует своего изучения и осмысления с точки зрения современной языковой ситуации, сформировавшейся в условиях таких перемен.

Уникальным представляется раздел книги, включающий в себя глоссарий вместе с наиболее употребительными фразами, обеспечивающими повседневное общение на французском и мордовских языках. Используя метод семантических полей, авторы отобрали лексико-грамматические единицы, учитывая функциональный аспект их применения и регистры общения.

Обладея многомерным научным диапазоном, К. Джорджевич, социолог и специалист по языкам восточной Европы, и Ж.-Л. Леонард, известный французский лингвист финно-угровед, рассматривают мордовские языки с типологической точки зрения, показывая их глубинную связь с другими языками народов Европы, входящими в самодийскую группу. Таким образом признается древнейший характер мордовских языков и мордовской культуры.

В контексте общих рассуждений авторов нет необходимости постулировать тот факт, что язык является сокровищницей культуры народа, — это утверждение пресуппозиция всего нарративного пространства книги. Раздел «Культура, искусство и литература» демонстрирует не только глубокую осведомленность ученых в вопросах культуры мордовского народа, но и их искреннюю заинтересованность, а порой и восхищение искусством и ремеслами Мордовии. Отдавая дань С. Д. Эрзе, чье творчество поистине увековечило имя его соплеменников, и восхищаясь солнечной палитрой красок Ф. В. Сычкова, авторы вводят в раздел книги уникальный материал, который можно назвать ассоциативными поэтическими текстами, написанными на сербском и французском языках, посвященными восприятию чужой культуры. Эти тексты специально предшествуют последним разделам книги о религии, мифотворчестве, традициях и обычаях мордвы — в них оживают образы-символы, объединяющие разные народы.

Известна мысль В. Гумбольдта о том, что каждый народ имеет свою картину мира, народ, говорящий на определенном языке определенным образом видит и отражает окружающий мир. В основе создания картины мира лежит процесс символизации. Символ, являясь универсальным феноменом человеческого бытия, воплощается в картине мира как человечества в целом, так и в картине мира отдельного народа, раскрываясь поэтапно, через призму символизаций.

Символы, вплетенные в узоры знаменитых мордовских вышивок, образцы которых представлены на фотографиях книги, оживают в мордовских сказах и мифах народов Европы, красноречиво убеждая, что мордовские народы издревле находились в общеевропейском культурном пространстве, поэтому интереснейшая работа К. Джорджевич и Ж.-Л. Леонарда звучит как гимн содружеству языков и народов, насладиться звучанием которого смогут не только специалисты в области финно-угорских языков и культур, но и все, кому интересны эрзянский и мокшанский языки, хранящие сокровища древней и самобытной мордовской культуры.

А. Ю. ИВЛЕВА,
кандидат философских наук
(г. Саранск)

А. В. ЧЕРНОВ,
кандидат филологических наук
(г. Саранск)

ANNOTATIONS

A. V. Loginov. Influence of State Social Policy on Political Stability of a Region.

Factors of political stability of the region are analysed in the article. Certain regularities of the influence of state social policy on political stability are determined.

A. A. Bashkarev. Virtual Political Space in Internet.

Comparative analysis of advantages and disadvantages of using Internet in political processes is carried out. Distinctive factors promoting interactivity of political communication in Internet are considered. Attention is paid to the points of regulation of information spread in the computer networks.

V. P. Minichkina. Monitoring of Administrative Reform Campaign in a Region.

The analysis of the first stage of the administrative reform implementation in the Republic of Mordovia is presented in the article.

A. V. Shilovsky. Diplomacy of Regions: Experience and Perspectives.

The Murmansk Region as region taking active part in transfrontier co-operation and promoting interests of Russia's external policy in the north of Europe is considered in the article. Difficulties which the Region faces as well as factors influencing the formation of international image of the Russian Federation constituent entity in the future are highlighted.

E. N. Tataurova. Municipal Administration: Problems of Communication with Population.

On the basis of municipal officials' and the population of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod Region inquiry the problems of co-operation between municipal administration bodies and the population are highlighted.

R. K. Satvalova. Practice of Sovereignty Implementation in Federative State.

Certain aspects of sovereignty implementation in the condition of the federative state are analysed in the article.

I. V. Bakhlov. Political and Legal Construction of the Soviet Federation.

The history of the Soviet Federation establishment as well as specificity and distinctive features of the federative relations creation in the USSR and the Russian Soviet Federative Socialist Republic are analysed in the article.

N. A. Alekseeva. Certain Aspects of Mezo-Economic Theory of a Region.

Basic provisions of mezo-economic theory of the region, its subject and object are presented in the article. After the example of «life quality»

indicator the efficiency of mezo-economic analysis application in regional economy efficiency evaluation is proved.

V. F. Chebotarev, I. V. Belov. Cluster Policy as Basis for Strategic Innovation Development of a Region.

The place and the role of the cluster policy of strategic character in innovation development of the region are presented. Special attention is paid to the problem of project and analytic and organisational coordination of the development programmes.

S. L. Borovaya, E. S. Gubanova. Methods for Evaluation of Differentiation of Social and Economic Development of a Region.

Methodological approach offered in the article is aimed at the comprehensive analysis of differentiation of social and economic development of regional municipal entities. The results of the analysis may be used by regional power bodies and local self-government bodies in the process of the decision-making with reference to the choice of regulations determined by the aims of the region development.

R. G. Smolkin. Development of Budget Mechanism for State Regulation of Economic Development of Regions.

Certain aspects of the development of budget mechanism for state regulation of economic development of the regions are analysed in the article; ways for the optimisation are offered.

K. V. Maltsev. Problems of Land Market State Regulation.

The structure of the land fund and its transferability as well as main goals and objectives of state power bodies aimed at the Russian land market development are presented in the article.

A. A. Kidyamkin. Peculiarities in Development of Cable Industry and their Influence on Branch Business-Planning.

The analysis of the peculiarities and tendencies in the development of the main domestic cable producers is carried out. The necessity for the development of business-planning and its influence on the branch are substantiated.

O. V. Asmus, T. Yu. Asmus. Problems of Balanced Development of Agri-Industrial Complex in Depressive Territories.

An attempt to analyse balanced development of agri-industrial complex in depressive territories, in particular, in the Ulyanovsk Region, is made in the article. Establishment of complicated vertically integrated agricultural formations as a mechanism for regional agri-industrial complex development is offered.

S. P. Burlankov, A. N. Shukin. Regional Peculiarities in Establishing Integrated Formations in Agri-Industrial Complex of Russia and Foreign Countries.

Different forms of interaction and integration of agri-industrial complex entities are analysed in the article. The common and the particular in the process of integrated formations establishment both in Russia and in foreign countries are noted. Special attention is paid to agri-holdings.

S. F. Kuznetsov. Estimation of Regional Agrarian Sector Enterprises' Provision Level with Working Capital.

Estimated data of the agrarian sector enterprises of the Republic of Mordovia provision level with working capital are presented in the article.

V. I. Panteleev, V. K. Kistenev, S. A. Demchenko. Stating of Electric Power Consumption Limits by Municipal Entities.

Basic methods for stating electric power consumption limits by municipal entities after the example of Krasnoyarsk medical institutions are presented in the article.

A. P. Egorshin, E. Yu. Gorbunova. Diagnostics and Strategic Planning of a Higher Education Institution.

The scheme for structural units of a higher education institution management, the procedure and the contents of the diagnostic analysis and strategic planning of a university are presented in the article.

N. V. Ivashkina. Economic and Social and Personal Factors for Higher Education Availability in a Region.

On the basis of the results of sociological research the analysis of economic and social and personal factors for higher education availability in the Republic of Mordovia is carried out, ways for the optimisation are offered.

V. T. Volov. Development of Telecommunication Education Technologies in the Context of Struggle against the Society Criminalisation.

The activities of the Samara branch of the Modern Humanitarian Academy in the field of provision the convicted the opportunity to get higher education as well as interaction of all interested parties are under analysis.

S. V. Dergachev. Administration of Municipal Institutions' Personnel Professional Training in a Region.

Educational and professional structure of municipal officials in the Republic of Mari El is presented in the article. Problems and basic trends in their training and retraining are highlighted.

A. Yu. Arkhipenko. Full-Time Professional Education in the Structure of Regional Industrial Enterprise.

Main problems in the system of full-time professional education in the structure of an industrial enterprise of the Ulyanovsk Region are analysed in the article.

N. N. Mikhailova. Gender Socialisation in Regional Higher Education Institutions.

An attempt to analyse gender socialisation of university teachers in Ulyanovsk and Dimitrovgrad is made. Different aspects in the relations between men and women under the influence of scientific and teaching activities are under analysis.

S. N. Alyamkin. Specificity of Regional Business Social Responsibility.

One of the most important roles of business social responsibility for the efficient development of regional economic systems after the example of the activities of «Mining and Smelting company “OJSC Norilsk Nickel”» in the Krasnoyarsk Region is stressed in the article. Three levels of business social responsibility are determined, their characteristics are given, the conclusion on the necessity of elaborating conceptual basis for business social responsibility is made.

A. M. Prilutsky. Influence of Ecumenical Organisations on the Religious Situation in the North-Western Region.

The analysis of different confessions in the North-West of Europe, problems in their functioning and perspectives for the development are presented in the article.

Zh. V. Kuznetsova. Aggression as Sign of Intolerance among Children of 6—10 Years Old in the Conditions of Inter-Ethnic Relations.

The contents of the notions of «tolerance» and «intolerance» are analysed in the article. The level and the directionality of aggression in the behaviour of children of 6—10 years old in the condition of interethnic relations are distinguished.

K. O. Chepelenko. Experience of Visual and Social Reflection of Theatre Spectator.

The social and cultural aspect of the theatre performance from the point of view of visual sociology is considered in the article. Novelty of the approach is that visual context of one of the performances of the Saratov Academic Drama Theatre serves as empiric material. The choice of visual

images is connected with the idea of the historic epoch representation in the theatre performance.

E. S. Romanovskaya. Implementation of Contest Mechanisms in Expenditure of Budgetary Funds in Regional Social Sphere.

The analysis of contest mechanisms in expenditure of budgetary funds in social sphere in the town of Magadan is carried out in the article; strong and weak points are presented, mechanisms for their optimisation are offered.

M. S. Akhmetova. Social Conditions of Elderly People in the Region.

The results of the research carried out by state statistics bodies in the Republic of Bashkortostan in December, 2006 are presented in the article. Three social groups (the young, the middle aged and the elderly) evaluate their life in general, other generations and their ideas about the elderly. The analysis is made.

Sh. G. Seidov. Integrated Regional Information Space Formation.

Institutional approach towards the process of the formation of integrated regional information space is substantiated in the article. It is offered to elaborate Information Atlas of modern Russian society which will represent the typology of regions based on opportunities of their integration into integrated information space.

V. A. Nechaev, T. E. Izosimova. Information Systems and Resources as Factors for Social and Economic Development of a Region.

The analysis of implementation and application of information systems and resources aimed at the optimisation of interrelation of the state power bodies and local self-government bodies of the Republic of Mordovia with the population, increase in quality of services rendered to the population is made in the article. In the opinion of the authors, implementation and application of these system and resources are the accelerators of social and economic development of the republic.

V. N. Romanov. To the Point of Russian Poly-Ethnic Polarity.

Common and particular characteristics of the Russian poly-ethnic identity formation in interaction with the eastern and western civilisations are analysed in the article.

E. S. Bakhmustov. Sect of Runners — Radical Trend of the Split.

The essence of the most radical trend of the dissidence — the sect of runners is revealed in the article. Their practices, adapts' activities are analysed; range of its semination are shown.

O. A. Dorofeeva. Tendencies of Inter-Penetration of the Slavic and the Finno-Ugric Mythological Interpretations.

An attempt to understand the essence of the original Mordovian perception of the outworld by means of the analysis of the related neighbouring cultures is made. On the basis of the comparative analysis mythological images of the Mordva and the Russians, the Finno-Ugric and the Slavic which are characterised by the tendency of inter-penetration are presented.

A. L. Filatova. Development of Provincial Museums of Russia in the Post-Perestroyka Period.

The development of museums in the Russian Federation constituent entities in the end of XX — the beginning of XXI centuries is analysed in the article. New tendencies and forms in the museum and exhibition activities of provincial museums are highlighted.

Качественное образование — успешная карьера!

**ФИЛИАЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОЛГО-ВЯТСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
В Г. САРАНСКЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Лицензия № 8532 от 17 апреля 2007 г.

приглашает на учебу по специальностям:
(очная и заочная формы обучения)

~ **Государственное и муниципальное управление**
~ **Финансы и кредит**

на базе среднего (полного) общего образования
на базе среднего профессионального образования
на базе высшего образования

По результатам обучения выдается диплом государственного образца.

Прием документов до 15 августа 2008 г. по адресу:
г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Справки по телефонам: (834-2) 48-28-11, 24-32-45.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Т. И. Голубчик, Л. В. Калачина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций *С. И. Лягуценко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 10.01.08. Подписано в печать 14.03.08. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура JournalSTT. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 15,05. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 1273.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru, rri@moris.ru. Сайт в Интернете: <http://regionologiya.org.ru>

Набрано в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.